

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«М И Р»

К.БОРУНЬ ГРАНЬ БЕССМЕРТИЯ

ПЕРЕВОД С ПОЛЬСКОГО

Послесловие Г. И. ГУРЕВИЧА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР» • МОСКВА 1967

*Редакция научно-фантастической
и научно-популярной литературы*

К СОВЕТСКОМУ ЧИТАТЕЛЮ

Передо мной сложная задача. Как полагается в предисловии, то есть своего рода самопредставлении, я должен писать о себе, своем отношении к научной фантастике и о том, как я представляю себе ее роль и место в современной литературе. Сделать это на двух-трех страницах непросто, к тому же смущает огромная, требовательная и искушенная аудитория: за последние годы советский читатель, пожалуй, шире, чем любой другой, познакомился с творчеством писателей-фантастов многих стран.

Не один год я слежу за советской научно-фантастической литературой. Мои короткие посещения вашей страны были заполнены интереснейшими дискуссиями с советскими писателями-фантастами и читателями. Не хочется повторять общеизвестных истин, но нельзя не подчеркнуть, что популярность научно-фантастической книги среди читателей вашей страны и писательский интерес к ней — лучшие доказательства взаимозависимости общественного спроса на литературу этого жанра и взрывоподобного развития науки и техники в наше время. Не случайно, что именно в Советском Союзе, который идет в первых рядах не только общественного, но и научно-технического развития, жанру научной фантастики уделяется столь значительное внимание. На мой взгляд,

«развлеченческая» функция фантастики является побочной, а не основной ее задачей.

Научная фантастика — дитя мечты и опасений современного человека. Суть этих надежд и волнений формируется конкретными общественными и экономическими условиями. В данном случае я имею в виду пессимистический тон, столь характерный, например, для многих американских писателей и совершенно не свойственный писателям-фантастам стран социализма. Разница здесь в видении роли и места человека в динамике преобразований, происходящих в нашем мире, в изображении его будущего.

Научно-фантастическая литература, во всяком случае наиболее значительная ее часть, утрачивает характер техницизированной сказки и беллетризованной картины предвидимого научно-технического развития. Основным героем ее становится человек, а основное внимание уделяется его внутреннему отношению к миру, его философии, его морали. Такой гуманистический поворот в научной фантастике социалистических стран открывает перед пей неизмеримо большие перспективы по сравнению с буржуазной фантастикой прежде всего потому, что он тесно связан с динамикой общественного развития. Писатели стран капитализма в своем изображении будущего, как правило, не в состоянии выйти из заколдованного круга капиталистических общественных отношений, поэтому грядущее носит в их произведениях в лучшем случае характер утопии.

По моему мнению, только общественно-философская тематика открывает перед писателем-фантастом широкие просторы для воображения и творчества. Именно этому направлению фантастики я пытаюсь следовать в своих произведениях. Но моя цель — отнюдь не предвидение будущего в узком смысле слова. Прогноз развития науки и

техники — дело неблагодарное, точнее, вообще безнадежное, ибо это развитие — процесс чрезвычайно сложный, и направление его можно предвидеть лишь в весьма ограниченных пределах. Каждое очередное открытие может стать (как не раз становилось) источником новых открытий в непредвидимых направлениях.

Фантастическое видение будущего мира вместе с его необычайными открытиями и изобретениями я рассматриваю прежде всего как декорацию, позволяющую показать философские и моральные проблемы. Не думаю, что мир через 380 веков будет выглядеть так, как я пытался нарисовать его в «Токкате». Но мир отдаленного будущего — хотя он и может показаться современному человеку непонятным — останется миром человеческим, он не потеряет общественных и культурных связей с нашим временем.

Однако я отнюдь не утверждаю, что разговор о будущем — о целях, к которым мы стремимся, и опасностях, нас ожидающих, — бесплоден. Несомненно, развитие научной фантастики может иметь весомое общественное значение. Ее можно назвать герольдом приближающейся эпохи. Картины грядущего коммунистического общества — это не утопии, в общих чертах действительность, безусловно, будет им соответствовать. Но сегодня мы отдаем себе отчет в опасности их упрощения, их наивного изображения.

Множество современных проблем через несколько десятилетий изживет себя, но будущее общество окажется перед лицом новых проблем, которые сегодня мы не в состоянии даже предвидеть. Тем не менее корни многих из них следует искать в современности. Это может облегчить выбор путей для общественных и культурных преобразований.

Разумеется, я далек от того, чтобы переоценивать роль фантастики в этой области, но все же считаю, что основная ее задача совпадает с задачей всей литературы — выявлять и разрешать средствами жанра проблемы современности. На первый взгляд этот тезис кажется неточным: ведь область фантастики — будущее. Но разве историческая повесть не представляет собой попытку, заглянув в прошлое, отыскать в нем причины того или иного явления наших дней или посмотреть на современность через призму минувших лет? Пожалуй, в еще большей степени эту роль может исполнять научная фантастика, окрыленная свободой вымысла и опирающаяся на новейшие достижения науки.

Кшиштоф Борунь

Варшава, август 1966 г.

ГРАНЬ БЕССМЕРТИЯ

I

Я вытер платком лоб и нехотя нажал кнопку звонка. Жара настраивала враждебно ко всему на свете. Принять бы сейчас душ, но сеньора де Лима не та клиентка, от которой можно легко отделаться.

Вошел Фернандес. Он уже был явно утомлен.

— Ждет? — спросил я, сочувственно взглянув на него.

— Ждет, — подтвердил он со вздохом и таким выражением лица, словно у него болели зубы.

— Ну что ж, — сказал я, смиряясь. — Просите.

Долорес де Лима быстро пересекла кабинет и, не поздоровавшись, театральным жестом бросила на письменный стол небольшую книжку в яркой обложке.

— Что скажете?

Ее лицо выражало высшую степень возмущения.

— «Грань бессмертия», — я отложил книгу.

— Ну, что скажете? — повторила сеньора де Лима, усаживаясь в кресле. — Какая наглость!

— Новое издание? — спросил я неуверенно, тщетно пытаясь вспомнить перечень произведений Хозе Браго, составленный для меня Катариной.

— Сеньор! Вы не интересуетесь моим делом! Это же новый роман!

Она вскочила с кресла и ткнула пальцем в угол обложки. «Первое издание. Посмертное», — прочел я.

— Значит, опять нашли что-то новое? — сделал я слабую попытку оправдать свое неведение. — Это, кажется, уже пятая книга за три года?

— Вместе с томом рассказов — седьмая! И взгляните: тираж 250 тысяч! Да еще готовятся переводы. Это целое состояние! Знаете ли вы, что Уорнер приступает к экранизации «Сумерек»? А «Дождь» уже поставили 32 театра — Лондон, Париж, Москва, Нью-Йорк! Это же грабеж! А мы полгода топчемся на месте. Я не позволю обкрадывать моего ребенка!

— Это очень сложное, чтобы не сказать... безнадежное дело. Я изучал завещание. Оно составлено в соответствии со всеми требованиями закона.

Она бросилась в кресло.

— Ну и что?! Ведь Хозе не мог быть в здравом уме! Вероятнее всего, он был пьян... Это почти несомненно! Хозе был алкоголиком. Последние годы перед смертью он постоянно пил. Разве человек в горячке может отвечать за свои поступки?

— Но судя по медицинскому заключению, ваш муж умер от рака.

— Не важно, от чего он умер, но он мог быть в состоянии невменяемости, когда оформлял это злосчастное завещание...

— Нотариус... — начал было я.

Она не дала мне договорить.

— Это могло быть психическое заболевание! Скрытое, давно развивавшееся! Ведь у него была какая-то опухоль в мозгу... В таком состоянии он не мог мыслить здраво.

— Именно это мы и попытаемся доказать. Правда, в нотариальных документах имеется история болезни, но там нет никаких данных в пользу того, что Браго страдал нарушениями психики. Во всяком случае, в момент составления завещания. Не знаю также, удастся ли нам

доказать, что это случалось с ним раньше. Попробуйте отыскать свидетелей. Неужели он не устраивал дебошей, хотя бы в пьяном виде?

Сеньора де Лима как-то сникла.

— Это был злой, самовлюбленный человек, — сказала она тихим, угасшим голосом. — Чтобы измываться над женой, не обязательно скандалы или побои... Порой достаточно просто молчать. А знаете ли вы, что на протяжении нескольких лет нашей совместной жизни он не проработал в общей сложности и года? Ему не хотелось ходить на службу. Только и знал стучать по ночам на машинке... Днем спал или болтался где-то... А потом и писать почти перестал, потому что машинку продал. На водку...

— Развод состоялся по вашей инициативе?

— А что мне оставалось делать? Я должна была подумать о будущем ребенка.

— Но Браго хотел взять у вас сына.

— Да. Однако суд не присудил ему Марио. Разве это не доказывает, что уже тогда он был не вполне нормален?

— Но в решении суда нет ничего, что позволило бы поставить вопрос именно так.

— Мой теперешний муж стал для Марио настоящим отцом, — начала сеньора де Лима. — А Хозе сделал так, что даже после его смерти Марио ничего не получил. Вы только подумайте: все забрать, а потом написать в завещании, что-де все находящееся в моем распоряжении становится собственностью Марио... Какое лицемерие! Обмануть собственного ребенка!

— Так он действительно не оставил вам никаких рукописей?

Сеньора де Лима возмущенно взглянула на меня.

— Да вы что? Сейчас, когда его книги и пьесы нарасхват, я не стала бы ждать!

— Он завещал сыну также и произведения, опубликованные еще при жизни, и, кажется, пьесу, поставленную в каком-то театре?

— Ах, сеньор! Ведь в то время ее нигде не хотели ставить. Единственное издание «Серого пламени» критика буквально съела. Ну и несколько рассказов, которые он продал за гроши журналам, — вот и все.

— Сегодня эти произведения тоже поднялись в цене. Впрочем, мы сделаем все, что будет в наших силах. Но, скажите, не кажется ли вам странным, что ваш первый муж лишил — вернее, частично лишил — наследства сына, которого, как это следует из судебного процесса, очень любил?

— Обычная для него комедия. Он просто хотел отыграться на мне. Отнять у меня ребенка ему не удалось и не удастся, даже после смерти! Он никого не любил. Только себя!

— Попробуем рассмотреть все возможности, — я решил подвести итог. — Завещание сформулировано несколько странно. В нем конкретно не упоминается ни одно произведение, за исключением не принятой к постановке пьесы. То же самое относится и к условной записи в пользу института имени Барта «остальных» произведений, которых не было у вас и которые не были опубликованы при жизни автора. Так вот, мне в голову пришла мысль, которая, быть может, облегчит нам получение прав на наследство. Попробуйте написать названия и по возможности содержание известных вам, но пока еще не опубликованных произведений Хозе Браго. Мы заверим этот список у нотариуса. Возможно, институт Барта располагает хотя бы одним из них, тогда мы попытаемся убедить суд, что первоначально оно находилось у вас, а потом исчезло. Разумеется, мы не станем обвинять ин-

ститут в хищении, но наши претензии тогда будут хоть как-то обоснованы.

— Я это сделаю сейчас же, — поспешно ответила сеньора де Лима. — Правда, содержание я не очень помню, но, может быть, названия... Впрочем, Марио помнит лучше. Хозе читал ему свои произведения.

— Вашему сыну тогда было семь лет...

— Они встречались позже... иногда... Скажу вам откровенно, названия всех произведений Хозе, опубликованных институтом Барта, не были известны ни мне, ни моему сыну.

— Ну что ж? Поразмыслим... — уклончиво ответил я, считая разговор оконченным. Однако клиентка не собиралась уходить.

— Видите ли... — вновь нерешительно начала она. — Действуя так, как до сих пор, мы, мне кажется, никогда не достигнем цели. У моего мужа возникла одна идея, я хотела сказать... одно подозрение.

— Подозрение? — насторожился я.

— Предположим даже, что завещание законно и Хозе не терял рассудка. Есть ли у нас доказательства, что он умер естественной смертью?

На этот раз я уже потерял самообладание!

— Вы хотите обвинить институт Барта, всемирно известную научную организацию, в убийстве?! Столь серьезное учреждение не стало бы мараться из-за нескольких сотен тысяч...

— Из этих сотен тысяч вскоре вырастут миллионы!

— Но кому могла быть выгодна смерть молодого, неизвестного писателя?

— Однако же факт остаётся фактом: крупные суммы постоянно поступают в кассу института, а новые произведения ежегодно извлекаются из таинственного посмертного портфеля, находящегося у Боннара. А ведь Хозе

умер именно в институтской клинике. Там его лечили, а он из благодарности завещал им свои произведения, которые в то время, будем откровенны, не имели никакой ценности. К сожалению, болезнь была неизлечимой, — продолжала она иронически, — редкий случай рака, против которого еще до сих пор нет средств. Имейте в виду, что институт и не специализируется на лечении опухолей. И вот после смерти пациента сам «великий» профессор Боннар вдруг заинтересовался писаниной неизвестного графомана, которую тот передал в распоряжение института, и, используя свое влияние, сделал из него великого писателя. Более того, оказывается, в завещании есть пункт, по которому Боннар становится единственным опекуном моего сына в случае, если Марио пожелает воспользоваться плодами писательской деятельности своего отца. И это никому не кажется странным...

Я не понимал, куда она клонит.

— Вы, вероятно, сами не верите в то, что говорите! Обвинять профессора Боннара! Это абсурдно!

— Однако я, как клиентка, прошу вас изучить и такую возможность. Ведь эксгумация разрешается? Можно провести вскрытие. Яд удастся обнаружить даже спустя много лет.

— Мы только скомпрометируем себя, — осторожно заметил я.

— Вы думаете, специалисты из института Барта не оставили следов?

— Боже мой, я вообще считаю, что об убийстве нечего и говорить. Ваш первый муж умер от рака.

— Пусть так. Но я хочу убедиться в этом. У меня есть факты, позволяющие предполагать, что было совершено убийство.

Я был удивлен ее уверенным тоном, а она продолжала.

— В то время, когда вас грызли ваши адвокатские сомнения, мы попытались кое-что узнать. Чуткие люди, заслуживающие полного доверия, рассказали нам, что на бедном Хозе Браго профессор Боннар производил какие-то эксперименты. Этого достаточно.

— По-видимому, речь шла о новых методах лечения. Хозе Браго был в безнадежном состоянии, а в таких случаях — с согласия больного — допускается применение даже недостаточно проверенных лекарств.

— Может быть... Может быть... Однако я настаиваю на эксгумации!

Я чувствовал, что эта упрямая женщина не уйдет, пока не добьется своего.

— Хорошо, — без особого энтузиазма согласился я. — Где похоронен Хозе Браго?

— В Пунто де Виста, небольшой деревушке в шести километрах от института Барта. Кстати, мой брат, Эстебан Альберди, занимает там место приходского священника.

II

В деревне Пунто де Виста, раскинувшейся по склону невысокого холма, жили в основном владельцы убогих участков и безземельные крестьяне, работавшие на близлежащей плантации. Небольшие домики, чаще всего просто лачуги из камней и дерева, только издали радовали взор мозаикой белых прямоугольных пятен на фоне сочной зелени, вблизи же они теряли всю свою привлекательность. Лишь старая церковь на вершине холма, пожалуй помнящая еще времена португальского владычества, привлекала гармонией архитектурных линий, а окружающий ее с севера сад обещал прохладу после жары и пыльной дороги.

Я остановил машину возле каменных ступеней, круто поднимавшихся к церкви, и, спросив пожилую женщину о дороге, отправился наверх к раскрытой настежь боковой калитке. Тенистая аллея вела в глубь сада, туда, где белели какие-то строения. Однако оказалось, что это только обгоревшие стены двухэтажного дома. Жилище приходского священника я нашел еще дальше, это был небольшой домик, стоявший у каменной ограды, которая отделяла сад от кладбища.

На мой стук почти сразу же вышел сам хозяин. Невысокий, с небольшим, немного детским лицом и седыми висками, он совершенно не походил на типичного сельского священника. Стоя в дверях, он вопросительно смотрел на меня, скорее с удивлением, чем с интересом.

— Могу ли я видеть... настоятеля Альберди? — спросил я, хотя лицо священника чем-то напоминало Долорес де Лима.

— Это я, — тихо и, как мне показалось, робко сказал он. — Слушаю вас.

— Я доверенный сеньоры де Лима, — представился я, снимая шляпу.

Альберди был удивлен.

— Долорес! Давно я ее не видел... — на его лице появилась вежливая улыбка. — Прощу вас.

Он широко распахнул дверь, приглашая меня в дом.

Через небольшую прихожую и кухню мы прошли в комнату, одновременно служившую кабинетом, библиотекой и спальней. Ее стены от пола до потолка закрывали полки с книгами. У окна стоял тяжелый старомодный письменный стол с креслом, а рядом с ним — кровать, покрытая серым пледом. В центре — простой деревянный стол и два стула, а в углу — статуэтка мадонны с ребенком.

— Отличная библиотека, — заметил я, с любопытством осматривая комнату.

Священник слабо улыбнулся.

— Никто не свободен от страстей...

Я подошел к стене и пробежал взглядом по корешкам — Кант, Ламетри, Лейбниц, Маритен, Мах, де Шарден.

— Пожалуй, тут что-то побольше, чем простая страсть библиофила? — кивнул я в сторону книг. — Одни философы?

— Почти исключительно. Вас, наверно, удивляет, — начал он с некоторым замешательством, — что сельский священник... Это просто, я бы сказал, увлечение юности.

— Но здесь много и новых изданий...

— Ну что ж... Увлечение осталось... Но это не важно. Садитесь сюда! — он указал на кресло, а сам присел на край постели. — Что слышно у моей сестры? Как Марио?

— В принципе... ничего нового. Во всяком случае, мне так кажется. Я уже говорил, что я адвокат, представитель сеньоры де Лима...

Альберди насторожился.

— Я вас слушаю.

— Вероятно, сеньора де Лима писала...

— Не писала, — прервал он тихим, внешне мягким голосом, в котором, однако, нетрудно было угадать раздражение. — Почти десять лет мы даже не переписывались.

— Речь идет о могиле Хозе Браго.

В глазах Альберди появилось что-то вроде удивления, потом он отвел глаза к окну и, не глядя на меня, сказал:

— Так, значит... вспомнила. Можете ее заверить, что могила не заросла бурьяном. Первые годы после смерти Хозе, когда все о ней забыли, я помнил. Теперь мой при-
смотр не нужен — все чаще приезжают различные люди... Привозят цветы. Посмертная слава лучше всего охраняет

могилы... — он на минуту замолчал. — Стало быть, и Долорес вспомнила, — повторил он, не скрывая иронии.

Я оказался в довольно неловком положении.

— Сеньора де Лима имела в виду не это, прося меня съездить сюда, — начал я, но священник снова прервал меня.

— Не надо ее защищать. Быть может, вас удивляет, что я не скрываю от вас, человека, которого вижу впервые, моего критического отношения к поступкам сестры. Но я думаю, что, будучи ее представителем, вы должны знать все. Кроме того... я не люблю лгать. Это не облегчает мне жизнь, но таков уж я есть... и, наверно, таким останусь...

— Речь идет об эксгумации, — перешел я к сути дела.

— Эксгумации?! Кто это придумал? — взорвался он. — Хозе желал, чтобы Пунто де Виста стало местом его вечного сна, и я не соглашусь ради бренности мирской славы переносить куда-нибудь его останки. Даже на кладбище для избранных...

— Никто не намерен переносить останки. Эксгумация должна быть произведена в целях судебно-медицинской экспертизы.

Альберди, казалось, потерял дар речи, наконец он произнес:

— Не понимаю... Экспертиза? Зачем?!

— Я объясню вам подробнее, в чем дело. Вы знакомы с завещанием Браго?

Он утвердительно кивнул.

— Составляя завещание, Хозе Браго, очевидно, действовал под влиянием глубокой обиды на свою бывшую супругу. И Марио оказался обойденным. Поэтому мы собираемся опротестовать завещание.

— К чему?! Через полтора года Марио достигнет совершеннолетия и будет вскрыт второй конверт. Я убежден, что Хозе не мог лишить своего сына наследства.

— Институт Барта имеет право по своему усмотрению распоряжаться суммами, которые в данное время поступают на его счёт.

— Опять ее интересуют только деньги! — воскликнул священник. — Она ничуть не изменилась! А может, вы ее склонили к этому? Ведь вам, ее адвокату, это должно быть выгодно... Скажите откровенно!

Он смотрел на меня с нескрываемой неприязнью.

Разговор принимал нежелательный оборот, и я попытался как можно искреннее объяснить Альберди, как оказался втянутым в это дело и чего рассчитывает добиться моя клиентка.

Но мой собеседник так и не мог понять, чем вызвана эксгумация.

— У сеньоры де Лима есть подозрения, что Хозе Браго умер насильственной смертью. Быть может, удастся что-нибудь обнаружить...

— Спустя шесть лет?! Да и вообще — это предел непорядочности подозревать Боннара в убийстве. Что-что, но на это он не способен.

— Я того же мнения. Но в данном случае нам хотелось бы выяснить лишь одно: не применялись ли недозволенные методы лечения. Говоря откровенно, это тоже не представляется мне очень убедительным. Тяжба обещает быть весьма продолжительной, если только мы не отыщем явных доказательств. Честно говоря, я не любитель такого рода дел. Но я не в силах убедить сеньору де Лима...

Священник, казалось, не слышал моих слов.

— Это верх непорядочности, — повторил он, глядя в пол. — Я прекрасно знаю Боннара. Это исключено. Я не согласен с ним во многом, но это человек благородный!

— Существуют подозрения, что он экспериментировал на Браго... Вашей сестре кто-то говорил об этом.

Альберди поднял на меня глаза.

— Случайно, не... Лопец да Сильва?

— Не знаю. Это имя мне ни о чем не говорит. Кто это?

— Управляющий местной плантацией...

— Он заслуживает доверия?

— Спросите Долорес, — коротко и неприязненно засмеялся Альберди и, неожиданно сменяя тему, сказал: — Я не соглашусь на эксгумацию. Разве что судебные власти этого потребуют... или сам Боннар.

Он встал, давая мне понять, что считает разговор оконченным.

— Не лежит у меня сердце к этому делу, — пытался я еще как-то продолжить разговор. — Однако, думаю, мне следовало бы предварительно побеседовать с самим Боннаром. Хотя бы ради того, чтобы убедиться, что нет иной возможности избежать скандала.

— Не думайте, что этот разговор вам много даст. Боннар человек тяжелый...

— Скажу откровенно: быть может, я просто пытаюсь найти для себя аргументы, которые позволят мне... отказаться от этого дела. Как ближе проехать в институт?

— Я вам покажу... Идемте.

Мы вышли на крыльцо, а потом, обойдя домик, остановились у высокой кладбищенской ограды. Отсюда, сверху, был виден склон холма и открывался вид на долину.

— Доедете до главного шоссе. В четырех километрах к югу свернете влево. Видите длинный белый дом? — Альберди указал на светлое пятно в долине. — Это и есть институт Барта. Только не советую спрашивать дорогу у местных жителей. Институт не пользуется у нас хорошей славой, особенно среди крестьян. Это люди бедные, в основном безграмотные. В последнее время тут ходят слухи, будто в институте... завелись приведения. Я пытался об-

ращаться к рассудку этих людей, но результаты были весьма плачевными. Возможно, сплетни преследуют определенную цель... Откуда мне знать...

Мы пошли через сад к калитке. Альберди как-то сник. На мои попытки поддержать разговор отвечал односложно. Лишь когда я попрощался с ним и уже начал спускаться по лестнице, он крикнул мне вслед:

— А Долорес скажите, чтобы приезжала! Я не стану ее упрекать. Пусть приезжают втроем. Ведь после смерти Хозе обстоятельства изменились...

III

Институт нейрокибернетики имени Сэмюэля Барта размещался в здании весьма необычной формы, издали напоминающем какого-то мезозойского ящера. Здание это было возведено лет двадцать назад из бетона, стекла и алюминия, кажется, по проекту самого Нимейера. Туристические справочники относили его к наиболее значительным архитектурным сооружениям нашей страны. Вначале здесь был небольшой первоклассный санаторий, модный даже за границей. Построен он был в коммерческих целях при весьма значительном участии одной фармацевтической фирмы, правление которой находилось в тысячах миль к северу от наших границ. Во времена левого правительства Дартеса санаторий был национализирован, а вскоре после этого сенсационные эксперименты над нейродином и научный авторитет Сэмюэля Барта способствовали тому, что он попал в ведение института нейрокибернетики.

С этого момента заведение начало постепенно менять свой характер, превращаясь из лечебного в научно-исследовательское, и наконец, в последние годы после основательной перестройки здания, прием пациентов был

вообще прекращен. Окончательные изменения произошли уже после смерти Хозе Браго, когда во главе института встал профессор Боннар, биокибернетик с мировым именем, и были связаны с расширением области исследований.

Когда по узкой бетонированной дороге я подъехал к зданию института, оно показалось мне пустующим. Широкие ступени вели к закрытым стеклянным дверям. За прозрачной стеной был виден просторный холл, двери двух лифтов и лестница, ведущая вверх — на второй этаж и вниз — в подвальное помещение.

Я нажал кнопку звонка и ждал, боясь, что придется возвращаться ни с чем. Однако немного погодя послышался приглушенный шум, и двери открылись. Я вошел в холл. Навстречу мне из правого коридора шла молодая высокая девушка в белом халате. Услышав, что я хотел бы повидать профессора Боннара, она, видимо, решила, что перед ней ученый, так как стала допытываться, кто направил меня в институт. Я представился и сказал, что меня интересует дело Браго. Тогда она попросила подождать и по телефону сообщила профессору о моем приходе. Не знаю, был ли он действительно занят или просто не желал встречаться с адвокатом сеньоры де Лима, но явно пытался «сплавить» меня администратору и уступил лишь после моих долгих настояний.

Кабинет Боннара находился на втором этаже. Девушка впустила меня в небольшую приемную и ушла. Сквозь приоткрытую дверь я видел широкий заваленный бумагами стол и склоненную над ним голову Боннара. Я знал его по телевизионной дискуссии ученых различных специальностей, в которой как филолог принимала участие и Катарина. Уже тогда он произвел на меня не особенно приятное впечатление. Высокий, сутуловатый, с худым нервным лицом и совершенно лысым, покрытым много-

численными шрамами черепом, он скорее напоминал генерала в отставке, чем ученого. Язвительный, неприступный, больше склонный к иронии, чем к шутке, он принял меня очень сухо и официально. Правда, он встал из-за стола, однако явно пытался ограничить пределы беседы:

— Я не занимаюсь этим вопросом, — почти грубо сказал он мне. — Все пояснения дадут вам администратор и нотариус. Я считаю беспочвенными всякие притязания сеньоры де Лима и не вижу необходимости в каких-либо переговорах.

— Однако жив сын умершего, и он...

— А вы что, уполномочены Марио Браго?

— Я представитель сеньоры де Лима. Ее сын несовершеннолетний, а следовательно...

— А вы знаете мнение этого юноши? Вы приехали, посоветовавшись с ним?

— Это почти ребенок. Ему шестнадцать лет...

— Вы разговаривали с ним? — настаивал Боннар.

— Не разговаривал, но...

— Так я вам советую с этого начать. Вы только зря тратите свое и мое время. Всего хорошего.

Профессор сел.

— Простите, профессор, но в данный момент меня не интересуют ни завещание Хозе Браго, ни вопросы наследства, — не сдавался я. — Могу ли я быть с вами откровенным?

Боннар пожал плечами.

— Это уж ваше дело.

Я сделал вид, что принимаю его слова за чистую монету.

— Видите ли, профессор, есть некоторые, я бы сказал, сомнительные пункты, которые для общей пользы следовало бы выяснить...

— Значит, все же попытка сторговаться?

— Отнюдь нет. Я имею в виду не мою клиентку, а лишь самого себя. От того, как решатся эти сомнения, зависит, поведу ли я дело дальше. Я не люблю дел с криминальным привкусом, — докончил я медленно, внимательно глядя на ученого.

Мне показалось, что по лицу Боннара пробежала тень.

— Что вы под этим разумеете? — спросил он резко, несколько повышая голос.

— Существует подозрение, что Хозе Браго умер насильственной смертью...

Я уже начал жалеть, что зашел так далеко, но, к моему удивлению, Боннар только спросил:

— А что вы понимаете под словами «умер насильственной смертью»?

— Я имею в виду смерть, вызванную внешними причинами... Внешним воздействием... — начал я, медленно цедя слова, но Боннар не дал мне докончить.

— Итак, вы собираетесь обвинить нас в убийстве?

— Этого я не сказал. Я хотел лишь услышать от вас, что методы лечения, скажем некоторые из них, не могли ускорить смерть Хозе Браго.

— Как вам известно, Браго умер от раковой опухоли в мозгу, причем опухоли весьма злокачественной. Что касается методов лечения, то мы не можем предъявить к себе никаких претензий. Мы сделали все, что было в наших силах, для спасения Браго. В материалах, касающихся наследства, вы найдете полную документацию на этот счет. Обратитесь в суд с просьбой допустить вас к этим бумагам.

— Видите ли, по мнению моей клиентки, существуют обоснованные подозрения, что Браго был объектом экспериментов.

— Значит, шантаж? Не ожидал, сеньор адвокат!

— Вы неверно меня поняли. Я хотел лишь услышать из ваших уст ответ на мой вопрос. Это не шантаж, а скорее выражение доверия.

— А могли ли вы ожидать от меня чего-либо иного, кроме отрицания? И можете ли вы на этом основании сделать какие-либо выводы? А если говорить о неудавшейся попытке шантажа, то у меня достаточно чиста совесть, чтобы просить вас покинуть мой кабинет.

— Но, профессор!

Однако Боннар уже нажал кнопку.

В дверях появилась знакомая девушка.

— Проводите сеньора к выходу и, пожалуйста... спустите его с лестницы, — закончил он с ехидной вежливостью.

Разумеется, девушка далека была от намерения выполнить приказ патрона буквально, тем не менее я с облегчением вздохнул, лишь усевшись за руль. Я курю редко, но на этот раз принялся нервно искать сигареты. Я был зол на себя и Долорес де Лима. А чувство униженности усугублялось сознанием того, что в глазах Боннара я, действительно, мог выглядеть шантажистом.

Неужели профессор именно так понял мое упоминание о возможности экспериментов? В этом я не был уверен. Но меняло ли это хоть в какой-то степени ситуацию? Я подумал, что, пожалуй, брошу дело о наследстве Браго.

С другой стороны, обида на Боннара вызывала желание обнаружить хоть какие-нибудь факты, говорящие против института, это принесло бы мне величайшее удовлетворение. Сеньора де Лима, конечно, высосала из пальца обвинение в убийстве Браго, однако в таком научном центре, как институт Барта, испытание новых лечебных

средств было в порядке вещей, особенно когда там еще существовало госпитальное отделение. А такие испытания можно квалифицировать как эксперименты.

Закурив сигарету, я нажал стартер.

Собственно, и конкретного ответа на свой вопрос я не получил. Профессор Боннар не опроверг предположения об эксперименте, он лишь сказал, что я не должен был рассчитывать на что-либо другое, кроме отрицания. И сослался на свою... чистую совесть. Получилось ли так случайно или это было преднамеренной уверткой? Если последнее, то они действительно проводили эксперименты на Хозе Браго. Впрочем, это могло делаться с его согласия. Но тогда есть основание усомниться в правомочности заещения.

Для атаки на Боннара я, разумеется, еще был слишком слабо вооружен. Рассчитывать только на результаты эксгумации было бы наивно: я был убежден, что экспертиза вряд ли принесет что-либо конкретное. Прежде всего следовало добраться до человека, информировавшего сеньору де Лима, изучить документы о ходе болезни Браго, а также познакомиться с проблемами, над которыми работал институт Барта, и применяемыми им методами исследований. Лучше всего найти какого-нибудь известного специалиста, не особенно благоволящего к Боннару, и проконсультироваться у него. У Боннара наверняка есть враги.

Остался открытым вопрос о Марио Браго. Почему профессор настаивал на моей беседе с мальчиком? Независимо от того, что за этим скрывалось, более близкое знакомство с сыном сеньоры де Лима не могло помешать.

Когда, выехав на шоссе, я увеличил скорость до ста двадцати километров, то был уже совершенно спокоен.

IV

Сеньоры Долорес де Лима дома не оказалось. Дверь открыл сам хозяин — полный, плотный мужчина с седыми висками и выпуклыми глазами, близоруко глядящими из-за стекол очков.

— Мы уже не рассчитывали увидеть вас сегодня. В канцелярии сказали, что вы уехали... Прощу. Прощу. Это хорошо, очень хорошо, что вы пришли, — он не скрывал удовлетворения, провожая меня в кабинет.

— Я был в Пунто де Виста.

— О, прекрасно, — обрадовался хозяин. — Мы не могли вас дожидаться.

— Есть новости? — спросил я, садясь.

— Мне кажется, да, — в голосе де Лима чувствовалось некоторое сомнение. — Может быть, выпьем? Коньяк или виски? Советую коньяк.

— Благодарю. Я редко пью.

Однако хозяин уже открыл бар и потянулся за бутылкой.

— Одна рюмка не помешает.

— Вы сказали, что можете сообщить мне какую-то новость? — начал я, стремясь как можно скорее перейти к сути дела.

— Да, да. Именно поэтому жена пыталась сегодня утром связаться с вами, — говорил де Лима, наливая коньяк в рюмки. — Как вы знаете, я позавчера вернулся из Лондона...

Я не знал, но утвердительно кивнул головой. Де Лима был представителем известной британской фирмы и время от времени выезжал в Англию.

— Мне знаком этот город, — продолжал хозяин. — Я провел там юность. Вы читали «Грань бессмертия» Браго? — неожиданно переменял он тему.

— Вчера закончил.

— Это хорошо, это очень хорошо! — обрадовался он. — Помните сцену, в которой главный герой, ну, тот художник, впервые замечает, что начинает слепнуть? Он идет по Блек Ривер-стрит и ему кажется, что стоит туман, но ближайшие деревья он различает так же неясно, как и дальние...

— Разумеется, помню.

— Я хорошо знаю эту улицу. Там жил один мой коллега, и я у него частенько бывал. Я и сейчас, когда приезжаю в Лондон, иногда заглядываю на старое место. Так вот, на этой улице растут деревья, как это и описывает Браго. Но видеть их он не мог...

— Вы хотите этим сказать, что Браго никогда не бывал в Лондоне? Какое это имеет значение? Возможно, он воспользовался чьим-либо описанием или даже снимками.

— В том-то и дело, что не мог он видеть этих деревьев даже на снимке. Они были посажены лишь четыре года назад, то есть спустя два года после смерти Браго, — лицо де Лима сияло торжеством.

Я задумался.

— Может быть, это просто совпадение? — сказал я, потянувшись за рюмкой. — Он не знал Лондона, а даже если и знал, то это не имело бы никакого значения. Он выбрал первое попавшееся название улицы, которое нашел в каком-нибудь списке или на плане, или же ему просто кто-нибудь сообщил... А деревья могли быть и плодом фантазии.

— Описание улицы очень точное, — не уступал де Лима.

— Возможно, кто-нибудь ему об этой улице рассказывал, а деревья необходимы были писателю для развития действия, поэтому он их «придумал».

— Видите ли... — хозяин понизил голос. — Я долго размышлял над этим... И жена тоже. Если исключить случайность, то либо эту книгу писал не Хозе Браго и это лишь апокриф, либо...

— Либо?

— Браго жив и продолжает писать! А его смерть — фикция!

— Но зачем бы ему это?

— Я думаю, в какой-то мере ответ на ваш вопрос содержится в этой книге, — де Лима указал на лежащую на столе «Грань бессмертия». — Обычно слава приходит после смерти...

— Ну, хорошо. А какова же во всем этом роль профессора Боннара? Какой смысл большому ученому вмешиваться в столь странную и, будем откровенны, не совсем чистую с точки зрения закона махинацию?

— Порой ученым свойственно весьма своеобразное чувство юмора. Быть может, Боннар хочет таким образом доказать обществу, что оно в состоянии заметить гения лишь после его смерти? А впрочем, институт на этом только выгадывает...

— Весьма сомнительно, чтобы Боннар принимал участие в фальсификации смерти. Материальный выигрыш института, которым он руководит, поставит его в неловкое положение, когда это станет достоянием общественности. Всегда легко прилепить человеку ярлык, что, мол, он действовал из материальных побуждений.

— Быть может, есть еще иные причины, о которых мы не знаем... Во всяком случае, если окажется, что Хозе Браго жив, его можно будет заставить выплачивать алименты в пользу сына. Мне эти деньги не нужны. Я даже пытался отговорить жену... Но вы ее знаете...

Это напомнило мне об одной из целей визита.

— А мальчик дома?

— Увы, — хозяин развел руками и как бы смутился. — Марио нет.

— Ушел? Я непременно хотел бы с ним увидеться.

— Честно говоря... он уехал. Ведь я могу быть с вами откровенным? Последнее время Марио чувствовал себя неважно. Мы решили отправить его к морю.

— Сейчас? В середине учебного года? — откровенно удивился я.

— Да. Видите ли... такая неприятность... Мы решили, что ему необходимо прервать учение. Потеря одного года — не беда, когда речь идет о здоровье...

— Он заболел? Чем?

— Собственно... ничего страшного, — отвечал де Лима все более неуверенно. — Просто устал от учебы. Как это часто бывает... Ну и, кроме того... В этом возрасте молодежь обычно переживает все особенно сильно. Просто с некоторых пор он вел себя, как бы это сказать...

— Необычно?

— Вот именно. Именно. Врач советовал отправить его в санаторий. Но он пробыл там всего две недели... Позавчера мы получили сообщение, что он убежал. Жена как раз и поехала...

— Вы сообщили в полицию?

— Нет... нет... Мы догадываемся, где он. Жена поехала за ним. Я думаю, она найдет его у брата в Пунто де Виста.

— Я был там сегодня около полудня. Священник мне ничего не говорил... Наоборот, он приглашал вас втроем приехать в гости. Вы думаете, это была игра?

— Нет, нет. Что вы... — поспешно сказал он.

— А может, Марио в институте Барта?

Де Лима взглянул на меня с беспокойством.

— Нет. Пожалуй, нет... Я думаю, Марио просто еще не добрался до Пунто де Виста. Но он явится туда непременно. Жена привезет его. Завтра они вернутся.

— Вы в этом вполне уверены?

— Ниннет... — замялся он. — Возможно, Марио останется у шурина на несколько дней. Но жена завтра вернется!

Я решил играть в открытую.

— Мне не нравится, что вы со мной не откровенны. Скажите, конфликт между вами и сыном, а именно об этом идет речь, не связан каким-то образом с Хозе Браго?

Хозяин некоторое время молчал, раздумывая над ответом. Наконец, потянувшись за бутылкой, ответил:

— До некоторой степени. Только до некоторой степени! Марио был привязан к отцу. Кроме того, мальчишке импонирует, что он — сын известного писателя. Жена придерживается несколько иного мнения... Особенно это касается некоторых черт характера... покойного...

— Понимаю. А мальчик навещает профессора Боннара?

Мне показалось, что хозяин вздрогнул.

— Нет. Пожалуй, нет... Правда, он несколько раз бывал в институте у отца, еще до его смерти...

— Я сегодня был у Боннара по вашему делу. Он посоветовал мне узнать мнение вашего приемного сына, — сказал я внешне безразличным тоном.

Опять наступило долгое молчание. Я не намерен был сообщать подробности моего визита в институт, а тем более рассказывать об оказанном мне приеме. Хозяин же не спешил продолжать разговор.

— Не знаю, что имел в виду профессор Боннар, — сказал он наконец. — Но разве это может иметь какое-нибудь значение? Марио несовершеннолетний... Это мальчик трудный... Впрочем, я могу заверить вас, что конфликт между моей женой и ее сыном никак не связан с наследством.

— Почему вы не сказали мне сразу, что ваша жена поехала за сыном?

— Вы не спрашивали. К тому же мы считаем, что семейные неурядицы не имеют никакого отношения к делу.

— Я придерживаюсь иного мнения, — холодно возразил я.

— Сеньор, — начал хозяин, пытаюсь улыбнуться. — Не подумайте, будто мы хотели что-либо от вас утаить. Это недоразумение! Что же касается Боннара, то после эксгумации мы посмотрим, какую мину он состроит...

— Альберди не дает согласия на эксгумацию.

Де Лима был удивлен, а возможно, только изобразил удивление.

— Пусть вас это не тревожит. Он согласится. У меня есть знакомства в курии.

— Быть может, достаточно будет, если сеньора Долорес побеседует с братом?

— Боюсь, это приведет к прямо противоположным результатам.

— Да... с Альберди нелегко договориться. Откровенно говоря, он вызывает у меня противоречивые чувства. А что о нем думаете вы?

Де Лима налил коньяк в рюмки и только после этого ответил:

— Я не знаю его. Вернее, знаю только со слов жены и Марио. Я никогда с ним не говорил. Видите ли, когда Долорес разошлась с Браго и вышла за меня, церковь не признала нашего брака. Мы обвенчались лишь после смерти Хозе... Альберди считал, что сестра не должна была уходить от пьяницы, тиранившего ее.

— Альберди дружил с Хозе Браго?

Де Лима пожал плечами.

— Это трудно назвать дружбой. Кажется, они все время спорили. Браго был атеистом. Тем не менее —

а это проливает свет на образ мышления моего шурина — Браго уже после развода с Долорес месяцами жил у Альберди. Больше того, Альберди добился, чтобы Хозе похоронили на церковном кладбище, правда у самой стены, но и это, как ни говорите, место священное.

— Может быть, ему удалось «обратить» Браго?

— Скорее наоборот, — засмеялся хозяин.

— Не думаете ли вы, что Альберди — неверующий?

— Я не это имел в виду. Видите ли... — де Дима понизил голос. — Браго был коммунистом...

— Первый раз слышу, — удивленно заметил я.

— Быть может, в коммунистической партии он не состоял, но со слов жены я понял, что он, безусловно, симпатизировал коммунистам. Теперь об этом не пишут, но все было именно так. Впрочем, если вчитаться в его книги, то это чувствуется... Так вот, Альберди поддался его влиянию и без нужды совал нос куда не следует.

— Вы считаете, что Альберди симпатизирует коммунистам?

— Не думаю. Правда, в свое время он был сторонником Дартеса. Впрочем, после пожара он успокоился.

— После какого пожара?

— Вы ведь видели, он живет в домике садовника. Приходский дом был ближе к церкви. Вероятно, остались стены.

— Хорошо, что библиотека уцелела, — заметил я мимоходом.

— Он перешел в эту хибару раньше! Под влиянием Браго. Кажется, тот несколько лет убеждал священника отдать приходский дом под школу. Альберди не очень торопился, оттягивал. Однако после смерти Браго решился. Ну и паства его «отблагодарила»... Во время ремонта кто-то поджег дом... — он замолчал и задумался. — А мо-

жет быть, все-таки еще коньяку? — вспомнил он об обязанностях хозяина.

— Благодарю. Меня интересует, почему Браго лечился в институте Барта? Вы ничего об этом не знаете?

— Это очень просто. Когда Марио было три года, Долорес вместе с ним и мужем проводила лето в Пунто де Виста. Тогда они случайно познакомились с Боннаром. Не то у Альберди, не то у да Сильвы. В те времена, еще при Дартесе, Боннар иногда бывал и у да Сильвы, управляющего тамошними плантациями.

— Сейчас они не очень-то симпатизируют друг другу.

— Это не имеет ничего общего с личным антагонизмом... Да Сильва — порядочный человек, джентльмен до мозга костей. Чего нельзя сказать о Боннаре...

— Вы хорошо знаете его? — спросил я, разделяя в душе мнение хозяина.

— Да. Мы познакомились у да Сильвы. Конфликт имеет глубокие корни, — вернулся он к теме, — я бы сказал, материального характера. Да Сильва был акционером санатория, в котором сейчас размещается институт.

— Он не получил возмещения?

— Не в этом дело. Ведь институт могли бы перевести куда-либо в другое место... Барту захотелось уничтожить такую отличную лечебницу... Сейчас, если б не влияние Боннара, все можно было бы изменить.

— Понимаю. Итак, вы говорите, что в то время, несколько лет назад, Боннар подружился с Браго?

— Во всяком случае, тогда они познакомились. Позже, живя у Альберди, Браго часто бывал в институте. А когда заболел, им занялся Боннар. Ведь у Браго и гроша ломаного в кармане не было.

— Есть ли смысл, в свете того что вы мне рассказали, добиваться эксгумации?

— Непременно! Правда, теперь вам не придется предъявлять Боннару обвинение. Мое открытие облегчает дело, не так ли? Обстановка совершенно изменилась. Это уже не обвинение в убийстве, а лишь попытка убедиться, не сбежал ли случайно покойник из могилы, — деланно рассмеялся он.

Я немного подумал.

— Каково ваше истинное мнение? — начал я, глядя внимательно в лицо де Лимы. — Ваша жена говорила, что из достоверных уст знает, будто на Браго проводились недозволенные эксперименты. Эти две версии противоречат друг другу.

— Не знаю. У меня действительно нет на этот счет никакого мнения. Быть может, здесь есть противоречие, а может, и нет. Посмотрим. Посмотрим после экспертизы!

— Я посоветуюсь со следователем, — сказал я, вставая.

— Разумеется, вы никому не станете говорить о наших первоначальных подозрениях? — говорил хозяин, провожая меня к двери. — Дело ясное. Нам важно знать истину. Хотя бы в интересах истории литературы. Чтобы не случилось, как с Шекспиром... Во всяком случае, газетам будет о чем писать.

«Этот де Лима не дурак, — подумал я, выходя на улицу. — Конечно, они используют любую возможность. Бизнес! Но с этими деревьями — удивительная история».

Прежде чем действовать дальше, я решил посоветоваться с Катариной... Ее мнение, как филолога и знатока творчества Хозе Браго, было мне интересно.

Мы долго беседовали по телефону. Она весьма скептически отнеслась к гипотезе де Лимы. Мы уговорились, что я заеду к ней завтра.

— Как ты ухитряешься это делать, Катарина? С каждой нашей встречей ты выглядишь все моложе!

Я откинулся в мягком кресле, с удовольствием глядя на ладную фигурку хозяйки.

— Не плети ерунды. Я почти совсем не спала. Выгляжу, словно заморыш... — вздохнула Катарина, ставя на стол поднос с завтраком. — Всю ночь я сидела над Браго, и, ей-богу, сама не знаю, что об этом и думать. Это, действительно, сенсация... Я нашла еще четыре примера. В том числе три в «Грани бессмертия». А их может быть значительно больше. Я ведь перелистала лишь три книги, изданные за последнее время.

— Ты все-таки дай мне сказать... Когда я на тебя гляжу, то чувствую себя по меньшей мере на пятнадцать лет моложе. Теперь я вижу, что потерял...

— Вечно ты... — Катарина вспыхнула и непроизвольно одернула халат.

— Я знаю, что у меня нет никаких шансов. Свои ночи ты без остатка отдаешь Хозе Браго.

— Ты не имеешь никаких прав на ревность... А если говорить о Браго, то это любовь платоническая и без взаимности.

— Если бы я был уверен, что он действительно мертв... — бросил я как бы в шутку.

Она перестала наливать кофе и внимательно посмотрела на меня.

— Так ты думаешь, что в этом следует искать разгадку «вещих способностей»?

— Пока у меня нет собственного мнения. Это де Лима утверждает, что Браго жив. Быть может, он знает больше, чем хочет сказать.

— Это было бы прекрасно! — взволнованно воскликнула она.

— В ближайшее время узнаем! Я постараюсь сегодня же добыть разрешение на эксгумацию.

Катарина насупилась. Неожиданно, словно ей в голову пришла новая мысль, она сказала:

— В могиле могут быть останки другого человека. Пожалуй, это вполне вероятно. Вот это история

— Если быть откровенным, то я не верю, чтобы Боннар зашел так далеко...

— Я тоже так думаю, — кивнула Катарина. — Но факт остается фактом: Браго довольно странно заглядывает в будущее (если это можно так назвать) в своих произведениях. Ты ничего не ешь!

Она положила мне на тарелку ветчины, а потом принесла из соседней комнаты две книги.

— Несоответствие, обнаруженное де Лимой, не единственное. Правду говоря, я никогда бы не обратила внимания на эти деревья. Вот посмотри, — открыла она одну из книг в заложенном месте и ногтем отчеркнула абзац.

— «...сметет последний жухлый след осенний», — прочитал я вслух. Слово «жухлый» было дважды подчеркнуто.

— Это строчка Уиллера в переводе Стеллы Рибейро. Цитируя это место, Браго воспользовался изданием 1981 года, которое несколько отличается от издания 1974 года. В частности, слово «желтый» переводчица заменила словом «жухлый».

— Понимаю. Если Браго умер в 1979 году, то он не мог читать второго издания. Но, возможно, изменение внес редактор «Грани бессмертия», решив воспользоваться более поздним переводом.

— Проверить нетрудно. Но если это даже и редакторская правка, три других примера заставляют задуматься. Ты знаешь Шалаи?

— Имре Шалаи? Лауреат Нобелевской премии? Это обязан знать любой культурный человек!

— Дело не в премии, а в том, что получил он ее три года назад и примерно в то же время у нас вышел его первый перевод. А между тем я убеждена, что на творчество Браго, во всяком случае если говорить о «Сумерках» и «Грани бессмертия», повлиял как раз Шалаи.

— А говорят, что Браго — первооткрыватель, пионер...

— Не ехидничай. Основное у Браго — умение сливать воедино невероятную динамичность сюжета с поразительными по смелости формальными приемами. На первый взгляд поведение героев, интрига, да что там — вся постановка действия кажется противоречащей логике. А между тем мы тут имеем дело с абсолютной точностью замысла и глубоким философским содержанием. В этом умении показывать наиболее существенное Браго — мастер высшего класса. Однако это не значит, что, как и любой человек, творящий в определенных условиях и подверженный их воздействию, он не испытывал различных влияний, будь то сознательно или подсознательно. Но каким образом мог Шалаи повлиять на творчество Браго, умершего на несколько лет раньше, чем у нас вышла первая книга поэта, — непонятно!

— Быть может, он читал Шалаи в оригинале или даже в рукописи?

— Исключено! Браго не знал венгерского.

— Скажи, допускаешь ты возможность того, что Браго жив?

— Увы, это весьма сомнительно, хотя и наиболее удачно разъясняет все загадки. Прежде всего Боннар, насколько я его знаю...

— Как давно ты знаешь Боннара? — прервал я, не скрывая любопытства.

— О, давно. Я познакомилась с ним лет, наверное, семь или восемь назад через профессора Сиккарди, у которого я работала ассистенткой. Профессор поручил мне просмотреть полученные от Боннара рукописи и попросил высказать свое мнение. Это были образцы творчества Браго.

— Значит, ты его первооткрывательница?

— Скорее — первый критик, и к тому же суровый. Сейчас мне эти заметки кажутся смешными... В рецензии не было недостатка в выражениях типа: «автор проявляет эпический талант», «предвещает писателя с солидными данными»... Откровенно говоря, я чувствовала в нем недюжинный талант, но увлек он меня отнюдь не сразу. Именно в связи с этим отзывом я побывала в институте Барта у Боннара. Потом он давал мне и другие рукописи.

— Так, может быть, ты была знакома и с Браго?

— Да, — сказала она и умолкла, глядя на чашку с кофе, которую держала в руке.

— Ты никогда об этом не говорила... Это было там, в институте Барта?

Катарина кивнула.

— Когда ты видела его последний раз? — наседал я.

— О, весной 1978 года. Примерно за год до кончины.

— Как он в то время выглядел?

— Что говорить, не блестяще.

— А позже ты не пыталась его увидеть?

— Во время лечения Боннар запретил всякие посещения. Он только написал мне... — она осеклась.

— Боннар?

— Нет, Браго. Писал, что чувствует себя лучше, очень сожалеет, что не может со мной увидеться, и надеется, что когда-нибудь мы еще поболтаем...

Мне почудилось, что я заметил в глазах Катарины слезы.

— Видно, это было не просто знакомство, — сказал я не особенно удачно.

Она неприятно взглянула на меня.

— Чепуха. Мы не были знакомы и двух месяцев. Браго не покидал института. Между нами ничего не было.

— Прости. Я не хотел тебя обидеть. Я только ищу, за что ты зацепиться. Ты бываешь в институте Барта?

— Нет. После смерти Браго я встретила с Боннаром лишь недавно, во время телевизионной передачи. Но это была мимолетная беседа. О творчестве Браго мы говорили с ним где-то в начале 1982 года. Тогда Боннар сказал, что у него есть рукописи Браго и он намерен заняться их публикацией. Он обещал позвонить мне или Сиккарди, но не позвонил. Возможно, забыл. А потом уж начали выходить книги...

— Во время встречи на телестудии он не приглашал тебя навестить его?

— Нет. Мы перебросились всего несколькими фразами, если не считать дискуссии перед камерами. Времени не было.

— Но ты могла бы его навестить под каким-нибудь предлогом?

Она внимательно посмотрела на меня.

— Если ты поклянешься, что не используешь меня в интриге, направленной против Браго...

— Клянусь, — поспешно сказал я. — Что до Боннара, то, надеюсь, тут тебя ничто не связывает?

— Не знаю, — сказала она после недолгого раздумья. — Прежде всего меня интересует истина...

— И я так думаю... Да! Еще одно: ты знаешь сына Браго?

— Однажды я видела его в клинике. Ему тогда было лет девять-десять. Теперь он, наверное, вырос... Он очень походил на отца.

Она задумалась и как-то потухла.

— Значит, он довольно часто бывал в институте?

— Этого я не знаю. Браго отзывался о мальчике очень тепло. Должно быть, он его любил.

— Может, мальчик знает что-нибудь о времени, предшествовавшем смерти?

— Возможно. Хорошо бы с ним поговорить.

— К тому же имеется и другой повод. Я хотел бы выяснить, есть ли сейчас контакт между ним и Боннаром. Если ты позволишь, я позвоню от тебя де Лиме? Мать мальчика поехала в деревню и должна была уже вернуться.

— Пожалуйста. Я уберу со стола.

Я сел за столик, пододвинул телефон и набрал номер. Почти тут же отозвался де Лима. Услышав мое имя, он даже вскрикнул от радости.

— Ах, это вы, сеньор адвокат?! Ну, наконец-то! Я звоню повсюду уже целый час и нигде не могу вас поймать. К сожалению, у нас возникли новые осложнения... Жена звонила из Пунто де Виста. Представьте себе, Марио опять сбежал...

— Как это опять? Он же должен быть у Альберди?

— Сегодня ночью его удалось поймать на дороге вблизи Пунто де Виста, когда он шел к священнику. Они с матерью остановились поесть в придорожном баре. Марио вышел умыться и... исчез. Он, безусловно, опять вернется в Пунто де Виста, и мы хотели просить вас о помощи.

— Не очень понимаю, что я могу сделать?

— Вопрос весьма деликатен. Я сказал жене, что вчера мы с вами откровенно беседовали и я вам полностью доверяю. Вам необходимо сейчас же поехать в Пунто де Виста. Мы очень вас просим... Разумеется, все расходы мы берем на себя. Жена ожидает вас в «Каса grande», у

сеньора да Сильвы. В трех километрах от деревни. Любой деревенский мальчишка покажет вам дорогу. Мы просим вас. Это очень срочно. Жена объяснит вам все лучше там, на месте. Так вы поедете?

Я не собирался создавать искусственные осложнения, тем более что уже был не на шутку заинтригован историей со смертью Браго, и согласился.

Положив трубку, я взглянул на Катарину, которая стояла в дверях, заинтересованная разговором.

— Ты сегодня очень занята? Я хочу предложить тебе прогулку.

Она понимающе кивнула.

— Пунто де Виста?

— Да. Быть может, при okazji навестишь профессора Боннара. Согласна?

— Едем! — улыбнулась она, но тут же, словно спохватившись, спросила:

— Эксгумация?

— Не думаю.

Она облегченно вздохнула.

VI

Катарина проспала почти два часа. Она проснулась, лишь когда я остановил машину вблизи Пунто де Виста, чтобы спросить дорогу к «Каса гранде».

— Где мы? — спросила она, зевая. — Ну и заспалась я...

— Через десять минут должны быть на месте.

Она потянулась, вынула из сумочки помаду и подкрасила губы.

— А зачем мы, собственно, туда едем?

— Я тебе уже говорил, что должен встретиться с сеньорой де Лима. Знаю только, что Марио Браго опять сбежал.

— Это как-нибудь связано с завещанием?

— Похоже, да. А что ты обо всем этом думаешь?

— Не знаю, — пожала она плечами. — У загадки может быть много разгадок...

— Ты думаешь, кто-то дописал эти «новинки» шуток ради или по другим, не известным нам соображениям?

— Нет. Мне кажутся наиболее вероятными апокриф, конспирация или машинная композиция. Правда, ни одна из этих гипотез не объясняет всего. И даже создает новые проблемы.

— Что ты имеешь в виду?

— Разберем по порядку. Возможно, кто-то подражает Браго. После его смерти пишет апокрифы, творит «под него», так же как в свое время Ван Меегерен создавал «новые» картины Вермеера. Разумеется, это должен быть человек большого таланта. Не меньшего, чем у самого Браго. Впрочем, возможно, Браго оставил какие-либо наброски или даже фрагменты, которые тот кладет в основу своих произведений. В таком случае это не апокриф, а совместная работа, в которой один из авторов остается анонимным. В творчестве Браго заметна определенная эволюция, даже качественный скачок, который связан с последними четырьмя произведениями... А ведь владелец рукописей не обязан издавать их в порядке написания!

— Действительно. Подобного рода условий в завещании нет.

— Стало быть, Боннар мог вначале передать издательству «Грань бессмертия» и «Сумерки» и лишь потом «Колодец» и «Золотой мост». Но «Золотой мост» и «Колодец», изданные раньше, написаны также, несомненно, перед «Сумерками» и «Гранью бессмертия». В «Золотом мосте» Браго — сокол, а в «Сумерках» — уже настоящий

орел! Качественно это уже иной вид литературы, хотя писал эти вещи один и тот же человек.

— А ты уверена, что писал их один человек?

— Анализ стиля показывает, что один. Но предположим, что последние два романа, том рассказов и два сценария писал не Браго, а кто-то другой. Если этот «кто-то» даже использовал фрагменты или наброски Браго, почему он это скрывает? И какую роль в данном случае играет институт нейрокибернетики, который является основным наследником, почти единственным владельцем опубликованных произведений? Я думаю, в данном случае речь идет о совершенно ином. Это — научный эксперимент! Разумеется, и в данном случае возникают вопросы, на которые нет ответа, но их уже значительно меньше.

— Что ты называешь экспериментом?

— Эти новые произведения, быть может, не создал ни Браго, ни другой писатель. Самое большее, какой-нибудь писатель мог их редактировать.

— Так что же? — начал я нервничать, потому что мы уже миновали развилку и увидели впереди широкую, обсаженную эвкалиптами аллею, в конце которой за ажурными воротами горели на солнце цветные стены большой современной виллы.

— Машинная композиция! Опыт создания литературы с помощью машины.

Это предположение показалось мне фантастичным, но времени на дискуссию уже не было. Я доехал до запертых ворот и подал сигнал. Почти в тот же момент появился высокий метис в городском костюме и молча отворил тяжелые, искусно выкованные створки ворот.

Обогнув газон перед виллой, я подъехал к подъезду и остановил машину у главного входа. На ступенях ждали Долорес де Лима и хозяин дома.

Да Сильва был статным, уже немолодым мужчиной с буйной темной шевелюрой и лицом «римского сенатора», как его позже охарактеризовала Катарина. На нем был отлично сшитый светлый костюм, а каждое движение или слово обличало светского льва.

Сеньора де Лима была явно удивлена присутствием Катарини и даже не пыталась этого скрыть. Да Сильва, наоборот, — как это пристало хозяину и джентльмену — не выказал ни малейшего удивления и несколько раз демонстративно подчеркнул свою радость по случаю столь приятного посещения. Мне думается, это не было просто галантностью...

После знакомства хозяин дома проводил нас в бар, где слуга в безупречном смокинге уже готовил прохладительный напиток и коктейли. Впрочем, вилла была оборудована кондиционерами, так что жара совершенно не чувствовалась.

Мы уселись в креслах, и да Сильва едва заметным знаком отослал слугу.

— Я слышал от вашего супруга, что наметились некоторые осложнения... — обратился я к сеньоре де Лима. Однако моя клиентка не поддержала тему.

— Сеньора по профессии юрист или врач? — спросила она Катарину довольно бесцеремонно.

— Ни то, ни другое. Я — филолог, — с вежливой улыбкой ответила Катарина.

Необходимо было как можно скорее разрядить обстановку.

— Я просил сеньорину Дали помочь нам. Она отличный знаток творчества Хозе Браго, и ее исследования подтверждают открытие вашего мужа, — попытался я рассеять опасения сеньоры де Лима.

— О! — да Сильва склонил голову в сторону Катарини. — Голос ученого может иметь решающее значение.

— Так вы тоже предполагаете, что Хозе Браго жив? — сказала сеньора де Лима скорее в форме утверждения, нежели вопроса.

— Не думаю, — решительно ответила Катарина. — Не вижу смысла в мистификации.

Сеньора де Лима окинула ее подозрительным взглядом.

— Я полностью согласен с сеньориной Дали, — не дал ей высказаться да Сильва. — Это было бы слишком простое решение загадки.

— Институт Барта — серьезное научное учреждение, — продолжала Катарина. — Сомнительно, чтобы профессор Боннар стал впутываться в какую-нибудь аферу криминального толка.

— Я думаю иначе, — резко возразила де Лима. — Чем же тогда вы объясните историю с деревьями? Разве это само по себе уже не доказательство?

— В данном случае нельзя исключать совпадения..

— Но ты же сама говорила, что нашла дополнительные факты, свидетельствующие о том, что «Грань бессмертия» и «Сумерки» появились после смерти Браго, — воскликнул я, совершенно сбитый с толку переменной мнения Катарины.

— Будь добр, не прерывай меня, — спокойно ответила она, улыбнувшись да Сильве, словно извиняясь за резкий тон. — Я сказала, что нельзя исключать случайности. Иной характер имеют соображения филологического характера, которые могут говорить о сравнительно недавнем возникновении этих книг. Однако они требуют проверки, если так можно сказать, фактами. Лично я убеждена, что «Грань бессмертия» и «Сумерки» созданы после смерти Браго...

— Но ты говорила, что это может быть какой-то кибернетический эксперимент, — заметил я.

Сеньора де Лима смотрела на Катарину со все возрастающим беспокойством и недоверием.

— Это всего лишь предположение, — заявила Катарина. — Не знаю, есть ли смысл...

— Ну, что вы, это очень интересно, — запротестовал да Сильва. — Я понимаю ваши сомнения, но даже гипотеза, не вполне отвечающая требованиям научной достоверности, может помочь разобраться в проблеме нам, профессорам.

Катарина внимательно посмотрела на да Сильву; потом кивнула головой, словно подтверждая, что принимает его доводы.

— Я думаю, нельзя исключать, — начала она, — что творчество Браго продолжено с помощью машины. Теоретически такого рода эксперименты вполне вероятны. Разумеется, я понимаю, что, используя обычные вычислительные машины, сегодня реализовать такой проект невозможно. Однако не следует забывать, что институт Барта работает над нейродином. Правда, свойства этого вещества еще недостаточно изучены, но, судя по сообщениям в печати, оно обладает поразительной информационной емкостью, а некоторые его свойства близки к функциональным свойствам мозга. Кстати, это в какой-то мере объясняет причины, заставившие институт не открывать фактического положения вещей. Подобного рода поведение также может входить в эксперимент как его составная часть. Как знать, возможно, Боннара интересует реакция читателей и он хочет выяснить, сможет ли кто-нибудь отличить эти произведения от произведений живого писателя. Подобные исследования уже проводились в отношении машинных музыкальных и поэтических произведений.

— Машина, создающая роман?! — сеньора де Лима взглянула на Катарину почти возмущенно.

Это подействовало на моего «эксперта», как шпоры на коня.

— Я сказала, теоретически возможно. Возможно ли уже сейчас практически — не знаю! — ответила она тоном лектора. — Попытаемся сопоставить факты. Институт Барта располагает не только новейшей аппаратурой, но и является первым научным учреждением в мире, начавшим изучение нейродина. Профессор Боннар не только известный нейрофизиолог и психиатр, но и отличный кибернетик. Перед смертью Хозе Браго профессор Боннар поддерживал более тесные контакты с профессором Сиккарди — известным филологом и специалистом по машинному анализу текстов. А надо сказать, Сиккарди был энтузиастом экспериментирования в области машинной поэзии. Быть может, вы помните известную историю с якобы новооткрытыми любовными стихами Гонзаги? — добавила она, сверкнув глазами.

Да Сильва глянул на Катарину, не скрывая удивления.

— Интересно... — сказал он возбужденно. — Так вы, сеньорина, думаете, что достигнуты уже столь значительные результаты?

— Уже в начальной стадии экспериментов с анализом музыкальных произведений в качестве мерила того, обнаружила ли машина истинные закономерности произведения, использовались попытки композиции новых произведений в стиле анализированных вещей. Это делали те же машины, синтезируя музыку с помощью фактора случайности, выполняющего роль воображения. Результаты поражали экспериментаторов. А ведь это было двадцать-тридцать лет назад! Трудно оценить, какие пути прогресса открывает нейродин.

— Так вы считаете, что Боннар просто-напросто дал машине приказ проанализировать произведения Браго и создать новые? — с недоверием спросил да Сильва.

— Конечно, все не так просто. Это очень трудный процесс, требующий сложнейших процедур и множества опытов. Но смысл его именно таков, как вы сказали.

— Я еще могу понять, когда говорят, что таким образом можно создавать музыкальные произведения или писать лирические стихи. В любой метафоре есть что-то от сюрреализма. Но я сомневаюсь, чтобы таким способом можно было создать поэму, а тем более написать рассказ или роман. Ведь это требует замысла, логической конструкции фабулы, знания человека и его жизни. Роман — это не механическая копия того, что кому-то на ум взбредет. Необходима селекция, подбор. Машина, пусть даже и самая совершенная, пожалуй, не может этого сделать, ибо она — не человек.

— Вы правы в том, что это очень сложно. Но говорить, что это невозможно, было бы неверно.

— Для этого машина должна располагать знаниями, равными знаниям человека, — заметил я.

— Не обязательно. Ведь речь идет не о том, чтобы она сама во всем заменяла писателя. Упрощенно это можно представить себе так: необходимо запрограммировать общие принципы конструирования фабулы, а также по возможности больший объем соответствующих сменных элементов, из которых эта фабула должна быть сконструирована. Машина создавала бы различные варианты. Очень многие из них были бы, конечно, неприемлемы. Частично или полностью. Тут селекцию проводил бы человек: выбирал один из вариантов и разрабатывал его на машине. Постепенно от общих контуров он стал бы переходить ко все более конкретным, и таким образом возникло бы что-то вроде конспекта романа. Исходя из этого конспекта, используя содержащиеся в ее памяти образцы творчества данного писателя, машина разрабатывала бы сюжет и стилистику. Постоянно под контролем человека!

— Так, значит, не машина писала бы роман, а Боннар и его сотрудники с помощью машины.

— Можно сказать и так.

— Ну, а откуда эти современные вставки?

— Возможно, чтобы обогатить «воображение» машины, в нее ввели определенный объем знаний из литературы с конкретными примерами.

— Не думаю. Кому были нужны эти лондонские деревья?

— А зачем они живому писателю?

— Допустим, все обстоит так, как ты говоришь, — вступил я в разговор. — Однако такие произведения, создаваемые машиной, с точки зрения мастерства наверняка были бы ниже романов, созданных писателем. А ведь ты сама считаешь, что в последних произведениях Браго заметно явное развитие таланта. Могла ли машина «переплюнуть» писателя, которому она подражает?

— Теоретически это возможно. Если удалось решить все проблемы, связанные с компоновкой и селекцией, то высшая степень мастерства — уже вопрос дальнейших технических усовершенствований. Нет объективной границы, которую мы называли бы «уровнем» живого писателя.

— Однако я не очень-то понимаю, почему для эксперимента избрали именно творчество Браго. Почему не «продолжают» какого-нибудь давно умершего писателя?

— Браго мог активно участвовать в подготовке памяти машины. Возможно, был записан ход свободных ассоциаций. Например, он мог диктовать все, что приходило на ум, испытывать различные способы связей, даже записывать течение мысли в процессе создания фабулы. Институт Барта занимается нейрокибернетикой и психофизиологией, а не чистой математической лингвистикой. —

Катарина замолчала, потом резко изменила тему. — Но у вас, очевидно, есть другие, более срочные дела. А я здесь сижу и довольно путанно теоретизирую.

Только теперь и я заметил, что разговор постепенно превратился в наш с Катариной диалог.

— Что вы! Мы слушаем с величайшим интересом, — попытался еще придерживаться законов галантности да Сильва, но сеньора де Лима пресекла дискуссию.

— Все это ужасно любопытно, но время летит, а я хотела бы поговорить с вами, сеньор адвокат, о неотложных делах, — сказала она, вставая.

Да Сильва тут же нашел выход из щекотливого положения.

— Вы любите магнолии? — спросил он Катарину таким тоном, будто продолжал давно начатый разговор о цветах. — Мой садовник вывел очень интересный сорт.

— А нельзя ли взглянуть? — любезно подхватила Катарина.

— Разумеется. Прошу вас, — поклонился да Сильва. — Вы не возражаете, — обратился он к Долорес, — если мы оставим вас одних?

Когда они вышли, сеньора де Лима опять села в кресло и, пронизательно глядя на меня, сказала:

— Ну и болтлива ваша знакомая! Я думала, она скажет что-нибудь более дельное.

— Вы сомневаетесь в возможностях машинного творчества? Мне тоже думается, что к нашему делу это не имеет отношения.

— Если я правильно поняла, то в случае, если все обстоит именно так, как она говорила, Марио лишится всех прав на книги.

— Пожалуй, да. Самое большее, можно было бы добиваться компенсации за присвоение имени. Но даже и в этом случае мы не могли бы вносить иск, поскольку

существует завешание, а очень может быть, и какие-либо документы, передающие эти права институту.

— Вот именно... Собственно, зачем вы ее сюда привезли? — спросила сеньора Долорес, не пытаясь даже «играть в кошки-мышки». — У нас сейчас и без того серьезные заботы, а вы только напрасно усложняете положение.

Я решил охладить свою клиентку.

— Если вам не нравится, что я приехал с сеньориной Дали, мы можем сейчас же уехать...

Сеньора де Лима с беспокойством взглянула на меня.

— Не говорите глупостей, сеньор. Я не за этим вас сюда пригласила.

— Доктор Дали заслуживает полного доверия, — сказал я. — Кроме того, она может нам пригодиться. Она знакома с Боннаром и была первым рецензентом творений Браго, переданных Боннаром профессору Сиккарди. Если нужно будет выяснить, как обстоят дела в институте, она легко найдет предлог попасть туда.

Сеньора де Лима несколько успокоилась, но особого энтузиазма по поводу моих слов не проявила.

— Сейчас, действительно, пригодился бы человек, имеющий легкий доступ в институт, но не знаю, не будет ли от вашей знакомой больше хлопот, чем пользы. И уверены ли вы, что она не «рука» Боннара?

— Я уже сказал, что полностью ей доверяю, — холодно возразил я.

— Ну, хорошо, хорошо, — тяжело вздохнула сеньора де Лима. — Перейдем к делу. Муж говорил вам, что Марио сбежал от меня на пути домой. Я почти убеждена, что он опять явится в Пунто де Виста. Точнее — к моему брату или, что хуже, в институт. Да Сильва мне очень помогает. Он разослал людей во все стороны. Благодаря ему мне удалось вчера поймать Марио. Сеньор да Сильва —

обаятельный человек, у него наилучшие намерения, но Марио трудный, нервный ребенок. Я не хочу нового скандала... Поэтому и не обращаюсь за помощью в полицию.

— В чем заключается моя роль?

— Сейчас скажу. Марио вас не знает. Так получилось, что он до сих пор вас не видел... — немного смутилась она. — Мне известно, что вы хотели с ним поговорить... Поэтому я подумала, что вам будет легче установить с ним контакт, объяснить ему...

— Я считаю, что вы с мужем совершенно напрасно так долго не доверяли мне. Будучи вашим адвокатом, я должен знать все. Разве можно было скрывать от меня, что Марио в этом деле поддерживает Боннара?

— Это неверно. Марио, как вам говорил мой муж, не интересуется заведением. Но он ненавидит моего мужа, да и меня не любит... — она вытерла платочком слезы.

— Чем же могу помочь я?

— Вы подождете здесь до вечера. Может быть, даже переночуете... Как только мы узнаем, что Марио появился вблизи церкви, вы поедете к моему брату и попытаетесь выспросить у Марио, что он собирается делать. Вам необходимо завоевать доверие мальчика. Вы это сумеете, если захотите.

— А если Марио отправится прямо в институт?

— Он не сможет туда добраться. Об этом позаботится да Сильва.

— Значит, опять... — сказал я насмешливо.

— Нет, нет. На этот раз речь идет не о том, чтобы его схватить. Но он об этом не знает.

— Ну а если он не появится у священника... Ведь он может где-нибудь прятаться несколько дней.

Она смутилась.

— Видите ли... Уже сегодня к вечеру, самое позднее до полуночи он должен быть там... Он готов сделать все...

— Скажите откровенно, в чем тут дело? — спросил я сухо. — Почему вы недоговариваете?

— Нет, нет. Я ничего не скрываю. Дело в том, что сегодня годовщина смерти Хозе...

VII

Мы заканчивали ужин, когда в столовую вошел плотный мужчина, похожий на боксера, и, остановившись за стулом да Сильвы, шепнул ему что-то на ухо.

Сидящая рядом с хозяином Катарина на полуслове оборвала свой рассказ о последних течениях в литературе и вопросительно взглянула на него.

— Простите, сообщенне о Марио, — объяснил да Сильва. — Четверть часа назад его видели в двух километрах от деревни.

— Ваша разведка работает отлично! — засмеялась Катарина, которой вино слегка ударило в голову.

— Это проще, чем вы думаете, — ответил хозяин. — Село лежит в излучине реки, которую пересекает шоссе. Чтобы добраться до деревни с севера, необходимо перейти мост, расположенный в километре от нее. Мы решили, что вряд ли Марио станет переходить реку вброд, поэтому было достаточно наблюдать за мостом. Сейчас полнолуние, так что нетрудно заметить из ближайших кустов, кто идет. Впрочем, я ожидал, что Марио попытается доехать на попутной машине, и приказал наблюдателям окружить весь, полуторакилометровый отрезок шоссе между мостами.

— Вы, вероятно, были отличным командиром, полковник, — серьезно сказала Катарина, но мне показалось, что в ее голосе я уловил тень проники.

— Не из последних, — наклонил голову да Сильва. — Во время операции под...

— Простите, не пора ли вам уже ехать, сеньор? — обращаясь ко мне, прервала его сеньора де Лима, которая не скрывала своего нетерпения.

— Пускай сеньор адвокат выезжает минут через пятнадцать, — сказал хозяин деловым тоном. — Может быть, выпьем еще?

— А если Марио... — начала было Долорес, но да Сильва остановил ее, подняв руку.

— Не волнуйтесь, моя дорогая. Все идет так, как мы предполагали. Поэтому будет лучше, если сеньор адвокат окажется в доме вашего брата не раньше Марио, а после него. Если Марио увидит там постороннего или, что еще хуже, заметит, что за ним следят, он может укрыться где-нибудь в селе или в саду около церкви.

— Я думаю, будет лучше, если доктор Дали поедет со мной, — решительно сказал я.

— Конечно! Мы поедем вместе, — подхватила Катарина.

Сеньора де Лима не скрывала недовольства.

— Мне кажется, это ни к чему... Вы останетесь с нами, — сказала она резко. — Утром я вас отвезу...

— Я еду! — решительно повторила Катарина.

— А может быть... — начал было да Сильва, но я не дал ему закончить.

— Присутствие доктора Дали может очень пригодиться. Ведь Марио видел сеньорину Дали в институте и знает, что она была знакома с его отцом...

— Помнит ли он ее? Это было так давно, — сказала сеньора де Лима, пожимая плечами.

— Вспомнит. А это может иметь большое значение. Ведь речь идет о том, чтобы завоевать доверие мальчика.

— Ты совершенно прав. Надо ехать, — подхватила Катарина.

— А ваше мнение? — обратилась сеньора Долорес к хозяину.

Да Сильва молча смотрел на Катарину. Было видно, что в нем борются противоречивые чувства.

— Я бы очень хотел, чтобы сеньорина осталась, — сказал он как-то особенно мягко. — Скажу откровенно — я рассчитывал на этот вечер... Но, пожалуй, вы правы, — обратился он ко мне и, вздохнув, добавил. — Жаль...

— Мы еще встретимся, — сказала Катарина с ангельской улыбкой.

Я был зол на нее, но пытался не показать своей досады.

— Мой дом всегда в вашем распоряжении, — несколько патетически произнес да Сильва.

Мы встали из-за стола. Хозяин и Долорес де Лима проводили нас до машины.

— Советую оставить машину на площади, около колодца. Так лучше, — сказал на прощание да Сильва.

Мы тронулись. Луна действительно светила очень ярко, и я мог ехать, не зажигая фар.

— Что это ты так с ним кокетничала? — дал я волю сдерживаемой ревности.

— Симпатичнейший «мальчик», — коротко рассмеялась она.

— Могла бы найти кого-нибудь получше. Это же старик!

— Зато такой джентльмен... А профиль... прямо-таки римский сенатор...

— Никак не думал, что...

— Ну и глуп же ты, — прервала она и снова засмеялась. — Я отлично повеселилась. Не думай, что я пьяна. В голове немного шумит, вот и все. Ты и не заметил, что я смеялась над ним.

Злость неожиданно покинула меня, хоть я не очень-то верил Катарине.

— Могла бы, однако, не так ему поддакивать, — сказал я уже спокойнее.

— Игра стоит свеч!

— Не понимаю.

— Не прикидывайся простачком. Да Сильва — основная пружина здесь. Долорес и ее муж — не более чем марионетки в его руках. Дело вовсе не в смерти Браго, завещании или стремлении выяснить истину. Это игра, в которой ставка гораздо выше. Я еще не знаю, какова она, но чувствую это всем нутром... Атака да Сильвы направлена на институт. Даже личность Боннара не имеет здесь значения. Хотя это, я думаю, самый грозный его противник. Впрочем, вероятнее всего, да Сильва действует не по собственной инициативе. Ты можешь мне сказать, кто владеет местными плантациями?

— Какое-то акционерное общество или концерн.

— Необходимо узнать точнее. Это очень важно. И советую тебе, будь осторожнее. Не очень-то влезай в эту аферу. Это может испортить тебе репутацию.

— Ты меня пугаешь, — сказал я откровенно. — Но откуда такие подозрения? Что тебе говорил да Сильва, когда показывал магнолии?

— Он пытался выудить у меня, что я знаю о нейрдине. Надо сказать, он делал это чрезвычайно умело. Ведь да Сильва, как ты сам видел, обаятельный хозяин дома, — она снова засмеялась.

— Ты повторяешься. Так что же ты ему сказала о нейрдине?

— Все... что известно официально. К тому же, честно говоря, я и сама знаю немногим больше, а может, и меньше. Однако я не стала разубеждать его в том, что могу быть для него неплохим источником информации.

— Не ожидал, что ты способна на такую игру. Я был уверен, что он вскружил тебе голову...

— Мне надо будет как можно скорее повидаться с Бонаром. Если бы институт не находился под наблюдением соглашения да Сильвы, ты отвез бы меня туда сегодня же.

— Не требуй от меня нежелательности по отношению к семейству де Лима. Они мне доверяют. Вначале я должен был бы официально отказаться...

— Это исключено. Они сразу же поняли бы, в чем дело. Теперь ты не можешь идти на попятный. Пусть думают, что ты работаешь на них. Просто ты должен быть осторожным.

— Ты требуешь от меня слишком многого. Это противоречит адвокатской этике. Я не отношусь к разряду людей, которые...

— Понимаю, — поспешно прервала она. — Пусть будет так. Но имей в виду — тебе следует вести себя осторожно.

— А ты не преувеличиваешь? Что из того, что он спрашивал о нейродине? Любой может интересоваться...

— Ты помнишь начало генеральского путча против Дартеса? Это и есть тот самый полковник да Сильва...

— Который пытался арестовать Дартеса? Откуда ты знаешь?

— Он сам мне об этом сказал.

Площадь перед церковью была пуста. Жители деревни рано ложились спать. Только в одном окне — в доме владельца магазина — светился огонек.

Я поставил машину у колодца, как посоветовал да Сильва. Луна ярко освещала ступени и белый фасад церкви. Лишь с правой стороны несколько невысоких деревьев отбрасывали короткие рваные тени.

— А если Марио где-нибудь здесь поблизости? — шепотом сказала Катарина. — Если он нас заметит или уже заметил...

— Что делать. Прятаться мы не станем.

Тишину нарушал только далекий лай собак. Мы поднялись по ступеням вверх и остановились у боковой калитки. Я нажал ручку. Раздался металлический щелчок, и калитка, скрипя петлями, раскрылась.

Идти в темноте по саду было не очень приятно. Казалось, что за каждым деревом или кустом кто-то притаился. Наконец мы миновали обгоревшие стены пасторского дома и в глубине боковой аллеи увидели свет в окнах домика Альберди.

Горевшая в комнате лампа отбрасывала светлую полосу на цветник под окном и ближайшие кусты.

Из домика не долетало ни звука.

— Может, Марио еще нет... — прошептала Катарина.

— Думаешь, нам стоит подождать?

— Пожалуй, в этом нет смысла. Если он нас заметит...

Я поднялся на крыльцо и осторожно постучал.

За дверью было тихо.

— Постучи громче.

Я несколько раз стукнул в дверь, теперь уже довольно сильно. Глухое эхо разнеслось далеко по саду.

Но и на этот раз внутри домика ничто не шелохнулось. Если Марио не успел еще добраться сюда и был где-то поблизости, мой стук мог насторожить его.

Я нажал ручку. Дверь подалась.

— Можно? — спросил я, задерживаясь на пороге, но ответом мне была тишина.

Пройдя темную прихожую, я остановился в дверях комнаты. Она была пуста. На столе, рядом с раскрытой книгой, стояла чашка с чаем. Я потрогал ее — теплая.

— Ну что? — услышал я позади голос Катарины.

- Альберди был здесь несколько минут назад.
- Может быть, его неожиданно вызвали к больному?
- Возможно... Или же... вышел с Марио.
- Не видно, чтобы мальчик был здесь...
- Что будем делать?

Катарина задумалась.

— Надо подождать, — немного помолчав, сказала она. — Но обстановка несколько усложняется. Если бы мы их застали дома, все было бы в порядке, а так... Ждать здесь в комнате? Это может походить на засаду. Ждать перед домом? Бессмысленно. Возвращаться? Еще хуже.

— Я и думаю... Прежде всего действительно ли мы должны опасаться, что Марио, увидев меня, опять попытается скрыться? Пожалуй, это преувеличение...

— Не знаю, но учитывать это надо.

В этот момент мне пришла новая мысль.

— А что, если мы останемся здесь оба, но в определенный момент на сцене появишься только ты. Скажем, подождешь на крыльце и, когда увидишь их, пойдешь навстречу. Если Марио тебя узнает, все будет в порядке.

— Ты думаешь, они уже встретились?

— Вполне вероятно. Не исключено, что в этот момент они находятся на кладбище.

— Сейчас? Ночью?

— Сегодня годовщина смерти Браго. Марио непременно захочет навестить могилу отца. Днем это может быть рискованно. Лампу они не погасили, чтобы люди да Сильвы думали, будто священник дома...

— Пожалуй, твое предположение довольно правдоподобно, — соизволила она похвалить меня. — Ну так я ухожу, а ты оставайся здесь. Я подожду на скамейке у крыльца.

Оставшись один, я уселся в кресле и машинально потянулся за книгой. Это был какой-то философский труд

с многочисленными карандашными пометками на полях. Я отложил книгу и, взглянув в сторону окна, сообразил, что наверняка хорошо замечен снаружи. Поэтому я вышел в прихожую. Сквозь закрытую дверь не долетало ни звука. Я вслушивался в тишину, напрасно пытаюсь уловить хоть какой-нибудь признак присутствия Катарины.

Так прошло несколько минут... Справа от входа, рядом с единственным в прихожей окном, находилась деревянная печь, в углу — простенький умывальник. Слева я заметил небольшую приоткрытую дверь. Чуланчик был тесный, но хорошо оборудованный. Видимо, служанка священника неплохо заботилась о его земных потребностях.

На крыльце скрипнула доска. Кто-то, вероятно Катарина, спускался или осторожно поднимался по деревянным ступеням. Потом я услышал слабый звук шагов на тропинке и снова наступила тишина. Я ожидал, что вот-вот послышатся голоса, но из-за двери и окна, прикрытого только сеткой от насекомых, до меня не долетало ни шороха.

Время шло, а Катарина не возвращалась. Может быть, она вообще не уходила и ждала где-нибудь неподалеку от домика.

Я вышел бы на крыльцо, но этим можно было все испортить. Так прошло еще минут пять, потом десять... Мной овладевало беспокойство.

Совершенно неожиданно раздался тихий стук в дверь. Я уже потянулся к ручке, когда сообразил, что это не Катарина и не Альберди.

Ручка шевельнулась. Кто-то проверял, заперта ли дверь. Это мог быть только Марио. Если он застанет меня здесь...

Почти в последний момент я спрятался в чулан. Через щель неприкрытой двери я увидел мальчика в темной спортивной куртке. Узкие брюки еще больше удлиняли его

фигуру, придавая ему скорее вид слишком выросшего двенадцатилетнего мальчика, чем семнадцатилетнего юноши.

Марио прикрыл дверь и, не останавливаясь, прошел прямо в комнату. Переступив порог, он остановился и, видимо, убедившись в отсутствии священника, попятился, но после минутного колебания быстро подошел к окну и задернул шторы.

Теперь при ярком свете я видел нахмуренное, загорелое лицо. Короткие вьющиеся волосы говорили о его негритянском происхождении. Катарина как-то упомянула, что мать Хозе Браго была мулаткой.

Марио сел в кресло около стола, однако потом встал и вышел в прихожую.

Я почувствовал, как капли пота выступают у меня на лбу. Если он заглянет в чулан... К счастью, он опять вернулся в комнату, но прошел в левую ее половину, так что я не мог его видеть. Я услышал скрип. Значит, он сел за стол. Пожалуй, для меня появилась возможность незаметно выбраться из дома.

Как можно осторожнее я начал открывать дверь чулана.

Я находился уже в прихожей, когда услышал шаги — сначала на тропинке, а потом на крыльце, — и опять юркнул в чулан. Глупейшее положение!

Почти в тот же момент дверь отворилась, и вошел священник.

— Марио! — крикнул он с порога.

— Я здесь, дядя, — в голосе мальчика звучала тревога.

Альберди вошел в комнату.

— Куда ты подевался. Я тебя искал...

— Тихе! Прошу вас, говорите тихе. Кто-то шатается вокруг дома... Я не хочу, чтобы меня видели.

— У тебя обостренная мнительность. Возможно, это просто забрела собака...

— Я видел... По парку болтаются какие-то люди. Наверное, от да Сильвы. Разве вы не видели на кладбище, как шевелились кусты? Поэтому я оставил вас... Но и здесь вокруг дома тоже шляются... Я видел женщину...

— Наверное, Ноку?

— Нет. Это была не деревенская женщина. Она ждала на крыльце, но я ее обманул.

— Что ты говоришь? Я нигде никого не видел...

Однако Альберди не оставил без внимания слова мальчика, так как вернулся в прихожую и закрыл входную дверь на засов.

— Сначала умойся, — сказал он, возвращаясь в комнату. — Ты грязный, словно ползал по оврагам. Помнишь, где умывальник?

— Помню.

Я быстро допятился, прикрывая дверь. Немного погодя послышался звон посуды и плеск воды.

Священник расхаживал по комнате.

— Будешь спать на раскладушке. Она у меня на чердаке... Когда-то... еще твой отец спал на ней, когда жил у меня несколько месяцев... Ты же знаешь.

Плеск воды утих.

Некоторое время царило молчание. Альберди передвигал столик.

— Дядя... — неуверенно произнес Марио.

Альберди подошел к двери.

— Слушаю. Что скажешь, мальчик?

— Ничего особенного. Я думал, что... — Марио неожиданно замолчал. — Можно мне взять еще воды?

— Возьми, возьми. Сейчас я принесу полотенце.

Я опять услышал звон посуды и звуки льющейся воды.

— Ты хочешь есть? — сказал Альберди.

— Спасибо... Не очень...

— Поешь, поешь. Вот полотенце. С водой немного

трудновато. Движок испортился, и бак на крыше пустой. Я ведь не разбираюсь в механике. Да это и не столь уж важно. Мне достаточно того, что накачает старый Лукас.

Теперь были слышны только шаги Альберди в прихожей.

— Может, поешь печенки? — услышал я его голос у самой двери чулана и был уже почти уверен, что сейчас он обнаружит мое присутствие.

— Спасибо... Спасибо. Я правда не голоден. Я очень хотел бы поговорить с вами...

— Конечно, поговорим... Но хотя бы попей. Пока сделала отличный напиток. Куда ты так спешишь с разговором? Ну, ну, признавайся, — бросил Альберди не очень сурово, — уж не сбежал ли ты из дома?

— Нет! Я был у моря... В Плайя де Оро. Мама и де Лима с врачом решили, чтобы я отдохнул... — добавил он с оттенком иронии в голосе.

— Ты болел?

— Э... Ничего я не болел... Если хотите знать, я и вправду сбежал, но не из дома, а из санатория.

Они прошли в комнату.

— Мать знает, что ты здесь? — спросил священник уже немного суровее.

— Если б знала, то меня здесь не было бы! — неестественно засмеялся мальчик. — Я еще вчера пытался сюда попасть. Но напоролся на людей да Сильвы. Я им не дам, потому что не собираюсь возвращаться ни в Плайя де Оро, ни домой! Если вам это не нравится, то я пойду!

Наступила тишина. Я услышал звон стакана и скрип стула.

— Никто тебя отсюда не гонит, — заговорил наконец Альберди. — Но матери надо сообщить, иначе она будет волноваться.

— Делайте, что хотите. Домой я все равно не вернусь!

— Я думаю, нам удастся устроить так, чтобы ты на несколько недель остался у меня. А почему ты так подчеркиваешь, что домой не вернешься?

Марио не спешил отвечать.

Я немного увеличил щель и через открытую дверь комнаты увидел Альберди, сидящего за столом.

— Это не мой дом. А впрочем... — начал невидимый из моего укрытия мальчик и осекся на полуслове.

— У тебя были какие-нибудь неприятности?

Однако Марио не склонен был откровенничать.

— Не переживай, мальчик. Все как-нибудь уладится, — ободряюще сказал Альберди.

— Мне все равно. Вы мне скажите, но только правду, честно, что вы думаете о моем отце? — словно преодолевая какое-то внутреннее сопротивление, выдавил Марио.

— Он был отличным писателем...

— Я не о том. Это теперь говорят все. Я хотел бы знать, каким человеком он был в жизни... Знаете... я... отца... помню... Хорошо помню. Но то, что я помню, это только одна сторона. Отец всегда был ко мне очень добр... и очень мудр! Он был самый умный... Таким и остался в моей памяти. Но ведь тогда я был только ребенком и мог многого не замечать. Я его любил! Ну скажите! Каким он был в действительности? Он был злым человеком? Пьяницей, эгоистом?..

— Что же тебе ответить? — сказал Альберди, медленно подбирая слова. — Не стану скрывать, когда мы познакомились, он произвел на меня приятное впечатление. Потом он сильно изменился, но в то время я его не встречал. Когда за два года до смерти он приехал сюда, то это уже был больной человек, нервный, страдающий от

постоянных головных болей... Несомненно, твой отец относился к разряду людей необычных и трудных в обычной жизни. Не потому, что он был каким-нибудь надоедливым, вспыльчивым или эгоистичным. Насколько я знаю, он был тяжелым для окружающих прежде всего потому, что вел ненормальный образ жизни. Кроме того, он проявлял полную беспомощность в быту, и для окружающих, а особенно для мамы, это должно было быть очень тяжело. Обычную, нормальную работу он считал потерей времени и никогда не работал дольше чем несколько месяцев. Кроме того, отличался упрямством, почти таким же, как и твоя мать, и любой ценой стремился доказать свою правоту.

— А верно, что он с вами ссорился?

— Преувеличение. Правда, у нас были довольно горячие, даже бурные споры. Но это касалось философских проблем. Ты же знаешь, что твой отец был, увы, неверующим... Расхождений у нас было множество! — Альберди остановился. — Это правда. Он был упрям! — сказал он словно про себя. — Упрям до конца...

— А мама его когда-нибудь любила?

Священник долго не отвечал.

— Вероятно, да. Иначе она не вышла бы за него замуж. И он ее любил... По-своему.

— А потом? Когда я был маленьким? Когда мама ушла...

— Я же тебе говорил, что не видел его в то время. Если хочешь знать, я всегда был против этого развода. И не только потому, что я — священник. Но не будем судить людей слишком строго. К тому же собственных родителей...

— Мама отца не любила! И даже ненавидела! — взорвался мальчик.

— Марио! Как ты можешь?! — воскликнул с упреком Альберди. — Если люди ссорятся, это не всегда значит, что они ненавидят друг друга.

— Я знаю, что говорю! Дело не в том, были ли у них скандалы... Это вообще не ругань... потому что отец не кричал. Да и мама, если и скажет порой что-нибудь со злости, так это вовсе не значит, что она обязательно так думает... Но то, что она отца не любила, это я знаю наверняка. У меня есть доказательства.

Скрипнул стул. Священник встал и подошел ближе к окну.

— Что ты, мальчик, можешь знать... — начал он, стараясь говорить как можно мягче. — Ты помнишь только то, что делалось у вас дома перед разводом. Позже — бракоразводный процесс... новая семья... А ведь прежде чем ты появился на свет, они любили друг друга... Лишь позже... Этот развод... Твои родители тяжко провинились... Не только перед богом, но и пред тобой, и пред собой... Ты спрашиваешь, кто был в этом виноват? Она или он? Оба! А кто меньше, кто больше? Можно ли это знать. Никто не проникал в чужую совесть... А даже если бы... Но ты, дитя, не суди своих родителей. Не надо.

— Вы не то говорите! — прервал Марио. — Все не так. Я их не собираюсь судить. А если говорю, что у меня есть доказательства, значит они действительно есть. Вы говорите, что мама когда-то любила отца. Но разве можно презирать того, кого любишь?

— Презирать? Откуда ты это взял?

— Вы говорите, что мой отец был необычным человеком, что это можно было заметить даже в то время, когда он еще не был известён. Значит, вы это видели, чувствовали... Тогда почему же мама этого не видела, если она действительно его любила? Она даже не интересовалась тем, что он пишет. Не знаю, прочла ли она при

жизни отца хоть что-нибудь им написанное до конца. Она просто считала, что это пустая трата времени. Только после его смерти, когда все стали о нем говорить, она изменила свое мнение.

— Не обижайся, дорогой мой, но ты еще слишком молод и смотришь на все немного упрощенно. Я, например, остерегся бы употреблять такое слово, как «презирала». Твоя мама не сумела заметить его таланта... Она просто не разбиралась в этом. И не удивительно — ведь большинство критиков, даже известных, тоже его не заметило!

— Но самый близкий человек — жена!

— Нет, мой дорогой. Это не так просто. Можно найти массу аналогичных примеров в истории — Сократ, Руссо, римский цезарь Клавдий... Кто знает, может быть, вблизи труднее разглядеть величие?.. Я сам, признаюсь совершенно откровенно, до смерти твоего отца не прочел ничего, абсолютно ничего из написанного им. Лишь когда он получил известность... Я тоже был слепцом.

— Но вы говорите, что уже тогда считали отца необычным...

— Да. Это правда. Твой отец при первой же встрече произвел на меня сильное впечатление. Но это не значит, что я сразу увидел в нем гения. По-разному необычен может быть человек.

— Вы нарочно говорите так, чтобы доказать мне, будто мама имела право не верить в талант отца. Но от неверия до абсолютного отрицания, пожалуй, далеко?.. Наверное, есть разница между этими понятиями? Если бы вы знали... — он замолчал и уселся на край кровати.

— Что случилось? Ты же можешь быть со мной откровенным.

— Нет, нет. Лучше не спрашивайте...

— Можешь не говорить, это твое право, а я не любопытен. Я спросил лишь потому, что ты сам начал. Порой лучше поделиться с кем-нибудь своими огорчениями. Может, тебе легче было бы... понять.

— Нет! Нет! Я просто не могу. Не то чтобы не хотел вам сказать. Я не могу! Я поклялся, что не скажу. Никому!

— Что делать! Клятву надо сдерживать. Надеюсь, эта клятва никому не причинит зла?

— Зла? Клятва? Эта наверняка нет! А зло? Если говорить о зле вообще, то уже слишком поздно!.. — вдруг неестественно рассмеялся он. — Я думаю, уже уплыли тысяч шестьсот, а может, и миллион. Но разве можно это вообще выразить деньгами?..

Мне было видно, как Альберди подошел к племяннику и мягко обнял его за плечи.

— Так нельзя... Надо взять себя в руки, — сказал он тихо.

— Знаю, — Марио нервно повел плечами. — Но... у меня нет никого. Я один... Позвольте мне остаться у вас.

— Конечно. Завтра я напишу маме, что ты останешься у меня на некоторое время. Тут спокойнее. Отдохнешь. Поговорим... Забудешь о неприятностях...

— Это не легко.

— Знаю. Но здесь, в деревне, человек как-то ближе к природе. А стало быть, ближе и к Творцу. Тут легче заметить, сколь незначительны и преходящи все наши жизненные невзгоды, малые и большие. Ибо что мы на этой земле? Что наши дела?.. Я тоже когда-то смотрел на мир, как ты. Мне казалось, что все сговорились против меня, что меня никто не понимает. А если взглянуть на это теперь... Важно никому не причинять зла, быть справедливым, иметь чистую совесть и самому уметь прощать.

— Прощать? Легко сказать. Впрочем, у меня ни к кому нет претензий. Но бывают обиды, которых не забудешь, которые нельзя забыть. Например, обида, нанесенная кому-либо после смерти...

— Если человек, которого несправедливо обидели, умер, то не все еще потеряно. Если можешь заставить себя искренне покаяться, то бог, безусловно, простит, а значит, простит и умерший. Порой суд божий требует, чтобы человек понес кару и здесь на земле, но... кто может оценить смысл решений Провидения?

Марио вдруг поднял голову.

— Скажите, дядя, но только честно, — сказал он с нажимом. — Вы верите во все, что говорите? В своего бога и в его справедливость?

— Верю! — очень серьезно ответил священник. — А ты не веришь? — спросил он печально.

— Не знаю. Ничего я не знаю. До того как мама второй раз вышла замуж, мы два года жили у дедушки. Я был тогда еще маленьким. Бабушка ходила со мной в церковь. До поры до времени это было для меня забавой, а потом превратилось в утомительное и скучное занятие. Когда я стал побольше, то часто беседовал на религиозные темы с товарищами. Многие были верующими. Некоторые — нет. Но это еще не значило, что те, которые чаще ходили в церковь, были лучше. Я стал задумываться, кому нужна эта вера? Одно время я сам стал ходить в церковь. Много читал. Однажды даже натолкнулся на вашу статью. Я хотел получить ответ... Надеялся найти его в трудах теологов, но не нашел. Все это слова, за которыми ничего нет...

— Тогда ты и написал мне то письмо?

— Нет. Это было раньше. Года через три после смерти отца. Я даже пытался писать на эту тему. Сначала за

бога, а потом против него и его справедливости... Это смешно, правда? Мне было тринадцать лет...

— Дела величайшего значения не поддаются пониманию. Одного чтения недостаточно. Надо верить. Чтобы увидеть в мире то, что действительно от бога, необходима его воля.

— Пустые слова. Вы мне сейчас скажете, что если кто-то был обижен, то бог его вознаградит... Что и страдания могут быть благоволением господним для тех, кто им подвергается. Что это испытание... Но если человек был несправедливо обижен уже после смерти? Что, и эту несправедливость бог наказывает?

— Не понимаю, — в голосе священника звучало явное удивление. — Ты имеешь в виду тот случай, когда топчут память умершего? Очерняют его, да?

— Не совсем... Но, скажем, что-то в этом роде. Что на этот счет говорит религия?

— Разумеется, такой поступок — грех. И бог его справедливо накажет.

— Ну ладно. Пусть кого-то даже постигнет кара при жизни. Несправедливость обернется против тех, кто ее совершил. А если они не могут несправедливость исправить? Или даже не хотят? Самое большее думают, что не были достаточно дальнзоркими и проиграли?

— Я не очень понимаю, что ты имеешь в виду. Ведь если их постигла кара, то это говорит именно о справедливости божией. А если они не хотят понять предостережения, тем хуже для них. Бог дал им возможность, а они не воспользовались ею. Тем больше их грех, и если не при жизни, то после смерти их ждет кара.

— Ну ясно, адский огонь. Все это ерундистика. Вообще, если вы хотите знать, так я в эти загробные суды, ады, рай и чистилища не верю. И не надо рассказывать мне сказки.

Альберди отшатнулся. Мне показалось, что вот-вот на мальчика обрушится поток слов. Однако он молчал. По-видимому, его молчание тяготило Марио, потому что он наконец решился его прервать.

— Я... я... простите меня... — начал он неуверенно. — Я не хотел вас обидеть. Я только хотел сказать, что... — он умолк, не в состоянии выбраться из затруднительного положения.

— Я не обижаюсь, — сказал Альберди так тихо, что я едва расслышал его слова. — Да и чего ради? На что я должен обижаться? Ты не веруешь? Многие не веруют. Только я думал... — он резко сменил тон. — Тогда в чем же дело? Что ты хочешь от меня услышать? Ты спрашивал о моих взглядах. Я тебе ответил.

— Нет. В том-то и дело, что не ответили! — быстро возразил Марио. — Я имел в виду не ад и рай, а то, может ли бессмертная душа, эта субстанция, освободившаяся от тела, может ли она, по вашему мнению, поддерживать дальнейший контакт с миром, в котором жила? Или она совершенно отрезана от него?

Альберди сел в кресло.

— Странно, что ты задаешь такие вопросы, — начал он немного жестко, — коль сомневаешься в существовании бессмертной души, вечном блаженстве спасенных и в муках грешников.

— Этого я не говорил. Я просто ничего не знаю. Я имел в виду только загробную жизнь! А если говорить об аде, чистилище, рае, то простите меня, все это кажется мне ужасно наивным. Так, словно бы я должен верить в чертей с рогами, ангелов с крыльями, в ведьм, русалок, привидения... Я думаю, и вы в них не верите?

Опять надолго наступила тишина.

— Ну... — начал как бы с сомнением Альберди. — Конечно, я не верю в существование русалок, ведьм, приви-

дений. Но ты все перепутал. Ты не понимаешь сути проблемы. Ты говоришь, что представления о рае, дьяволах, ангелах наивны. Это только потому, что ты сам воспринимаешь их весьма наивно, подобно простым смертным. Наивны твои представления, а не сами понятия. Для меня в них скрывается неизмеримо более глубокое содержание.

— Но...

Альберди махнул рукой.

— Оставим пока этот вопрос в покое. Я думаю, бесцельно рассуждать о посмертных судьбах душ, не понимая сути, сверхъестественного смысла решений господних. Ну да бог с тобой! Попытаюсь тебе объяснить, о чем я думаю, не раздражая твоих сомневающихся ушей наивными понятиями, мудрец ты мой! Не знаю, удастся ли мне это полностью, но попробую. Только скажи мне, почему это тебя так сильно интересует? Разве ты не абсолютно убежден, что бестелесная душа — сказка, придуманная церковью? Ну скажи, не думаешь ли ты все-таки, что в этом, быть может, есть какая-то доля истины? В этих, как ты их называешь, сказках?..

— Теперь-то уж вы путаете, — обиделся Марио. — Я вовсе не говорил, что все это сказки. У меня есть факты...

В этот момент кто-то постучал в дверь.

Марио вскочил с кровати, беспокойно глядя на дядю.

Стук повторился. Альберди поднялся с кресла и движением руки показал мальчику, чтобы тот остался в комнате. Потом вышел в прихожую, закрыв за собой дверь.

Воцарилась тишина.

— Кто там?

— Простите, пожалуйста; — услышал я приглушенный голос Катарины. — Могу я видеть адвоката Эспинозу? Он сегодня вечером должен был быть у вас.

— Я не знаю никакого адвоката с таким именем. Тут никого не было, — холодно ответил Альберди.

— Он был у вас два дня назад.

— Да. Вспоминаю. Адвокат моей сестры. К сожалению, сегодня вечером я не был дома...

— Может быть, вы будете любезны открыть...

Альберди медлил. По-видимому, он раздумывал, что делать. Наконец скрипнул засов, и я услышал звук раскрываемой двери.

— Я Катарина Дали. Не знаю, говорил ли вам обо мне Хозе Браго... — сказала она очень громко, чтобы услышал Марио. — Мы познакомились с ним в институте Барта. Я рецензировала его книги для профессора Боннара и встречалась у него даже с сыном Браго. Правда, я не видела Марио уже лет семь, но он меня, наверное, помнит...

— Вы спрашивали об адвокате Эспинозе? — не очень вежливо прервал ее Альберди. — К сожалению, его здесь нет...

— Я приехала с ним вместе, — объяснила Катарина. — Мы были здесь и стучались к вам. Никто не отвечал. Эспиноза хотел дожидаться вас. Я вышла вам навстречу.

— По-видимому, он куда-то ушел...

— Я прямо-таки не знаю, что мне теперь и делать...

Альберди явно хотел избавиться от неожиданной гостьи.

— Вероятно, он пошел искать вас... Может быть, ждет в машине... Если он придет, я скажу, что вы были.

— Я буду ждать у машины, — с сожалением сказала Катарина. — Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Альберди закрыл дверь на засов и вернулся в комнату.

— Приходила твоя таинственная незнакомка, — сказал он Марио шепотом. — Говорит, ты ее знаешь...

— Я слышал... Что-то припоминаю.
— Так, может, лучше ее задержать?
— Не знаю. Эспиноза — это мамин адвокат.
— Ты ему не веришь?
— Я никогда не видел его, но думаю, что это человек не из приятных.

— На первый взгляд он производит неплохое впечатление. А что ты знаешь об этой женщине?

— Отец ее даже любил... Но трудно что-нибудь сказать. Если она дружит с этим адвокатом...

— Они еще могут вернуться...

— Лучше будет, если мы потушим свет, — подсказал Марио.

Альберди не ответил. Он сел на кровать и задумался.

— Надо снять с чердака раскладушку... — заметил он немного погодя. — Лестница стоит за домом...

— Мне не хочется спать...

— Да... так о чем же ты хотел мне рассказать? — неожиданно сменил тему священник.

— А может, все-таки погасить огонь?

— Как хочешь...

Лампа погасла, скрипнула доска пола, потом кресло.

— Ну, так что? — тихо спросил Альберди.

— Сначала вы ответьте на мой вопрос.

— Хорошо. Пусть будет так. Что я думаю о контактах души умершего с миром? На мой взгляд, такой контакт возможен, но, как правило, он односторонен, точнее, инертен. Душа, пожалуй, должна сознавать, что происходит в мире, который она покинула, но сама непосредственно не может вмешиваться в жизнь этого мира.

— Почему вы так думаете? Почему контакт может быть только инертным? Ведь если существует иной мир, в котором живут души после смерти, то, мне кажется, тут дело лишь в различных измерениях этих миров, но они

взаимосвязаны друг с другом. Ведь это не может быть мир, удаленный куда-то в пространство, он должен быть рядом с нами.

— О! — воскликнул Альберди. — Можно сказать, что ты и прав и неправ, ибо пространства для души, покинувшей тело, не существует. Так что нечего и говорить о том, далеко рай или близко. Локализация, действительно, была бы в данном случае наивностью. И с этими измерениями дело обстоит не так, как ты говоришь. Это не какой-то мир с другими измерениями. Скажем, обогащенный четвертым измерением в сравнении с нашими тремя. Это бытие выходит за пределы всяких измерений!

— Тогда как же при таких условиях можно говорить о контакте?

— Создатель! Его посредничество! Благодаря ему бессмертной душе может быть дано сознание того, что после смерти тела происходит в мире, в котором она жила. Ибо бог видит и знает все, а благодаря ему душа тоже может это знать. Однако такой контакт скорее пассивен, так как решает в данном случае не человек, не его душа, а Создатель. Душа может только просить его о помощи.

— Ну ладно! Допустим, все так и есть. А вы считаете, что этот контакт бывает, то есть должен быть только односторонним? А не может ли такая душа подать о себе какой-нибудь знак живым людям? Или она всегда вынуждена оставаться только пассивным наблюдателем?

— Ты имеешь в виду спиритические сеансы? Привидения, бродящие по кладбищам или в старых замках? Ты же сам сказал, что это сказки. Я тоже так думаю.

— Ну да, но иногда ведь происходят необъяснимые явления. Вот вы, веря в загробное существование души, не отбрасываете полностью возможность того, что по воле божьей она каким-либо образом может проявить свое присутствие?

— Я такой возможности не отрицаю. Создатель всемогущ, — ответил Альберди и задумался.

Некоторое время стояла тишина.

Я подумал, что следовало бы воспользоваться моментом и выбраться из ловушки. Правда, скрипучий пол мог выдать мое присутствие, но ждать, пока священник и его племянник не отправятся спать, было рискованно, да и Катарина в любой момент могла поднять тревогу. Я начал потихоньку открывать дверь чулана.

— Когда-то, давно, такие вещи, кажется, случались довольно часто, — начал Марио. — Теперь ученые говорят, что это галлюцинации, иллюзии. Даже вы так думаете. А если бы что-нибудь подобное случилось...

— Это надо было бы тщательно проверить, прежде чем дать более или менее авторитетный ответ. Я, например, встречался с подобными случаями. В трех случаях это была просто иллюзия, а в двух других обыкновенный обман. Поэтому не удивляйся, что я так скептически отношусь ко всем «голосам с того света».

— Почему вы сказали «голосам»?

— Ну, потому что обычно это называют «загробными голосами». Какие-нибудь звуки, потрескивание, шуршание, шаги, стук в окно.

— Вы думаете, это всегда иллюзия или обман?

— Не обязательно. Некоторые святые и праведники слышали голоса.

— А если бы вы явно слышали голос умершего?

— Каким образом? Во сне? Наяву?

— Да. Скажем... — он снова помолчал. — Ну... по... телефону...

— Ты решил надо мной посмеяться, — обиделся Альберди.

— Нет. Я говорю совершенно серьезно. Если бы вы слышали голос умершего по телефону...

Скрипнула кровать.

— Я приготовлю тебе постель, — сказал Альберди, вставая, а я замер на пороге чулана. В любой момент мог зажечься свет.

— Вы считаете, что я плету небывицы? Но нет! Поверьте мне!

Опять заскрипела кровать.

— Ну, хорошо, — донесся до меня шепот Альберди. — Если бы я услышал по телефону голос умершего, то вывод напрашивался бы сам. Это могла быть магнитофонная запись.

— А если этот человек, этот голос... разговаривал с вами? — воскликнул Марио. — Отвечал на вопросы и сам их задавал?

— Ты что, мальчик? — Альберди осекся, и только после долгого молчания сказал доверительным тоном. — А не слышал ли ты случайно сам такой голос? Скажи честно.

Марио долго не отвечал.

— Да. Слышал, — ответил он наконец голосом, в котором явно слышалась дрожь. — Только... Умоляю вас, никому об этом не говорите! А особенно маме.

— Это был голос твоего отца?..

— А откуда вы знаете?

— Нетрудно догадаться. Ты уверен, что это не мог быть голос с ленты?

— Уверен. Мы с ним беседовали.

— И этот человек сказал тебе, что он — твой покойный отец?

— Нет. Он даже хотел, кажется, чтобы я его не узнал. Вначале он очень сильно изменял голос. Особенно во время первой беседы...

— Так этих разговоров было несколько?

— Четыре. Первый — неполных два года назад... Но

только после второго разговора я стал подозревать, что это голос отца.

Опять наступила тишина. Мне казалось, что я слышу стук собственного сердца. Я был уже на полпути между чуланом и выходом, но в этот момент совершенно забыл о себе.

— Почему ты думаешь, что говорил с отцом? — неожиданно спросил Альберди, прерывая молчание. — Голос мог быть просто похож.

— Нет! Это был он! Никто другой, только он! — убежденно повторил Марио. — Тут дело не только в сходстве голоса, но и во всем: в том, как он обращался ко мне, в некоторых подробностях...

— Расскажи мне о содержании ваших разговоров и обстоятельствах, при которых все это случилось. Может быть, нам сообща удастся разгадать загадку.

Альберди произнес это спокойно, словно не придавал особого значения словам мальчика.

Однако Марио не спешил с признаниями, и это должно было обеспокоить священника. Он что-то сказал так тихо, что я не расслышал. Но мальчик ничего не ответил.

— Ты, наверное, хочешь спать, — начал Альберди, явно пытаясь выбраться из затруднительного положения. — Можем поговорить утром. Времени будет много.

Однако это предложение дало совершенно противоположный результат.

— Я вам скажу. Сейчас, — ответил Марио голосом, полным сдерживаемого напряжения. — Только вам я говорю об этом, потому что кому я могу сказать еще? Товарищи, учителя высмеяли бы меня, мама бы подумала, что я спятил. Пожалуй, только вы один можете это понять... — он умолк, собираясь с мыслями. — Первый разговор был, как я уже говорил, неполных два года назад. Кто-то позвонил домой и попросил меня к телефону. Голос в трубке

был какой-то странный... Словно кому-то не хватало дыхания. Слова произносились с перерывами. Я спросил, кто говорит, в ответ мне сказали, что знакомый, хороший знакомый. Тогда я спросил, как его зовут, но ответа не получил. Он сразу же начал задавать вопросы, как я себя чувствую, как у меня дела в школе, что слышно дома и... помню ли я еще отца. Я отвечал кратко, как это говорится, парой общих слов и опять попытался узнать, кто звонит, но услышал только «до свидания», и связь прервалась. Мама спрашивала, кто звонил, а я сказал, что какой-то знакомый, который не представился. Этого ей было достаточно. Но мне этот разговор показался каким-то странным. Снустя три месяца этот... голос снова дал о себе знать. На этот раз он звонил в школьный клуб. Он должен был хорошо знать, в какое время я там бываю. Теперь голос был немного иным, более естественным и как бы более знакомым. Он просил меня, чтобы я никому не говорил о нашем разговоре. Он снова спрашивал, как мои дела в школе, не надо ли мне чего. Я сказал, что нет, и опять спросил его имя, но он только ответил, что это неважно, что, впрочем, я знаю его хорошо. И тогда он сказал мне «Хет».

— Как? — не понял Альберди.

— «Хет». Так мог сказать только отец. Никто другой. Это было наше секретное слово. Вроде пароля, который мы применяли только в величайшей тайне во время игры в путешествие по стране Хет. Мы его знали только двое... После этого разговора у меня было странное ощущение, будто я говорил с кем-то очень близким... Конечно, здраво рассуждая, я вначале категорически отбрасывал мысль, чтобы это мог быть голос отца. Я думал, не галлюцинации ли у меня? Хотя я абсолютно не верю в духов и уж, во всяком случае, ни за что бы себе в этом не признался, я начал интересоваться тем, что люди вообще говорили

и писали о смерти и о том, что делается после нее с человеком... У одного из товарищей я обнаружил книги о спиритизме и оккультизме. Быть может, я был немного под их влиянием... Но мне не с кем было все это обсудить. И тогда я написал вам. Жаль, что из этого ничего не получилось... Я начал ждать нового телефонного звонка, но Он заговорил только через семь месяцев. К сожалению, ничего нового я не узнал. Лишь еще больше убедился — это был голос отца. Но в то время я еще не отважился спросить его, он ли это.

— Где ты в это время был?

— Опять дома. На этот раз вечером, и как-то так получилось, что никого дома не было. Отчим был в служебной поездке, а мама в кино. Разговор протекал так же, как и предыдущие. Только в конце я спросил, будет ли он еще звонить. Он сказал, что да, но не раньше чем через полгода. И снова просил никому об этом не говорить. Последний, четвертый телефонный разговор был у нас три месяца назад. Это случилось в институте Барта.

— Так, значит, ты был в Пунто де Виста и не заглянул ко мне? — с упреком сказал священник.

— Я не мог. Было воскресенье и мы поехали с мамой и да Лимой в «Каса гранде» на целый день. В середине дня появился отец Алессандри. Когда они сели за бридж, я взял мотороллер и поехал в институт. Профессор просил, чтобы я обязательно побывал у него, когда буду в Пунто де Виста.

— А мама знала, что ты поехал к Боннару?

— Я не спрашивал разрешения, — гордо ответил мальчик. — Ну вот, я беседовал с профессором, когда зазвонил телефон. Профессор сказал, что это меня. Я испугался, что это мама. Но это был Он, и тогда я его спросил... Он ли это... Но Он не ответил. Только сказал, чтобы я не волновался, что все будет хорошо и что Он позвонит опять.

— Тогда в чем же была разница между этим разговором и предыдущими? Из того, что ты говоришь, ничего понять нельзя.

Марио молчал.

— Ты узнал что-нибудь новое, важное? — настаивал Альберди.

— Да. Он сказал мне такое, о чем мог знать только мой отец. Такое, что касалось прошлого... И оказалось, что все это было правдой, — добавил он с какой-то непонятной злостью.

— Говори яснее. В чем было дело?

— Нет. Нет. Этого я вам сказать не могу. Говорю вам — не могу.

— Ну что же делать. Коль не можешь, то не можешь.

— А что вы обо всем этом думаете? — слышался вопрос, полный нетерпеливого ожидания.

— Что?.. Странно все это выглядит. Но скажу тебе одно. Я не верю в то, что это был твой отец. Будь спокоен. Духи не разговаривают с живыми по телефону. Там, на другом конце провода, должен был быть живой человек.

— Вы так думаете только потому, что это был телефон? А чем телефон хуже голоса с неба? Или внутреннего голоса, как у святой Иоанны? А если бы вы слышали голос без телефона, скажем, среди ночи, в комнате, идущий от портрета или вообще неизвестно откуда? Или голос, издаваемый облаком на спиритическом сеансе? Почему только такой способ разговора должен быть более приемлемым для духов?

Альберди, по-видимому, не собирался упорствовать.

— Дело не в телефоне, а в том, что загробный голос вообще надо исключить. В наши времена подобные явления, увы, не случаются.

— Если вы верите, что это могло произойти несколько веков назад, то почему оно не может случиться и теперь?

— Не о том речь, — начал нервничать священник. — Я хотел только сказать, что нет достаточных доказательств. Любой такой случай следовало бы тщательно проверить. Выводы следует делать очень осторожно. Теперь пойдем спать, а завтра мы с тобой еще раз обсудим все «за» и «против». Если ты так веришь в то, что слышал голос отца, то я не собираюсь этого отрицать. Но то «ваше» слово еще не доказательство. Его мог знать кто-нибудь, услышать от твоего отца...

— Вы думаете, что я несу чепуху. Хорошо. Можете так думать. Считайте, что это бред, галлюцинация, а я — не в своем уме... Но этот последний разговор был при профессоре...

— Я тебе верю. Завтра поговорим...

Священник встал с кровати, и я почувствовал, что он идет в мою сторону. Я отступил к чулану, зная, что если сейчас зажжется свет, то спрятаться уже не успею.

К счастью, Альберди сразу прошел к двери и, отодвинув засов, осторожно приоткрыл ее. Некоторое время он прислушивался, потом вышел на крыльцо.

— Иди. Никого нет! — прошептал он.

Тень Марио промелькнула мимо меня. Я слышал, как священник и его племянник спускаются по ступенькам на тропинку.

Шаги стихли. Через минуту до меня долетел глухой удар о стену со стороны чулана. Видимо, к крыше приставили лесенку. Нельзя было терять ни минуты. Дверь была раскрыта. На крыльце никого не было. Альберди и Марио находились по другую сторону домика. В принципе я мог теперь подойти к ним, сделав вид, будто только что пришел. Но не вызвало ли бы это подозрений?

Несомненно, обстоятельства не благоприятствовали попыткам завоевать доверие мальчика.

Я осторожно спустился с крыльца и по аллее пошел к калитке. На лестнице, ведущей к церкви, я встретил Катарину. Она вконец изнервничалась.

— Куда ты запропастился? Я уже хотела искать полицейский участок. Думала, ты лежишь где-нибудь с разбитой головой. По саду бродят какие-то подозрительные типы.

— Это люди да Сильвы. Что касается меня, то если я расскажу тебе, ты не поверишь! Я оказался в глупейшем положении.

Я вкратце пересказал ей все, что со мной приключилось и что я услышал. Катарина сначала подтрунивала надо мной, но потом посерьезнела, и нетрудно было заметить, что все услышанное произвело на нее сильное впечатление.

— Заночуем в ближайшем мотеле, а утром ты привезешь меня сюда, — сказала она, когда мы были уже на шоссе. — Я завтра еще раз попытаюсь сама поговорить с Марио и его дядей. А может быть, и с Боннаром, вместе с Марио. Жди открытий!

Я был удивлен тоном, которым она это сказала.

— Все гораздо сложнее, чем я думала.

— Ты считаешь, Хозе Браго жив?

— Не знаю. Ничего не знаю, — отрицательно покачала она головой, однако я не был уверен в том, что Катарина говорила правду.

VIII

В Пунто де Виста я снова оказался лишь спустя четыре дня после памятной ночной поездки. Тогда Катарина передумала, и мне пришлось отвезти ее домой. Она

собиралась на следующий день сама съездить туда и поговорить с Альберди и Марио.

Я не мог себе простить, что чуть было не скомпрометировал себя в глазах священника и юноши. Правда, подслушанный разговор дал мне больше, чем я мог ожидать от непосредственной встречи с Марио, но контакта с мальчиком я не установил и смогу ли в дальнейшем завоевать его доверие — не известно. Чтобы как-то сгладить неловкость, я позвонил мужу сеньоры Долорес и сообщил, что Марио находится у Альберди и не собирается оттуда бежать, а также предложил, чтобы сеньора де Лима послала брату короткое письмо, в котором дала бы согласие на продолжительное пребывание мальчика в его доме.

На следующий день я пытался было дозвониться до Катарины, но дома ее не оказалось, а в университете мне сказали, что она на совещании. Когда же я позвонил вторично, то она уже ушла. Ее домашний телефон не отвечал ни вечером, ни следующие два дня, так что я совершенно потерял с нею связь. Вначале я пробовал утешить себя тем, что она поехала в Пунто де Виста, но потом понял, что она просто избегает разговора со мной.

Семейство де Лима не хотело терять времени, и в среду мне пришлось заняться вопросом эксгумации. Я неожиданно легко завершил все формальности, связанные с самим актом и судебно-медицинской экспертизой. Несомненно, у де Лимы была рука во влиятельных судебных и полицейских кругах. Эксгумацию назначили на пятницу в первой половине дня.

В Пунто де Виста я выехал в этот день очень рано, так как решил поговорить с Альберди и Марио до прибытия комиссии и де Лимы. Утро было ясное, но более холодное, чем обычно в эту пору года. Кратковременный

ночной дождь прибил пыль, покрывавшую шоссе после многомесячной засухи, так что я наслаждался утренней прохладой.

Альберди я не застал ни дома, ни в саду. На крыльце сидела старая худая индианка и перебирала овощи. Она сказала, что священника нет и он, наверно, в церкви, потому что плотник должен был налаживать там амвон. Когда я спросил, дома ли Марио или он тоже в церкви, старуха подозрительно глянула на меня черными, глубоко запавшими глазами и повторила еще раз:

— Святой отец должен быть в церкви...

Я понял, что из нее больше ничего не вытянешь, и пошел в церковь. Священник действительно был там. Увидев меня, он вроде бы встревожился, но тут же лицо его приняло спокойное выражение, и мы довольно сердечно поздоровались.

— Я уж и не ждал вас... — сказал он, словно оправдываясь.

— Мне хотелось побеседовать с вами до приезда комиссии, которая должна прибыть через час.

— Пройдем в ризницу. — Он дружески взял меня под руку.

— В воскресенье вечером я был у вас, но...

— Знаю. Мне говорила ваша знакомая, сеньорина Дали. Она еще дважды приезжала сюда. Мы беседовали долго и откровенно, — последнее слово он подчеркнул, как мне показалось, немного неприязненным тоном, но тут же его лицо прояснилось.

Мы вошли в ризницу. Альберди присел на диванчик у окна, движением руки указав мне на место рядом с собой.

— Слушаю вас, сеньор адвокат.

— Как вы, вероятно, знаете, есть серьезные основания предполагать, что Хозе Браго жив, — начал я, желая

как можно скорее перейти к сути дела. — Быть может, он даже скрывается здесь в институте.

Альберди внимательно смотрел на меня.

— То же самое мне говорила ваша знакомая. Но думается, это невозможно, — заметил он довольно категорически. — Я видел Хозе после смерти... Я же его хоронил.

— И вы уверены, что это были останки Браго?

— Я просил, чтобы ненадолго приоткрыли гроб. Правда, Хозе очень изменился, как обычно бывает после долгой изнурительной болезни. Но это определенно был он.

— А уверены ли вы, что труп не был загримирован? Не была ли это восковая кукла?

— Ну что вы! — с негодованием ответил Альберди и замолчал. Чувствовалось, что его что-то гнетет. И вдруг поспешно, словно желая как можно скорее сбросить с себя какой-то груз, он заговорил. — Я совершил над ним последнее помазание. Я имел на это право. Я имел право свершить над ним таинство условно. «*Si saraх es*». Дело в том, что я с ним беседовал перед смертью и у меня есть основания предполагать, что он вернулся в лоно святой церкви...

— Так вы его видели перед самой смертью?!

— За две недели.

— И вы хорошо рассмотрели его? Это точно был он? Альберди задумался.

— Откровенно говоря, — начал он медленно, словно колеблясь, — в комнате было сумрачно. Хозе раздражал свет. И голова у него была забинтована. Незадолго перед этим ему сделали операцию... Но лицо я видел. То самое, что и позже, после смерти... Это наверняка был он, — решительно добавил Альберди. — Прежде всего голос. Тот же голос, та же манера говорить... Несомненно.

— А потом, когда вы раскрыли гроб, в нем были останки того же самого человека?

Священник опять заколебался.

— Тогда я не сомневался. Но теперь, если подумать, не уверен. Однако в гробу определенно был труп!

— Следовательно, за две недели до смерти Браго исповедовался? — сменил я тему.

— Нет, нет, — поспешно покачал он головой. — Об этом не могло быть и речи. Вы не знали Хозе. Но из того, что он говорил, я понял, что он готов... соединиться с богом. Поэтому позже я почувствовал себя вправе... Хозе был очень рад, когда я пришел к нему. Я думаю, он даже ждал меня.

— А вы могли бы пересказать мне содержание этой беседы? Строго между нами. Возможно, то, что говорил Браго, прольет дополнительный свет на дело. Разумеется, если вы связаны тайной...

— Он не требовал этого, хотя разговор был достаточно доверительным. Однако не думайте, что я опасаясь вашей нескромности. Просто мой рассказ, вероятно, не будет представлять никакой ценности. Я мог забыть детали. Ведь прошло уже больше шести лет. Словом, не ожидайте подробностей. Мне запомнилось, что, когда я вошел в изолятор, Хозе спросил, кто пришел, хотя и смотрел на меня. Он уже очень плохо видел: поражение зрительных центров или как это там называется... Он постепенно терял зрение. Кроме того, как я уже говорил, в комнате было темно.

Мне вспомнилась прочитанная несколько дней назад книга Браго.

— Я уже не помню точно, что он говорил. Во всяком случае, просил меня после его смерти присматривать за Марио. Вернее, — священник немного смутился, — он просил уговорить сестру, чтобы она дала согласие на то, чего

он требовал в завещании, но о чем шла речь, сказать не хотел. Я возразил ему, что до тех пор, пока не знаю, что содержится в завещании, не могу этого сделать. Мой отказ он воспринял спокойно. Даже согласился со мной. Потом мы перешли на философские проблемы. И именно тогда он заговорил о вечной жизни. Он сказал, что верит в нее.

— А вы убеждены, что он имел в виду загробную жизнь в религиозном значении этого слова? Что это не была в определенном смысле метафора?

— Это не было метафорой. Правда, он тут же заметил, что католические философы и вообще любая религия понимают вечную жизнь неправильно... Но я уверен, что он воспринимал ее как неоспоримый факт, как реальность. А в его устах это означало огромный шаг к богу.

— Понимаю. Но о существовании бога, связи душ с богом, рае... Вы понимаете, что я имею в виду?

— Вы слишком многого требуете, сеньор адвокат. Хозе был непокорным и упрямым человеком... Кроме того, если даже он начинал понимать вечную истину, то, безусловно, не мог говорить об этом тем же языком, что и простой крестьянин из Пунто де Виста или даже вы или я... Он должен был бы это переложить на язык собственных понятий... Да. Хотя он ни разу не произнес слово «бог», я знал, что он его ищет, что наконец начинает замечать, чувствовать его милость. Скажу вам, я даже думал, что в завещании окажется что-то вроде признания веры. Но ему не хватило отваги на решительный шаг...

— А не говорил ли он вам чего-либо о... цене, которую приходится платить за бессмертие? — спросил я, внимательно глядя в лицо Альберди.

— Откуда вы знаете? — В глазах его отразилось изумление.

— Вы читали «Грань бессмертия» — последний роман Браго, вернее, последний из тех, что Боннар решил показать миру? Этот роман появился две недели назад.

— Увы... Я редко бываю в городе. Даже не знал, что вышло что-нибудь новое.

— Вы должны прочесть его. Как можно скорее. Подозреваю, что в нем можно найти ключ к загадке Браго. И... что это, по сути дела, его признание веры, — я почувствовал, что в моем голосе против воли прозвучала ирония.

Однако Альберди настолько был взволнован новостью, что ничего не заметил.

— Я должен прочесть его. Сегодня же. После обеда пойду в город...

— Я видел эту книжку у да Сильвы. Может, вы возьмете у него?

Альберди подозрительно взглянул на меня.

— Я бы предпочитал... — он замялся. — А, пусть будет так, — переменял он решение. — Пошлю ризничего с письмом.

Стоявшие в углу ризницы старые часы начали вызывать десять. Ожидая, когда умолкнут последние удары, я раздумывал, стоит ли раскрывать Альберди все те сомнения, которые за последние несколько минут родились в моей голове.

— Как свойственно Браго, его роман полон философских аллегорий и сложной символики. Я попытаюсь в основных чертах пересказать содержание, а вы уж сами разберетесь, — сказал я, решив ограничиться пересказом фабулы. — В принципе это психологические переживания слепнувшего художника, причем он начинает постепенно терять зрение во время работы над самым значительным произведением своей жизни — гигантской стеной росписью. О создании такого произведения он мечтал много

лет, борясь с превратностями судьбы, нуждой, безразличием, недониманием. И вот, когда он оказался на пороге воплощения своей мечты, она становится для него недосягаемой. Так кончается первая часть книги.

Во второй части развитие действия принимает неожиданный оборот. Слепой художник добивается славы и признания, но причина этого отнюдь не в художественных достоинствах картин, созданных перед потерей зрения, и неоконченной росписи, которую он считал своим высшим достижением. Славу и богатство ему принесли картины, которые он писал, будучи уже слепым, пытаясь обмануть окружающих, скрыть от любимой женщины свое увечье и оттянуть момент полного поражения. Таким образом, герой романа в принципе добивается того, к чему стремился. Но вкус победы горек. Его мучит вопрос, действительно ли произведения, которые он сейчас создает, можно считать прекрасными или же просто сам факт, что их писал слепец, является истинной причиной успеха и признания? Увы, сам он никогда не сможет оценить их по достоинству... Так заканчивается вторая часть.

В третьей части действие постепенно развивается как бы в обратном порядке. Вокруг некоторых картин слепого художника идут споры, которые носят странный характер: каждый по-своему понимает суть рассматриваемых картин. Однако все сходятся на том, что у них высокие художественные достоинства, и все сомневаются в том, действительно ли художник был слеп, когда писал их. Герой романа, желая доказать, что они неправы, предлагает написать новую картину в присутствии экспертов. Эксперимент ожидается с большим интересом, к тому же он представляет собой отличный рекламный ход для импрессиониста художника. Отказ в таких условиях явился бы самоубийством, но тем не менее художник не появляется перед комиссией. Он тоже производит эксперимент — уже

своим отсутствием художник дает в руки ценителей доказательство, что если бы он был слеп, то не смог бы написать картину. Но и таким путем он не может ничего добиться. Тогда он начинает подозревать, что все, что он слышит, — фикция, игра, инсценированная с той целью, чтобы он не надломился, потеряв, как слепец, все надежды. И все-таки он не показывает своих сомнений и не прерывает работы. Почему? — он не знает сам. Вероятнее всего потому, что женщина, которую он любит и которая, как он предполагает, была инициатором этой игры, не должна сомневаться в том, что он счастлив. Так кончается роман.

— Странная вещь... — вздохнул Альберди. — Однако вы говорили, что это своего рода авторская исповедь. Я не совсем понимаю, что здесь общего с вечной жизнью, верой и религией?

— Я пересказал только действие. Это как бы внешняя оболочка... По существу все вращается вокруг проблемы бессмертия. Отсюда и название книги. Это бессмертие понимается, пожалуй, тоже символически. Герой совершенно не ценит ни богатства, ни славы в смысле, так сказать, брэнном. Он мечтает о бессмертии, выражающемся не только в вечности произведений в человеческой памяти, но основывающемся, прежде всего, на их способности вызывать волнение, радость общения с ними. Однако это тоже, пожалуй, лишь один из аспектов книги. Это мнение не только мое, а прежде всего сеньорины Дали. Потеря зрения, по ее мнению, представляет собою в данном случае нечто вроде символа смерти.

— Я не совсем понимаю...

— Наверное, я не очень ясно выражаю свои мысли. Впрочем, это трудно пересказать, надо прочесть самому. Тогда вы почувствуете, что имел в виду автор. Герой все время находится на пороге бессмертия и не может его

переступить. Ему кажется, что он уже позади, а потом оказывается, что это иллюзия. К тому же за это бессмертие он постоянно вынужден платить определенную цену, все более высокую. В конце концов он даже платит сознанием личного существования, если мы примем, что «собственная» жизнь произведений представляет собой именно это существование, продолжение попыток достичь бессмертия. Вы меня понимаете?

Альберди молчал, бессознательно кивая головой в такт каким-то своим мыслям, потом неуверенно сказал:

— Я обязательно должен прочесть сам... — он еще раз кивнул головой. — Однако, мне кажется, вы правы... А я был глуп... Какая наивность, — горько вздохнул он. — Я не понимал, о чем он говорил... Интересно, когда Хозе это написал? — вдруг вернулся он к обычному деловому тону.

— Сеньорина Дали утверждает, что «Грань бессмертия» — самое позднее из опубликованных произведений Браго. Возможно, он окончил эту книгу перед самой смертью, если, разумеется, отбросить фантастические предположения, будто последние книги Браго — результат работы машины, пишущей в его стиле.

— Она говорила об этом. Но из всего сказанного вами я делаю вывод, что это исключено. Я даже начинаю скорее верить, что Хозе жив, а в его гробу покоятся останки другого человека.

Я взглянул на часы. Комиссия могла прибыть с минуты на минуту, а я не успел выяснить даже половины того, что имело решающее значение для моего дальнейшего поведения. Следовало поторопиться.

— Вы позволите задать вам несколько вопросов? Прежде всего меня интересует младший Браго. Он что, действительно страдает какими-то психическими расстройствами?

— А что вам по этому поводу известно? — Альберди подозрительно посмотрел на меня.

— Ваша сестра и шури́н говорили, что Марио чувствует себя неважно, — сказал я уклончиво, пытаюсь скрыть замешательство. — Впрочем, уже сам факт многократного бегства... Кроме того, нервность, галлюцинации...

— О галлюцинациях вы слышали от моей сестры и шурина или от сеньорины Дали? Вспомните! Это очень важно.

Опять вместо того, чтобы отвечать на вопросы, священник задавал их.

— Я этого не слышал ни от сеньоры Долорес, ни от ее мужа. Однако я хотел бы узнать, не замечали ли вы раньше у Марио каких-либо психических нарушений? — перевел я разговор на более безопасную почву.

Альберди некоторое время раздумывал.

— Видите ли... — начал он не очень уверенно. — На мой взгляд, он всего лишь несколько неуравновешен, а это не болезнь. То, что вы называете галлюцинациями, может иметь самое естественное объяснение. Если же подтвердится предположение, что Хозе жив...

Кто-то постучал в дверь ризницы. Священник открыл ее. На пороге стояла старая индианка.

— Приехали господа... Спрашивают ваше преподобие...

— Мы идем! — коротко ответил Альберди и кивнул мне. Я тоже поднялся, но прежде чем мы вышли из ризницы, схватил его за рукав и задержал на минуту.

— Марио у вас? — спросил я, понижая голос. — Я хотел бы обязательно с ним поговорить. Помогите мне.

Он пристально посмотрел на меня, но я не почувствовал в его взгляде недоверия.

— Марио нет, — сказал он, словно оправдываясь. — Вчера вечером здесь опять была ваша знакомая. Я уже

знал, что сегодня должна состояться эксгумация, и сказал ей об этом. Она предложила забрать мальчика на весь день на прогулку. Для Марио это было бы слишком сильным потрясением. Я думал, вы знаете...

— Я не виделся с сеньориной Дали четыре дня.

— Откуда же тогда вы знаете о тех галлюцинациях?

— Я скажу вам позже. Сейчас у нас нет времени. Комиссия уже, наверное, ждет нас, — попытался я выиграть время.

В группе мужчин, ожидавших нас перед церковью, я лично знал только двоих: следователя Кастелло и де Лиму. Меня удивило присутствие какого-то почтенного, полного достоинства священника. Оказалось, это был отец Алессандри, близкий друг семейства де Лима и коллега Альберди по семинарии, а сейчас одно из наиболее влиятельных лиц в курии.

В качестве эксперта был приглашен профессор Гомец, известный специалист в области судебной медицины. Его сопровождал молодой врач-ассистент, а также дантист, в течение нескольких лет лечивший Хозе Браго. Видимо, деятельный де Лима не щадил ни трудов, ни денег, чтобы результаты экспертизы не вызывали никаких сомнений.

После взаимных представлений Альберди провел нас к кладбищенским воротам, где уже ожидали два деревенских полицейских и нанятые в деревне землекопы. Оставив одного полицейского у ворот, чтобы он не пускал за забор собравшихся зевак, мы по узкой тропинке двинулись между могилами. В основном это были заброшенные могилы бедняков, только вблизи церкви я заметил несколько памятников, вероятно поставленных много десятилетий назад.

Могила Хозе Браго находилась в глубине кладбища, почти у самой стены, идущей вдоль западного склона холма. На новой, по-видимому, недавно положенной плите блестели золоченные буквы и цифры. Мы остановились возле могилы, разбившись на группы. Следователь Каstellо, сопровождаемый протоколистом, подошел к Альберди и, чтобы все слышали, громко обратился к нему:

— Спрашиваю присутствующего здесь священника Эстебано Бартоломео Альберди, настоятеля прихода Пунто де Виста, может ли он подтвердить, что на этом месте дня 25 марта 1979 года в его присутствии был захоронен гроб с телом, признанным телом Хозе Браго, писателя, родившегося в 1940 году в Рио-де-Жанейро, умершего 20 марта 1979 года в институте нейрокибернетики имени Самюэля Барта, вблизи Пунто де Виста?

— Да, — ответил Альберди.

— Спрашиваю священника Эстебано Альберди, — продолжал следователь, — дает ли он согласие на вскрытие могилы, признанной могилой вышеупомянутого Хозе Браго?

На мгновение взгляд Альберди встретился со взглядом Алессандри.

— Даю согласие! — я уловил в его голосе беспокойство.

— Прошу вскрыть могилу, — обратился Каstellо к землекопам.

Я подошел к следователю.

— Вы сообщили об эксгумации профессору Боннару? — спросил я полупшепотом.

— Не думаю, чтобы в этом была необходимость, — лаконично ответил тот и, обращаясь к полицейскому, стоявшему по другую сторону могилы, приказал: — Сержант! Уберите этих детей!

Движением головы он показал на кладбищенскую стену, на которой уже пристроилось несколько деревенских сорванцов, с любопытством рассматривавших нас.

— А ну, прочь отсюда! — рявкнул сержант, и стена в одну секунду опустела.

Я почувствовал прикосновение чьей-то руки. Это де Лима подошел ко мне и, беря меня за локоть, предложил:

— Пройдемся немного... Вы не возражаете?..

Рабочие сдвинули каменную плиту и прислонили ее к соседней могиле.

Он повел меня в боковую аллею. За нами уже был слышен скрежет лопат о каменистый грунт.

Некоторое время мы шли молча. Я ждал, когда де Лима заговорит, но он тянул, видимо не зная, с чего начать.

— Я слышал ваш разговор со следователем... — произнес он наконец шепотом, как будто немного оробев. — Не поймите меня превратно, но... лучше не спрашивать об этом... напрямик...

— О Боннаре?

— Да. Вопрос ведь деликатный. Впрочем, вы и сами понимаете. Было бы тактически неверно уведомлять Боннара. А формально в этом нет необходимости. Это могло бы весьма усложнить обстановку. Дело в том, что существуют две возможности. Допустим, что труп, который мы найдем в могиле, действительно принадлежит Хозе Браго и нам вдобавок ко всему не удастся обнаружить на нем никаких телесных повреждений, указывающих на экспериментирование... Следствие будет прекращено, впрочем, формально оно еще и не начато... Против института Барта никто не выдвигал обвинений. Поэтому у Боннара не может быть никаких претензий. Даже если он

узнает об эксгумации... Ведь у нас могли быть другие причины...

Меня удивило, что он подчеркнул последние слова, но прежде чем я успел спросить, что он имеет в виду, де Лима продолжил:

— Однако есть серьезные основания полагать, что дело примет иной оборот. Скажем, скелет, обнаруженный в могиле, не будет скелетом Хозе Браго или же окажется, что на нем производились какие-то подозрительные операции... Тогда все станет ясно. Следствие будет вполне оправданно, и мы по-другому поговорим с Боннаром!.. Если он преждевременно узнает, к чему мы стремимся, это облегчит ему контрдействие. У Боннара масса друзей... В стране и за рубежом... Не исключено, что где-нибудь нажмут кнопку и дело перейдет в руки другого следователя.

— Понимаю. Хитро задумано...

— Кастелло — твердый орешек, с ним они не справятся. Ему только было бы за что зацепиться. Впрочем, вы знаете, это человек с идеально чистыми руками. Его ни в чем нельзя заподозрить.

— Да, я его знаю. Это он отыскал зубного врача?

— Его вспомнила Долорес. Но пригласить предложил, разумеется, он. Проверка полости рта очень помогает при идентификации.

— Вижу, вы позаботились обо всем. Пожалуй, забыли только пригласить фотографа.

— Снимки будет делать ассистент профессора. Мы не хотели брать полицейского фотографа, чтобы раньше времени не придавать делу официальный характер.

— Понимаю. Где сейчас ваша супруга?

— Ждет результатов в «Каса гранде». Кроме того, мы хотели бы взять Марио домой.

Я не скрывал удивления.

— А разве не лучше оставить его, как мы договорились, на несколько недель у Альберди? Он тут наверняка чувствует...

— Я весьма ценю моральный авторитет моего шурина, но есть опасения, что он не сможет как следует присмотреть за мальчиком, — не дал мне договорить де Лима.

— Как вы это понимаете?

— Марио видели неподалеку от... института.

Я подумал о Катарине.

— Он бродит по округе в компании деревенских лоботрясов. Это общество не для него, — де Лима осекся, прислушиваясь. — Надо возвращаться, — сказал он минуту спустя. — Кажется, уже дошли до гроба.

Действительно, теперь слышались глухие удары лопат о доски. Мы быстро вернулись к месту эксгумации.

Гроб уже был виден, и землекопы готовили крючья, чтобы его вынуть. На двух соседних могилах соорудили нечто вроде помоста, чтобы его поставить.

Профессор Гомец, уже надевший резиновый фартук, стоял рядом со следователем, распоряжаясь работой землекопов.

— Старайтесь не перекашивать! Медленнее! Так. Хорошо. Теперь вперед! Вот так. Поставьте на доски!

Гроб лег на импровизированный помост. Рабочие принялись откручивать винты. Стоявшие поодаль от могилы дантист, протоколист и даже сержант подошли ближе.

Мы ждали в нервном напряжении.

Наконец крышка подалась. Ее подняли, и я увидел как бы завалившуюся в глубь гроба человеческую фигуру. Лысый череп коричневатого-желтого цвета был обтянут высохшей кожей. Лицо не полностью потеряло человеческий облик: можно было видеть контуры губ и носа, но покойник больше походил на старика, чем на

мужчину средних лет. Останки были одеты в темный костюм. Руки скрещены на груди, а в потемневших скрюченных пальцах блестел на солнце небольшой серебряный крестик.

Щелчок фотоаппарата прервал напряженную тишину. Все, как по команде, подняли головы — на стене стоял молодой мужчина с репортерским аппаратом в руках.

— Что вы делаете?! — закричал Каstellло, в его голосе было столько нескрываемого гнева и возмущения, что стоявший на стене репортер попятился, с трудом удержав равновесие.

— Я из «Нотисиас де Ульtima Хора». Простите... — заикаясь пробормотал он.

— Кто вам позволил фотографировать? — кипятился следователь. — Немедленно отдайте пленку! Задержите этого человека!

Репортер поспешно соскочил вниз, разумеется по другую сторону забора, и, прежде чем полицейский успел взобраться на стену, исчез.

— Кто сообщил прессе? — спросил Каstellло, подозрительно поглядывая в нашу сторону, но стоявший рядом отец Алессандри попытался замять инцидент.

— Это не важно. Он больше не появится. Да и вряд ли ему удалось сделать больше одного снимка...

Тем временем профессор Гомец с ассистентом и дантистом подошли к гробу и склонились над останками. Каstellло и де Лима тоже приблизились. Однако я уже был сыт по горло подобного рода впечатлениями и отошел к стоявшему поодаль Альберди.

Уже издали я заметил, что лицо его стало неестественно бледным. Действительно, Альберди едва держался на ногах. Мое предложение проводить его домой он принял с нескрываемым облегчением.

Я взял его под руку, и мы медленно пошли к воротам.

У ворот рядом с полицейским, охранявшим вход от непрошенных гостей, стояло трое мужчин, вооруженных фотоаппаратами и магнитофонами. Прежде чем мы успели сообразить, в чем дело, они обступили нас. Защелкали аппараты, посыпались вопросы. К несчастью, полицейский уже успел сказать, кто идет рядом со мной.

— Можно попросить ваше преподобие об интервью для нашей радиостанции? — кричал крепко сбитый румяный репортер, подсовывая под нос Альберди микрофон... — Это вы причастны к обращению Хозе Браго?

Альберди непонимающе взглянул на репортера.

— Ваше преподобие, хотя бы несколько слов для «Ультима Хора», — напирал второй журналист.

— Сеньоры! Неужели вы не видите, что человек себя плохо чувствует? — зло воскликнул я, оттесняя репортеров.

— Всего несколько слов. Вы давали последнее отпущение грехов Хозе Браго, не так ли?

— Пропустите нас! — проталкиваясь к церковной двери и таща за собой Альберди, кричал я.

— Разойдитесь! Сеньоры, расходитесь! — кричал полицейский, который никак не мог решить, бросить ли ему пост у ворот и поспешить к нам на выручку или же оставаться на месте.

— Так, может быть, хоть вы что-нибудь скажете? — подскочил ко мне еще раз репортер. — С какой целью проводится эксгумация? Есть ли результаты? Правда ли, что труп Браго исчез?

— Отойдите, пожалуйста!

Я втолкнул Альберди в притвор и захлопнул дверь церкви перед носом нахальных газетчиков.

К счастью, они не решились войти внутрь...

Священник, тяжело дыша, стоял у стены. Я провел его в ризницу, но он не хотел там оставаться; видимо

опасаясь нового нашествия репортеров. Мы вышли через боковую дверь и потихоньку добрались до дома Альберди. Священник чувствовал себя скверно. Чуть ли не через каждый шаг ему приходилось отдыхать.

Старая индианка, бормоча что-то насчет «сеньоров из города», помогла уложить Альберди в постель и принесла бутылки с лекарствами.

Видимо, Альберди уже давно страдал от сердечных приступов, потому что домашняя аптечка была неплохо укомплектована.

Постепенно бледность сходила с его лица и дыхание становилось спокойнее. Я сидел рядом с ним на кровати, он судорожно сжимал мне руку, словно боясь, как бы я не ушел и не оставил его одного. Однако, по мере того как к нему возвращались силы, любопытство начинало брать верх над страхом.

— Может... вы... туда пойдете... и узнаете... а потом вернетесь... — были первые слова, которые я услышал от него.

— А не лучше ли мне еще немного побыть с вами? — нерешительно сказал я.

— Нет... нет... идите... идите и скажите Ноке, чтобы она осталась здесь, около меня...

Я встал, Альберди испытующе смотрел мне в глаза. Я не знал, идти мне или еще подождать.

— Вы видели... тот... крестик? — наконец спросил он тихо.

Я кивнул.

— Это я... — прошептал он. — Не могу себе простить...

— Но... Ничего страшного не произошло, — пытался я его успокоить. — Еще ничего не известно. Сначала прочтите книгу...

Он прикрыл глаза.

— Идите и возвращайтесь, — сказал он уже почти спокойно.

Когда я подошел к месту эксгумации, гроб был опущен и рабочие прикрывали могилу досками. Профессор Гомец, уже без фартука, диктовал что-то протоколисту, а его ассистент убирал инструмент. Рядом с ним на земле стоял закрытый металлический цилиндр. Каstellо отдавал какие-то распоряжения сержанту полиции.

Я подошел к де Лима, который прислушивался к тому, что диктовал профессор, а так как тот вскоре кончил, мое любопытство могло быть наконец удовлетворено.

— Куда вы девались, сеньор адвокат? Вы уже знаете результаты? — воскликнул де Лима, увидев меня.

— Мне пришлось заняться священником. Бедняга ослаб. Ну как наши эксперты?

— Опасения полностью подтвердились! — сказал де Лима с плохо скрываемым удовлетворением.

— Значит, это не Браго?

— Браго. Несомненно, он. Дело в экспериментах! Бедный Хозе!.. С ним поступали, как с подошитым кроликом. Правда, еще нет окончательных результатов, но в принципе выводы однозначны. Остались только дополнительные исследования. У профессора здесь нет необходимых условий и всего инструмента. Поэтому он забирает череп в лабораторию.

— Это займет несколько дней, — добавил Гомец.

Я взглянул на цилиндр и почувствовал неприятную спазму в желудке.

— Уверены ли вы, профессор, что это были эксперименты, а не неизбежные медицинские процедуры? — спросил я немного погодя.

— Абсолютно. Да это же сразу видно. Если бы вы посмотрели, что они с ним вытворяли... Чудовищно!..

Впрочем, могу вам показать, — он подошел к цилиндру и уже потянулся к крышке, но я успел воспротивиться.

— Благодарю вас... Нет, нет, я не хочу... Я верю вам на слово.

Профессор снисходительно усмехнулся.

— Нервешки сдают. Однако предупреждаю, что в качестве адвоката и представителя обвиняющей стороны вам придется ознакомиться хотя бы со снимками.

IX

Под утро меня разбудил телефонный звонок. Я поднял трубку, проклиная в душе изобретателя телефона и того, кто, потеряв совесть, звонит ко мне в такую рань.

Однако уже первых слов было достаточно, чтобы сон как рукой сняло. Звонила Катарина.

— Прости, что поднимаю тебя с постели, но позже нам не удастся связаться, а дело очень срочное. Утром позвонишь или лично придеешь к де Лимам и скажешь, что ты отказываешься вести их дело. Если хочешь, можешь помочь найти другого адвоката. Сделай это спокойно, без шума... Впрочем, ты это умеешь.

Я был совершенно ошарашен требованием.

— Но... это невозможно. В полдень я как представитель де Лимы должен официально внести иск против института Барта.

— Значит, ты его еще не внес? — обрадовалась она. — Ну так и не вноси. Это сделает за тебя твой преемник.

— А если они не согласятся? Я обязан в течение двух недель с момента извещения оказывать помощь клиентам.

— Никто не может тебя заставить. Я думаю, у тебя есть серьезные основания отказаться...

— Но почему такая срочность? Что я скажу де Лиме? В чем дело?

— Очень просто: ты против обвинения профессора Боннара в недозволенных экспериментах над Хозе Браго. Ты не веришь, что профессор виновен.

— Ха! Именно теперь-то у меня и возникли сомнения в его невиновности. Вскрытие показало, что на Браго экспериментировали. Профессор Гомец — авторитет. Уж не говоря о том, что это человек честный, заслуживающий доверия.

— Это не имеет никакого значения, — голос Катарины звучал странно равнодушно.

— То есть как не имеет значения? Что ты говоришь? — возмущенно воскликнул я.

— Не нервничай. Это действительно не имеет никакого значения. В конце концов, ты можешь хотя бы немного доверять мне? — я почувствовал в ее голосе нетерпение. — Сегодня же узнаешь все. В полдень ты поедешь в Пунто де Виста... Не исключено, что придется заночевать в институте. Нам надо о многом поговорить. Быть может, профессор Боннар поручит тебе вести дело Браго.

— Я не смогу принять такое предложение. Закон запрещает вести дело противной стороны. К тому же это идет вразрез с этикой...

— Может, ты и прав, — вздохнула Катарина. — Это моя инициатива, а я, увы, не знаю законов. Боннар не зря сомневался. Но так или иначе, будь сегодня в первой половине дня в Пунто де Виста.

— Я ничего не понимаю, и это все меньше мне нравится...

— Слушай внимательно: Поезжай к Альберди и дождись там Марио. Возможно, он придет не сам, а пришлет своего друга, сельского сорванца Игнацио. Вроде, настоятель его хорошо знает. Альберди скажешь, чтобы он не волновался о племяннике. Если он не придет сам, ты встретишься с ним в институте у Боннара. Марио или

Игнацио скажут, как туда добраться так, чтобы тебя не заметили люди да Сильвы. Вот и все.

Меня начинала раздражать бесцеремонность Катарины.

— Не уверен, должен ли я вообще встречаться с Боннаром, даже если откажусь вести дело де Лимы.

— Знаю, профессор вел себя с тобой не очень вежливо, но это недоразумение. Он готов принести извинения!

— Не в том дело. Я связан профессиональной тайной.

— Могу тебя уверить, что ни я, ни Боннар не собираемся выпытывать доверенные тебе семейством де Лима секреты.

— У меня могут быть серьезные неприятности!

— Будут, если позволишь де Лима и дальше водить себя за нос, — холодно сказала она.

— Пока что этим занимаешься ты! И самое скверное — я не знаю, к чему ты клонишь.

— Приедешь — узнаешь.

— Оправдалась твоя гипотеза?

— Нет, нет, — поспешно возразила она. — А сеньору де Лима спроси при случае, что произошло с рукописью романа «Башня без окон». Интересуюсь ее реакцией.

— Ей богу, не знаю, что мне делать...

— Прежде всего выпаться!

Катарина повесила трубку.

Совет был правильный, но осуществить его было трудно. Слишком много сомнений посеял этот разговор, чтобы я мог после него заснуть. Лишь после семи меня сморил нервный неглубокий сон, как это обычно бывает, когда с волнением ожидаешь того, на что не можешь повлиять.

Проснулся я около десяти. Сильно болела голова. Охотнее всего я никуда бы не ехал, но, разумеется, мое желание в счет не шло. Поэтому я только принял душ и позвонил де Лиме, сообщая о своем визите. Трубку под-

няла сеньора Долорес. У нее было отличное настроение, она что-то говорила об отце Алессандри, о возвращении Марио домой, но либо ее речь была слишком сумбурной, либо головная боль не давала мне уразуметь, что же она хочет сказать.

По пути я заехал в бар выпить кофе. Рядом у стойки мужчина читал газету. Я глянул ему через плечо и чуть не уронил чашку — на первой странице сверху через всю полосу шел огромный заголовок: «ПРЕСТУПЛЕНИЕ В ИНСТИТУТЕ БАРТА», а под ним буквами поменьше: «раскрытое спустя шесть лет» и «Известный писатель Хозе Браго в течение многих месяцев подвергался бесчеловечным экспериментам».

Я так резко поставил чашку, что недопитый кофе разлился по стойке, и выбежал на улицу. Киоск находился рядом со входом в бар. Вывешенные снаружи утренние издания кричали огромными заголовками о «преступных экспериментах», проводимых в институте имени Барта, об эксгумации останков Хозе Браго, результатах экспертизы профессора Гомеца и даже о том, что перед смертью писатель вернулся в лоно святой церкви.

Купив пачку газет, я сел в машину и начал лихорадочно их просматривать. Только теперь я заметил, что тон прессы неодинаков. Первую скринку в нападках на институт Барта вела бульварная печать, и это было совершенно понятно. Объемистая газета христианско-демократической партии «Темпо» была уже гораздо осторожнее и умереннее, вообще не употребляла слов «преступление» и ограничивалась полуофициальными сообщениями. Об обращении Браго она писала на второй странице, не выпячивая особенно этого вопроса. Еще более сдержанными были правительственные газеты и газеты левого толка, оправдывавшиеся отсутствием достаточно проверенных данных.

Впрочем, сведения действительно были довольно скудными и — если не говорить о репортерских домыслах и сплетнях — даже о результатах судебной экспертизы можно было узнать лишь то, что в черепе Браго имеются отверстия, существование которых трудно объяснить нуждами медицинских процедур. В частности, в месте сращения теменных костей обнаружено что-то вроде специально проделанного «хода», позволявшего достаточно часто и легко проникать внутрь черепной коробки.

Снимков было немного. «Нотисиас де Ультима Хора» поместила, конечно, снимок раскрытого гроба, сделанный с кладбищенской стены. Большая белая стрелка показывала видимый довольно ясно крестик в руке покойного. Одна из газет напечатала фото, на котором были мы с Альберди. При этом меня окрестили представителем частного обвинения. Фамилия де Лима нигде не упоминалась, как не нашел нигде я и имени Боннара. В принципе нападкам подвергался институт Барта как юридическое лицо. Единственным исключением была короткая статья на первой полосе популярной газеты «Экспрессо», снабженная многозначительным заголовком: «Почему терпят преступные эксперименты?» Автор статьи отнюдь не отвечал на свой вопрос, добавляя только в завуалированной форме, что некоторые высокопоставленные лица знали об экспериментах, проводимых в институте Барта, а также что у директора института, профессора Боннара, есть влиятельные друзья.

Переступая порог квартиры де Лима, я был готов поставить вопрос открыто.

— Что с вами? — спросила хозяйка, провожая меня в гостиную. — Я жду вас почти час. А вы обещали приехать через пятнадцать минут.

— Муж дома? — спросил я, даже не пытаясь объяснить причину опоздания.

— Вот-вот должен вернуться. Он хочет обязательно увидеться с вами, прежде чем вы внесете официальный иск... Прошу вас, садитесь.

— Марио дома? — спросил я, усаживаясь в кресло.

— Я же вам говорила, что отец Алессандри привезет его после обеда. Я послала телеграмму брату.

— Ваш сын в институте Барта!

Реакция была поразительной. Сеньора Долорес секунду стояла, глядя на меня расширенными от удивления и страха глазами, потом тяжело опустилась в кресло.

— Я знала, что так будет! — вдруг воскликнула она, направляя свой гнев на меня... — Вы довели до этого! Вы не хотели меня слушать! Вы советовали оставить Марио у Эстебано... А я, глупая, доверилась вам!

— Мне очень неприятно... — неуверенно пробормотал я, несколько выбитый из колеи резким наступлением Долорес.

— Что теперь будет? Надо сообщить в полицию. Немедленно! — Она вскочила с кресла и подбежала к стоящему на столике аппарату. — Они его там убьют, как уже убили Хозе! Лучше, если в полицию позвоните вы!

Она подбежала ко мне и потянула меня к телефону.

— Успокойтесь. Никакая опасность мальчику не грозит, — сказал я мягко.

— Вы просто успокаиваете меня... ну, звоните же! Скорее!

— Я могу позвонить, если вы настаиваете, — начал я, — но, мне кажется, будет лучше, если мы дождемся вашего мужа. Я твердо знаю, что Марио находится в институте по собственному желанию и никто не собирается его там держать. Впрочем, могу вам поклясться, что не позже завтрашнего утра я сам привезу его домой. В середине дня я выезжаю в Пунто де Виста и сделаю все, чтобы уговорить Марио вернуться.

— Я поеду с вами! — неожиданно решила она.
Дело начинало принимать нежелательный оборот.

— Не знаю, будет ли это правильно... — осторожно ответил я.

— Мать не пустят?! Так, значит, вы меня просто утешаете! Но я уже не могу сидеть дома! Я все равно туда поеду!

Я не видел иного выхода, как согласиться.

— Хорошо. Я возьму вас с собой. Впрочем, мы еще посоветуемся с вашим мужем.

Она быстро взглянула на часы.

— Он уже должен был прийти. Когда вы собираетесь выехать?

— Самое позднее в час.

— Сейчас половина двенадцатого. Вы успеете побывать у судьи...

— Именно по этому вопросу я и хотел с вами поговорить, — осторожно начал я. — Мне хотелось бы, чтобы вы правильно меня поняли и не сомневались в моем доброжелательном отношении к вам и, в частности, к вашему сыну. Но, поразмыслив, я пришел к выводу, что будет лучше, если вы с мужем пригласите другого адвоката.

Она была ошеломлена.

— Сеньор! Мы и не думаем отказываться от вашей помощи. Кто-то, видимо, пустил сплетню...

— Вы не так меня поняли. Это я хочу отказаться. Но отнюдь не потому, что имею к вам какие-либо претензии. Тут дело совершенно в другом. Есть достаточно серьезные причины, чтобы...

Я не закончил, так как услышал за спиной звук открываемой двери. В салон, протягивая мне руку, вошел хозяин.

— Приветствую вас, дорогой адвокат! — расплываясь в улыбку, воскликнул он. — Сегодня наш большой день! Вы, конечно, читали утренние газеты?

По-видимому, он не заметил холодного тона моего ответа, так как с энтузиазмом продолжал:

— Вечерние выпуски будут не менее интересными! Представьте себе, Гомец обнаружил, что бедный Браго по крайней мере последние три месяца жил без мозга... Абсолютно без мозга. У него извлекли мозг, как у подопытной свинки!

Я почувствовал неприятный комок в горле. Сеньора Долорес стояла бледная как полотно, тяжело опираясь на подлокотник кресла.

— Это страшно, — прошептала она.

— Да! Чудовищно! — подхватил де Лима. — Причем это было сделано не сразу... Они издевались над ним почти год, извлекая мозг постепенно, кусочками... Профессор Гомец выявил это, изучая какие-то изменения внутри черепа. Нарастание какой-то там ткани или что-то в этом роде. Я в этом не разбираюсь, но профессор Гомец — авторитет!

Я подошел к сеньоре Долорес и помог ей сесть.

— Не знаю, сможете ли вы в таком состоянии поехать со мной... — сказал я сердечно и, обращаясь к де Лиме, добавил: — Не рассказывайте подобных вещей при жене.

— Что с тобой, дорогая? — забеспокоился хозяин.

— Ничего... ничего... — ответила она с трудом. — Мне уже лучше... А с вами я поеду... — повернулась она ко мне. — Я должна поехать. Только разве полиция...

— Ваша супруга хочет поехать со мной за Марио, который находится в институте Барта, — ответил я на недоумевающий взгляд де Лимы.

— Но удастся ли вам привезти мальчика? — спросил он.

— Думаю, да. Только не знаю, сможет ли ваша супруга...

— Пусть едет, — кивнул хозяин. — В конце концов, если она почувствует себя скверно, она сможет подождать у да Сильвы. В случае чего... — он осекся и взглянул на часы. — Вам, пожалуй, уже пора.

— Сеньор адвокат не хочет вести наше дело, — выручила меня хозяйка.

Де Лима опешил.

— Я готов помочь найти другого адвоката... — попытался я ослабить впечатление.

— Сеньор адвокат! Я не верю! — отрицательно покачал он головой.

— Увы. Мое решение окончательно. Если вы очень спешите, я сегодня же готов передать судье вашу просьбу о привлечении к ответственности профессора Боннара. Но я, увы, вести это дело не буду. Есть некоторые обстоятельства, которые настолько изменили ситуацию, что я вынужден отказаться.

Де Лима внимательно посмотрел мне в лицо.

— Вы боитесь их? — с сожалением спросил он. — Я понимаю — они, наверное, пытаются вас запугать. Но дело их уже проиграно. Теперь все в наших руках.

— Никто не пытался пугать меня, — решительно возразил я, хотя, вспоминая утреннюю беседу с Катариной, был уже не очень убежден в том, что сказал. — Просто я не хочу вмешиваться в политику!

Хозяин изучающе посмотрел на меня.

— Как хотите... — сказал он наконец. — В конце концов, мы можем передать дело кому-либо другому. Но скажу вам между нами: вы совершаете глупость! Хорошо проведенное дело против теперешнего руководства институтом Барта — это путь к карьере, большой карьере! Кто может знать, что будет завтра?

Он замолчал и задумался.

Сеньора Долорес выжидающе смотрела на меня, но я тоже молчал.

— Сделаем иначе, — сказал немного погодя де Лима. — Я не требую от вас немедленного ответа. Подумайте еще. У меня есть немного времени. Сейчас мы поедем в префектуру, по пути забежим перекусить. А потом вы поедете в Пунто.

— Мне хотелось бы выехать не позднее половины второго.

— Тогда в нашем распоряжении еще полтора часа — более чем достаточно.

Х

Де Лима сумел четко все организовать, и около двух часов мы с сеньорой Долорес были уже на шоссе за городом. Головная боль понемногу утихла, благодаря какой-то «чудесной таблетке», которую дала мне сеньора Долорес, оказавшаяся к тому же отнюдь не утомительной спутницей. Она умело поддерживала беседу, несмотря на то что нервное напряжение и наши опасения, связанные с целью поездки, вовсе не облегчали ее задачу. Меня тоже беспокоило, как Катарина и тем более профессор Боннар примут непрошеную гостью. Однако я утешал себя тем, что, взяв с собой сеньору Долорес, отвожу от себя обвинения в интриге против моих клиентов, и Катарина поймет мое положение.

Почти двухчасовая гонка до Пунто де Виста — уже четвертая за последние десять дней — пролетела довольно быстро. В конце дороги я сказал сеньоре Долорес, что сначала заеду в дом священника. Она приняла это неодобрительно, подозревая, видимо, какой-то подвох, но я успокоил ее, объяснив, что ожидаю там сообщения от

Марио. Я опасался, что сеньора де Лима станет выпрашивать об источнике моей информации, но против ожидания она была весьма сдержанна, очевидно приписывая роль осведомителя своему брату.

Альберди мы застали в саду у развалин старого дома. Несколько работников выносили хлам, отбивая потрескавшуюся штукатурку и убирая остатки обуглившихся оконных рам и дверных косяков. На площадке перед входом в старый дом вздымалась ровно уложенная куча кирпича, а в нескольких метрах дальше лежали длинные балки. Еще вчера ни бревен, ни кирпичей я не заметил.

Священник увидел нас еще издалека и сделал несколько шагов навстречу, но тут же остановился, узнав сестру. Сеньора Долорес была явно смущена. Она подошла к брату и сделала такое движение, словно хотела его обнять, но он только смотрел на нее печальными, усталыми глазами.

— Давненько ты не была здесь, Долорес... — тихо сказал он.

Она кивнула и в замешательстве опустила глаза.

— Так, значит, ты все-таки настояла на своем, — с горечью сказал Альберди.

— Не понимаю, о чем ты... — неуверенно ответила она.

— Отлично понимаешь...

— Я приехала не для того, чтобы ссориться, — она решительно изменила тон.

— Я вижу, вы взялись за ремонт, — включился я в разговор, чтобы предотвратить стычку.

— Да, — неохотно подтвердил он и, обращаясь к сестре, резко спросил: — Что тебе от меня надо?

— Нетрудно догадаться. Я приехала за Марио!

— Его здесь нет.

— Знаю. Ты обманул меня. Ты в сговоре с Боннаром!

Нападение было таким неожиданным, что Альберди даже побледнел.

— Может, пройдем куда-нибудь, — снова вклинился я, показывая движением головы на работников, которые, услышав повышенный тон сеньоры Долорес, прервали работу, с интересом прислушиваясь к нашему разговору.

Сеньора де Лима тут же взяла себя в руки.

— Ты мог бы пригласить нас в дом, — обратилась она к брату, как будто ничего не случилось.

Альберди тоже немного успокоился.

— Прощу! — показал он движением руки на тропинку, ведущую к дому в глубине сада. — Я не знал, захочешь ли ты переступить мой порог, — добавил он немного погодя.

— Так это будет школа или ваш дом? — спросил я, указывая на развалины, чтобы помешать новой перебранке, но оказалось, что тем самым певольно затронул неприятную тему.

— Не знаю... — ответил он почти грубо. — Не знаю, останусь ли я здесь вообще...

Больше я не пытался поддерживать разговор. Мы молча дошли до домика, и священник открыл дверь, впуская нас в прихожую.

Сеньора Долорес уже пришла в себя. Она уселась в кресло и закурила.

— Алессандри был здесь? — спросила она брата.

— Был, — ответил Альберди, глядя в пол. — Что же касается Марио, — продолжал он, поднимая голову, — то твое обвинение... обижает меня, — закончил он уже беззлобно. — Я не сговаривался с Боннаром. Несколько лет я даже вообще его не видел. А если твой сын убежал от тебя, то ты сама в этом виновата.

Сеньора Долорес побагровела. Она уже готова была взорваться, но неожиданно силы словно покинули ее.

— Знаю, что виновата. Но я должна его найти, — просительно прошептала она.

Она опять была бедной, несчастной матерью.

— Я обещал Алессандри, что Марио вернется домой завтра утром. Я сдержу обещание! — проговорил Альберди серьезно. Хотя слова его звучали несколько патетически, я знал, что он говорит искренне. Неужели он тоже побывал в институте? Только этого не хватало!..

— Вы читали сегодняшние утренние газеты? — спросил я, направляя беседу на тему, которая не давала мне покоя несколько часов.

— Не читал, но мне рассказал Алессандри.

— А он уже знал о последних результатах? — задал я следующий вопрос.

— Он только сказал, что экспериментировали...

— А вы уверены, что разговаривали с Браго за две недели перед смертью? — спросил я, не спуская глаз с лица Альберди.

— Могу поклясться, что разговаривал!

— Но если все было так, как вы говорите, то это не мог быть Хозе Браго.

— Это был он. Я видел его лицо и говорил с ним. Я же знал его давно...

— Профессор Гомец утверждает, что последние три месяца Браго жил без мозга!..

— Это ложь! — воскликнул со страхом и возмущением Альберди.

— Гомец убежден в своем заключении. Если оно появится в газетах, положение может усложниться.

— Боже мой... Что теперь делать?..

Глаза священника были полны отчаяния, он хотел еще что-то добавить, но тихий стук в дверь не дал ему договорить.

Альберди с трудом встал с кровати и, несколько помедлив, вышел.

Немного погодя он вернулся.

— Есть сообщение от Марио, — сказал он мне усталым голосом, — он хотел бы с вами увидеться...

— Где он?! — воскликнула сеньора де Лима, вскакивая с кресла.

— У Боннара. Я поеду с вами...

— Я тоже поеду! — воскликнула сеньора Долорес.

— Ты-то зачем? — резко возразил Альберди. — Ты можешь все испортить. Подождешь здесь или, если хочешь, у да Сильвы.

— Нет. Я поеду с вами! Я не покину моего ребенка!

— И ты не боишься Боннара? — неестественно рассмеялся Альберди.

Долорес внимательно взглянула на брата.

— У тебя есть здесь кто-нибудь, на кого можно положиться? — спросила она деловым тоном. — Я хочу послать письмо да Сильве. У тебя есть бумага и конверт?

— Что ты хочешь ему написать?

Голос священника прозвучал предостерегающе.

— Ты прав. Надо себя обезопасить. Если до полуночи я не приеду в «Каса гранде», да Сильва сообщит полиции.

Альберди пожал плечами, подошел к столику, достал из ящика бумагу и конверт и, положив их перед сестрой, крикнул:

— Войди, Игнацио!

В дверях появился высокий худой паренек. В руке он держал большую широкополую шляпу, какие носят работники на плантациях, его черные глаза с интересом и уважением глядели на нас.

— Пойдешь в «Каса гранде»!

Парень с беспокойством взглянул на священника.

— Отнесешь письмо и отдашь его в собственные руки да Сильвы.

— Хорошо, падре, — послушно кивнул мальчик. — Но я должен был проводить...

— Не надо. Мы поедem на машине!

Игнацио снова забеспокоился.

— Но Марио говорил... — неуверенно начал он.

Склонившаяся над столиком Долорес резко повернулась.

— Ты видел моего сына?

— Конечно. Вы — мать Марио? — с удивлением покачал он головой.

— Да. Так Марио в институте?

— В институте, сеньора. И вы тоже хотите туда поехать? К мужу?

Сеньора Долорес не поняла.

— Мы едем втроем.

— Ну, я же говорил! А Марио боялся, что вы не позволите ему остаться с отцом...

Сеньора де Лима раскрыла рот от удивления.

— Мой муж в институте?

Игнацио вопросительно взглянул на настоятеля.

— Ну, говори что знаешь, — подбодрил его Альберди.

— Да, падре. Он там.

— Ты видел моего мужа? — спросила Долорес.

— Не видел. Но слышал, как он разговаривал с Марио.

— Ничего не понимаю. Как Карлос очутился у Боннара! Ты точно знаешь, что это был мой муж?

— Марио говорил, что это его отец. Что наконец-то они встретились.

— Что-о-о?!

— Отец Марио умер шесть лет назад, — вставил я, предполагая, что произошло недоразумение.

— Ну да. Умер шесть лет назад, — сказал он, не задумываясь. Потом, понизив голос, добавил: — Но он там... у Барта. Я сам слышал, как он разговаривал с Марио. Он там... В подвале.

Сеньора Долорес была близка к обмороку.

XI

Вместо института Барта мы поехали в «Каса гранде». Сеньора де Лима, довольно быстро взявшая себя в руки после шока, в который повергли ее слова Игнацио, категорически заявила, что прежде должна обо всем сообщить да Сильве и посоветоваться с ним. Альберди был не очень обрадован таким оборотом дела, а может быть просто не хотел встречаться с полковником и предложил, чтобы Долорес осталась с Игнацио в «Каса гранде», а мы вдвоем поехали дальше — в институт. Но моя клиентка была особой упрямой — в чем я уже неоднократно имел случай убедиться — и так долго осаждала нас своими доводами, что в конце концов мы капитулировали.

Да Сильвы мы не застали. Однако сеньора Долорес чувствовала себя у него как дома и, приказав слуге проводить нас в гостиную, пошла «выяснить обстановку».

Спустя несколько минут она вернулась, сообщив, что да Сильва поехал на лесопилку, там у него какие-то неприятности с рабочими, но она говорила с ним по радиотелефону, и он обещал быть через полчаса. Она приказала подать «чего-нибудь выпить» и позвала ожидавшего в холле Игнацио.

Паренек волновался все больше и то и дело растерянно поглядывал на священника, ища поддержки и помощи, а возможно, даже защиты. Впрочем, Альберди притормаживал, как мог, следовательно порывы своей сестры,

понимая, что таким образом от Игнацио многого не добьешься. Напуганный паренек отвечал на вопросы сеньоры Долорес односложно, и лишь мягкие, но настойчивые слова священника заставили его отвечать более странно.

— Значит, Марио ночевал у тебя, а не в институте? Расскажи подробно, как все было. Никто ни в чем не обвиняет ни тебя, ни твоих родителей. Наоборот, мы вам благодарны за то, что вы присмотрели за Марио, — толковывал Альберди. — Ну, когда он к вам явился?

Игнацио доверчиво смотрел на священника.

— Вечером, падре. Он говорил, что был у вас, но не застал.

— Да. Я вернулся очень поздно, — кивнул Альберди. — А почему он не зашел ко мне утром?

— Не знаю... Он уже не мог ждать. Мы вышли из дома чуть свет. Он говорил, что должен быть утром у Барта.

— А когда он сказал тебе о своем разговоре с отцом?

— Утром, пока мы шли к Барту. Он говорил, что должен идти быстро, потому что его ждет старик, то есть он сказал — отец. Тут я ему и говорю, что этого не может быть, потому что его отец помер. Но он уперся. Как-то чудно стал мне доказывать, что это возможно. Я даже думал, что у него в голове помутилось... А пошел я с ним потому, что боялся, как бы его не поймали.

Игнацио замолчал и неуверенно взглянул на сеньору де Лима.

— Не бойся. Говори, говори, — ободряюще сказал Альберди, подавая сестре знак, чтобы та молчала.

— Марио говорил, что один раз его уже ловили... А я знаю такие тропинки... — он вдруг замолчал и сменил тему. — Когда мы уже были недалеко от Барта, Марио сказал, чтобы я подождал его в кустах, у забора. Потом его

долго не было, и я решил посмотреть, что там делается. И тогда я перебрался на другую сторону.

— Через забор?

Игнацио опустил голову.

— Ну и что было дальше?

— Потом вышел Марио и стал ругаться, что я перелез. Но потом сказал, чтобы я шел за ним. Мы спустились по лестнице в подвал. Но там была решетка... Только издали были видны какие-то стеклянные ящики... Большие, словно... — он оглянулся, — словно эта комната. И полно труб, трубочек... А Марио тогда сказал, что Он в этом сидит... Ну... отец его...

— И ты не боялся?

— А чего бояться? Да я ему и не очень-то верил. Я думал, он хочет меня надуть... Так я ему и сказал. И тогда он начал надо мной смеяться, а потом приказал идти с ним наверх в какую-то маленькую комнату. Там не было ни окон, ни стола, только такой большущий шкаф с лампочками, и маленький шкаф, и еще несколько штук поменьше, и стульчик... Некоторые лампочки мигали, некоторые нет. Потом пришла какая-то сеньора, одетая в белое... и очень злилась на Марио, что он привел меня, но потом сказала, что это хорошо, потому что она пошлет меня за вами, падре. И вышла. Тут Марио что-то сделал и начал разговаривать со своим отцом. Отец просил, чтобы Марио помогал ему... Я сам слышал. Так, словно он говорил по радио или сам сидел в маленьком шкафу... Марио сказал, что это Он!

Игнацио замолчал, вопросительно глядя на священника.

Сеньора Долорес, хотя и слушала напряженно рассказ паренька, но смотрела не на него. Я проследил за ее взглядом и увидел, что в дверях, опираясь о косяк, стоит да Сильва. Он заметил мое желание встать и, прикрыв веки, дал мне знать, чтобы я не выдавал его присутствия.

Однако было уже поздно. Альберди, сидевший спиной к двери, оглянулся и, увидев хозяина, поднялся с кресла.

— Приветствую вас! — сказал да Сильва так, словно только что вошел. — Не беспокойтесь.

— Я не говорила вам, что случилось! — воскликнула сеньора Долорес, вскакивая с кресла. — Марио ночевал сегодня не у Эстебано, а где-то в деревне. Вчера весь день он просидел в институте и сегодня опять пошел туда. Игнацио утверждает, что там находится и Хозе!

— Или его дух... — улыбнулся хозяин. Он совсем не казался удивленным. — Правда, я слышал только часть этого чрезвычайно любопытного рассказа нашего юного гостя, но догадался, о чем идет речь.

Он подошел к Игнацио и похлопал его по плечу.

— А ты толковый парень. Не боишься духов? Правда? — сказал он таким тоном, что трудно было понять, смеется он или говорит серьезно.

Игнацио даже рот раскрыл от удивления и испуга.

— Ну что ты на меня так смотришь? — спросил да Сильва, которого развеселило смущение паренька. — Боялся или не боялся?

Однако мальчик не мог издать ни звука. Он в отчаянии взглянул на священника, который, поняв этот взгляд, постарался успокоить паренька.

— Не бойся, Игнацио. Сеньор полковник шутит. Расскажи лучше, что было дальше.

Но на мальчика, очевидно, сильно подействовали слова да Сильвы.

— Значит... значит... это был... дух? — с трудом пробормотал он. — Но падре говорит, что... духов нет...

— Не верю, чтобы падре мог говорить это серьезно, — пошутил да Сильва, многозначительно подмигнув Альберди.

— Не думаю, чтобы это мог быть голос духа, — смутился священник. — То есть... духи существуют, но не в институте Барта.

— И это говорите вы? Уж не сомневаетесь ли вы, что Боннар... — да Сильва осекся.

— Не в том дело... — священника все больше раздражал шутливый тон хозяина. — Зачем вы пугаете мальчика?

— Я вовсе не пугаю его. Скорее... он нас пугает. Ведь он утверждает, что в подземельях института в какой-то странной машине заточена душа несчастного Хозе Браго. Более того, эта душа — несомненно, страдающая от непереносимых мучений — вызывает о помощи к своему живому сыну, словно дух отца Гамлета!

— Не надо смеяться, полковник, — возмутился священник.

— Душа Браго погребена Боннаром в подземельях института Барта. Я говорю совершенно серьезно. Есть основания... Но об этом мы, пожалуй, поговорим позже. Факт остается фактом — вероятность этого существует. Ну так как, парень, — обратился да Сильва к Игнацио. — Скажи нам, наконец, о чем просил Марио дух его отца?

Мальчик нервно вздохнул, словно перед прыжком в воду.

— Просил... Он просил, чтобы... Марио помог...

— Каким образом помог? Вспомни, мальчик, — мягко сказал да Сильва.

— Я... я... — заикался Игнацио. — Я не знаю. Он что-то говорил... Говорил, что... не может... Чтобы Марио помог. Но я не знаю... не знаю, в чем... — пот выступил у паренька на лбу.

— Не мучайте его, полковник, — вступился Альберди.

Да Сильва искоса взглянул на священника, потом кивнул.

— Пожалуй, вы правы. Ничего больше от него не добьешься. К тому же не так и важно, о чем говорил со своим сыном дух Хозе Браго! — Да Сильва сделал упор на последних словах, и опять было непонятно, шутит он или говорит серьезно.

Хозяин подошел к камину и, вероятно, нажал кнопку, потому что тут же в салон вошел слуга.

— Ты, наверное, голоден? — спросил да Сильва мальчика и, не дожидаясь ответа, приказал слуге: — Проводи его на кухню и накорми. Потом дай бутылку вина для отца, и пусть он возвращается домой.

— Благодарю вас, сеньор полковник! — низко поклонился Игнацио.

— Не выпей по дороге вино! — смеясь предупредил да Сильва. — Это для отца. Скажи ему, что это за то, что он вырастил такого сына! — и, меняя тон, добавил: — А к Барту пока не ходи, не болтайся нигде. Ты можешь еще понадобиться. Если надо будет, я пришлю за тобой.

Слуга и мальчик скрылись за дверью.

— Ну как? Вы довольны строительными материалами? — обратился да Сильва к священнику. — Я приказал дать лучшие бревна и кирпич.

— Благодарю, — лаконично ответил Альберди, не глядя на хозяина. И словно опасаясь дальнейших расспросов, поспешно произнес:

— Вы, сеньор полковник, напрасно забиваете голову бедному мальчику... Все, что вы говорили, он принял всерьез!

Да Сильва усмехнулся.

— Должен признаться, я искренне удивлен. Не думал, что среди жителей Пунто де Виста найдется хоть один, исключая, разумеется вас, падре, — слегка поклонился он Альберди, — кто отважился бы переступить порог института Барта. Ведь я хорошо знаю этих людей...

— Неужели они верят, что в институте бродят привидения? — спросил я, вспоминая предупреждение Альберди во время нашей первой встречи.

Хозяин оживился.

— Да! И должен сказать, услышанное нами от мальчика проливает некоторый свет на источник этих сказок. Правда, существует несколько версий, но все они сходятся на том, что в институте хозяйничает «нечистая сила»...

— Рассказы о духах совпадают по времени со смертью Браго?

Хозяин внимательно взглянул на меня.

— И да и нет, — ответил он, как бы колеблясь. — Впервые слухи о том, будто у Барта бродят привидения, распространились лет восемь или десять назад, то есть за несколько лет до смерти Браго. Быть может, эти слухи распустил сам Боннар, чтобы отучить крестьян из Пунто околачиваться вблизи института. Впрочем, вначале это были весьма примитивные сказки — о духах в образе кошек, собак и даже обезьян. Весь этот призрачный зоосад якобы бродил ночами по коридорам и подвалам дома, мяукая и вой. Я сам говорил с некоторыми «очевидцами». В то время в институте содержали множество подопытных животных, что, по-видимому, и послужило источником измышлений. Во всяком случае, к моменту смерти Браго весь старый персонал разбежался.

— Когда начали говорить о привидениях... людей? — пытался я найти какой-то исходный пункт.

— Я понимаю, к чему вы клоните, — подхватил да Сильва. — Не могу утверждать, что эти разговоры не появились еще до смерти Браго. Во всяком случае, лишь в последние годы рассказы стали в какой-то степени логичными. И если я говорил об удивительном совпадении между этими сказками и тем, что мы сегодня услышали,

то я имею, естественно, в виду только некоторые, наиболее осмысленные рассказы. А это совпадение, мне кажется, не может быть случайным...

— Я тоже так думаю, — сказал я, вопросительно поглядывая на Альберди, но тот молчал, глядя только на да Сильву, притом скорее подозрительно, нежели с интересом.

— Попытаемся сопоставить факты, — продолжал хозяин. — Из рассказа Игнацио следует, что Марио утверждает, будто его отец, Хозе Браго, находится в подземельях института. Более того, Игнацио был свидетелем разговора Марио с кем-то, кто выдает себя за отца мальчика. А ведь Хозе Браго умер шесть лет назад. Его останки в течение шести лет пролежали на кладбище в Пунто. Кроме того, экспертиза показала, что перед смертью Хозе Браго был подвергнут, мягко выражаясь, недозволенным экспериментам. Давайте подумаем, а не может ли быть, что... — он на секунду остановился для того, чтобы подчеркнуть необычность своего предположения, — что эксперимент продолжается.

— Не понимаю, — прошептала сеньора Долорес, с ужасом глядя в лицо да Сильвы.

— Я не нейрофизиолог и даже не врач, — медленно продолжал хозяин, старательно подбирая слова. — Простите, если я попытаюсь высказать гипотезу, не имеющую под собой твердой почвы. Наше знание фактов весьма ограничено, а мои научные познания оставляют желать лучшего... Когда-то я читал о некоторых экспериментах, проводимых, правда, только на животных, чаще на кошках или обезьянах. Опыты основывались на изоляции мозга от организма. Это было много лет назад, и, пожалуй, нельзя сомневаться, что в этой области сделан серьезный шаг вперед. Сопоставим это с фактом, обнаруженным профессором Гомецом: за несколько месяцев до смерти у Хозе

Браго был извлечен мозг. Следует ли решительно исключить вероятность того, что этот мозг, искусственно питаемый, живет до сих пор? Еще будучи молодым, я читал где-то, что десятки лет искусственно поддерживалась жизнь отделенного от тела сердца курицы. Оно не переставало биться, хотя курицы давно уже не было...

— Чудовищно... — простонала сеньора Долорес.

— Да! Чудовищно! — подхватил да Сильва. — Но именно это лучше всего могло бы объяснить, почему то, что происходит в институте, окружено такой непроницаемой тайной. Быть может, неудачи в исследовании нейродина Боннар пытаются восполнить экспериментами над животными и даже... человеком. Обнародование правды неизбежно привело бы господина профессора и его сотрудников на скамью подсудимых.

Я начал подумывать, действительно ли хозяин верит в то, что говорит.

— Вы серьезно допускаете возможность такого эксперимента? Профессор Гомец считает, что мозг у Браго удаляли частями, постепенно, путем многократных операций в течение нескольких месяцев... Уж не говоря о том, что, приняв гипотезу, будто мозг Браго живет, общается с Марио и даже создает новые произведения, мы должны предположить, что Боннар разрешил множество необычайно сложных проблем. Ведь это был бы мозг, снабженный искусственными органами чувств и искусственными исполнительными органами.

Да Сильва насупился.

— Так вы говорите, что Гомец утверждает... — начал он и умолк. — Не знаю, к сожалению, подробностей экспертизы... Однако возможно, Гомец ошибается, — в голосе хозяина прозвучала нотка надежды.

— Он слывет знающим специалистом.

Хозяин надолго задумался.

— Собственно... это уже не имеет значения. Я только напрасно забиваю вам головы глупыми предположениями. В ближайшие дни мы узнаем правду. Главное — уже не удастся скрыть, что в институте Барта творятся довольно странные вещи... и что общественное мнение потрясено обнаруженными фактами. Должен сказать, что пока все складывается удачно. Даже ваш сегодняшний приезд и сообщение Игнацио... Даже то, что Марио остался в институте. А что если вам, сеньор адвокат, сегодня вечером напести визит Боннару? Нельзя упускать времени и... подходящего случая.

— Мы как раз туда едем. Встроим...

Да Сильва благодарно взглянул на меня.

— Вижу, сеньор адвокат отлично разбирается в обстановке...

— О том, что Марио в институте, мы знали уже в полдень, — вставила сеньора Долорес. — Сеньор Эспиноза получил известие... и мы приехали, чтобы забрать Марио.

Хозяин с трудом сдержал удивление.

— У вас отличные осведомители. Примите мои поздравления! — деланно рассмеялся он. — Неужели падре...

Я подумал, что пришло время поставить точку над *i*, чтобы избежать двусмысленного положения, которое наверняка вызовет встреча Долорес с Катариной.

— Я получил это сообщение от сеньорины Дали, — спокойно объяснил я. — Не исключено, что мы встретим ее у Боннара.

Хозяин внимательно посмотрел на меня, словно хотел прочесть по моим глазам, что я думаю в этот момент.

— А... сеньорина Дали в курсе дела? — спросил он, акцентируя последние слова.

— Думаю, полностью, — ответил я тем же тоном и машинально взглянул на Альберди.

В уголках губ священника затаилась ироническая усмешка.

ХИ

Было уже совсем темно, когда мы выехали из «Каса гранде».

Луна еще не взошла, и огни фар разрезали тьму длинными снопами света, ломающимися на каждом повороте о стволы деревьев и придорожные кусты.

Все молчали. Только сидящий рядом со мной Альберди отрывисто указывал направление, впрочем, совершенно излишне, так как я уже неплохо ориентировался в здешних местах.

Здание института имени Барта не было освещено. Лишь на первом этаже в остекленном холле горели затемненные ночные лампы.

Я остановил машину у подъезда. Только когда мы вышли, я заметил, что Долорес еле жива от волнения, а может быть, даже страха. Она судорожно вцепилась в мою руку, я почувствовал, как ее бьет нервная дрожь. Надо сказать, я и сам бессознательно поддался этой атмосфере напряженности, тем более что мне предстоял особый разговор с Катариной и Боннаром.

Зато Альберди держался не только совершенно спокойно, но даже по сравнению с пассивным поведением в «Каса гранде» словно бы ожил. Опередив нас, он первым поднялся по ступеням и, не дожидаясь, когда мы подойдем к двери, позвонил.

Пришлось довольно долго ждать. Потом зажглись два ярких прожектора, которые ослепляли настолько, что лишь спустя несколько секунд, заслонив глаза ладонью, я смог различить какую-то высокую фигуру, стоявшую

на лестнице. Мужчина, не подходя к двери, осмотрел нас, потом куда-то исчез.

Прожекторы погасли. Прошло еще несколько минут. Сеньора де Лима дрожала все сильнее, и я уже начинал подумывать, не отвезти ли ее в «Каса grande». Я попытался было заикнуться об этом, но встретил бурные возражения с ее стороны.

Наконец в холле загорелся нормальный свет и из бокового коридора вышла Катарина в сопровождении молодого широкоплечего индейца, одетого в темную рубашу и серые рабочие брюки. Мужчина что-то говорил Катарине, недоверчиво поглядывая в нашу сторону. Вероятно, Катарина втолковывала ему, что опасаться нечего, так как спустя немного времени он ушел и стеклянные двери перед нами раскрылись.

Мы вошли в холл. Катарина встретила нас кивком головы, но не произнесла ни слова. Альберди и сеньора де Лима тоже молчали, не зная, как себя держать.

— Не очень-то любезно вы встречаете гостей, — сказал я, прерывая неприятное молчание. — Словно в осажденной крепости.

Катарина взглянула мне в глаза, на ее губах появилась ироническая улыбка.

— Действительно, — сказала она. — Ты угадал. Час назад камнями выбили стекла в кабинете профессора Боннара...

— У вас хоть охрана-то хорошая? — спросил я.

Катарина пожала плечами. Я еще никогда не видел ее в таком состоянии.

— Профессор пытался дозвониться до полицейского участка, но телефоны не работают. Видимо, линия оборвана. Правда, здесь есть коротковолновый передатчик, но ведь нельзя объявлять тревогу из-за единственного инцидента.

— А персонал?

— В институте живет несколько человек. Остальные работники, к сожалению, уехали. Завтра праздник... Ты должен был приехать один! — неожиданно переменила она тему.

— Сеньора де Лима сама хочет забрать сына, — поспешил я ответить, чтобы не оказаться в двусмысленном положении. — Не следует оставлять здесь мальчика. Особенно при сложившихся обстоятельствах... Кроме того, пора, пожалуй, до конца разобраться с делом Браго. Мы знаем, что Хозе... — я многозначительно замолчал.

Катарина смерила меня взглядом.

— Не знаю, куда ты клонишь, Фил. Я не имею права говорить от имени профессора Боннара, я тут такой же гость, как и ты, — она искоса взглянула на Долорес, — но думаю, ситуация действительно такова, что пора сыграть в открытую, — последние слова прозвучали угрозой.

— Я приехала сюда за своим ребенком и не уйду, пока мне его не отдадут, — подала голос сеньора де Лима. — Никто не имеет права его задерживать!

— Кого вы пытаетесь оскорбить? Вы разговаривали с сыном? Могу вас уверить, что никто его здесь не держит, — Катарина начинала приходить в свое обычное состояние.

— Марио должен вернуться домой! Сегодня же! Почему вы молчите, сеньор? — в отчаянии Долорес искала у меня поддержки.

— Я провожу вас к нему, — выручила меня Катарина. — Или, если хотите, скажу, чтобы он спустился к вам. Однако, я думаю, будет лучше, если сначала мы спокойно поговорим о вашем сыне.

— Что-нибудь случилось? — испугалась Долорес.

— Нет, нет. Но хотелось бы избежать некоторых недоразумений. Может быть, мы сядем? — Катарина указала на кресла в глубине холла.

— Не знаю, о каких недоразумениях вы говорите, — вздохнула сеньора де Лима, садясь. По тону, которым это было сказано, нетрудно было понять, что она только пытается сохранить хотя бы внешнее спокойствие.

— Начну с того, что мне кажется главным, — начала Катарина. — Я несколько раз беседовала с вашим сыном, так же как и с профессором Боннаром и доктором Мантеза, известным психиатром. Могу вас уверить, что у Марио нет никакого психического заболевания. Он совершенно нормальный, здоровый мальчик.

— Это невозможно, — прошептала сеньора де Лима, принимая сообщение Катарины со смешанными чувствами. — Доктор Стайнберг, директор санатория в Плайя де Оро, обнаружил... Впрочем, если б вы знали, как Марио ведет себя дома...

— Конфликт между вами, вашим мужем и Марио имеет совершенно конкретную почву... И мне кажется, наряду с определенными объективными причинами немалая вина в этом и ваша...

— Что вы можете знать, — вздохнула Долорес. — Марио — трудный ребенок.

— Не думаю. Я хотела бы вас предупредить. Верьте мне, я говорю это, только заботясь о будущем Марио... Игра, в которой вы принимаете участие, может создать между вами и сыном непроходимую пропасть.

— Ничего не понимаю... О чем вы?

Удивление Долорес показалось мне искренним.

— Как вы не понимаете, что обвинение института в убийстве Хозе Браго — лишь предлог для политической интриги? Неужели вы хотите потерять сына ради карьеры вашего мужа? Впрочем, должна вам сказать, что люди,

которые втянули вас в эту игру, вероятно, совершенно не разбираются в существе положения. Они не в состоянии реализовать свои планы...

Сеньора де Лима изумленно смотрела на Катарину.

— Я хочу только найти своего ребенка... — умоляюще прошептала она.

— Это зависит исключительно от вас. Однако предупреждаю: завтра может быть уже поздно.

— Что я должна делать?

Катарина не ответила. Она долго молча смотрела на Долорес, и я думал, она размышляет, что ответить. Однако я ошибся.

— Можете ли вы мне честно сказать, что стало с дневником Хозе Браго и рукописью романа «Башня без окон»? — неожиданно спросила она.

Долорес беспокойно задвигалась. Однако прежде чем она успела ответить, из бокового коридора появился тот самый человек, который несколько минут назад сопровождал Катарину.

— Профессор просит сеньоров в кабинет, — сказал он, жестом указывая на лестницу, ведущую наверх.

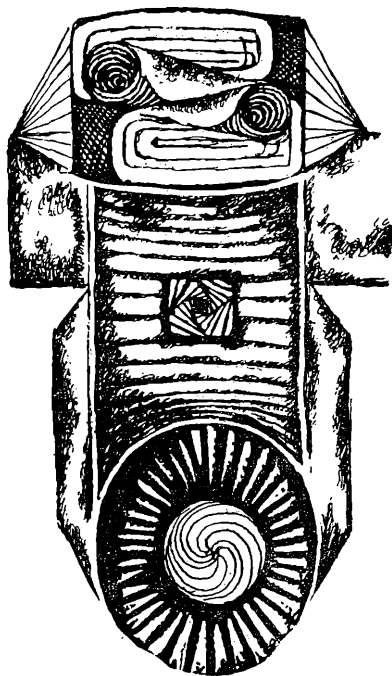
Альберди вскочил. Только теперь я заметил, как сильно он взволнован.

— Простите... — вставая, поклонился я Долорес и Катарине.

Сеньора де Лима послала мне полный беспокойства взгляд, а я улыбнулся ей, давая знать, чтобы она не волновалась.

Молодой индеец проводил нас до самых дверей кабинета Боннара и ушел.

Профессор, одетый в белый халат, стоял на пороге. Он приветствовал нас кивком головы и пригласил в комнату.

Ярко освещенный кабинет теперь показался мне значительно просторнее, чем во время предыдущего визита. Я посмотрел на окна, плотно прикрытые шторами.

Боннар заметил мой взгляд и пронически усмехнулся.

— Ваши клиенты забавляются... А это письмо с поздравлениями, — он потянулся к открытому ящику и подал мне измятый листок.

«Убийц под суд», — прочитал я нацарапанные неумелой рукой слова.

— Садитесь! — сказал Боннар, однако сам не сел, а принялся расхаживать по кабинету. — Давно же ты здесь не был, Эст... — обратился он после недолгого молчания к Альберди.

— Давно, — согласился священник, беря у меня листок. — Это что, закинули в окно?

— Принесли на подносе! — саркастически рассмеялся профессор. — А вы, я думаю, на меня не в обиде... — оставившись он передо мной. — Впрочем, вы сами виноваты. Я подумал тогда, что имею дело с одной из свиней, что роют под меня яму...

Разговор обещал быть не из приятных.

— Думаешь, это да Сильва? — спросил Альберди, кладя листок на стол.

— Ты догадлив... Но все это не важно. — Боннар стал серьезным. — Мне сказали, что вы человек порядочный, — опять обратился он ко мне. — Однако я не могу рисковать. Вам придется остаться в институте до утра. Лишь завтра в одиннадцать часов вы сможете покинуть этот дом. И ты, Эст, тоже. Если вам это не нравится, вы должны уехать отсюда немедленно, но без мальчика.

Я был озадачен.

— Зачем же вы меня приглашали?

— Я хочу, чтобы вы, во-первых, полностью разобрались в том, что здесь происходит, и действовали, как

прикажут разум и порядочность, а во-вторых, чтобы, сообщая кому следует обо всем, что вы здесь слышали и увидели, могли сдерживать дураков в их идиотских намерениях и тем самым помочь всем нам избежать опасных последствий человеческой глупости и слепоты...

— Вы хотите, чтобы в случае процесса...

— Нет, уважаемый, нет! _Это пусть вас не волнует. Процесса не будет — он никому не выгоден. А если даже и будет, то у нас есть свидетель, голос которого будет решающим... — он выделил последнее слово, блеснув глазами. — Вы должны знать: речь идет о гораздо более важных вещах, нежели выдуманное крестинами обвинение в убийстве.

— Значит ли это, что я должен посредничать в переговорах?

— В данном случае трудно говорить о переговорах. Ваша роль будет в принципе заключаться лишь в стимулировании хода некоторых процессов... Впрочем, что вам объяснять. Вы сами разберетесь.

— Что-то я не очень представляю себе, каким образом можно примирить такие несовместимые понятия, как необходимость сохранять тайну и обязанность кого-то информировать... Да и кого, собственно, и в каких пределах я имею право информировать? Сеньору де Лима? Ее мужа? А может, следователя Каstellо?

Боннар взглянул на меня почти с презрением.

— Вижу, вы знаете меньше, чем я думал. Вас переоценили! Но теперь это уже не имеет значения... Итак, кратко: соблюдать тайну вы обязаны лишь до одиннадцати часов завтрашнего утра. Никаких телефонов, никаких контактов. По истечении этого срока я предоставляю вам полную свободу передвижения и использования полученных сведений. Я понимаю ваше положение и не собираюсь его усложнять.

— Как мы поступим с сеньорой де Лима?

— Она останется здесь на ночь или вы сейчас же отвезете ее к Альберди, в «Каса гранде» или к самому дьяволу... Но Марио с ней не поедет.

— Вы знаете, чем это вам грозит? Мальчик несовершеннолетний!

— Знаю. Но, во-первых, требование сеньоры де Лима может быть невыполнимо, — он слегка усмехнулся. — Марио здесь находится добровольно и в любой момент может покинуть институт... в неизвестном направлении. Во-вторых, будет лучше, если сеньора де Лима останется здесь на ночь добровольно, даже не зная об условиях, которые я вам поставил. Впрочем, на то у вас и голова... То, что вы приехали в одной машине, упрощает задачу. В-третьих, все это мелочь в сравнении с тем, за что идет игра.

— Я постараюсь убедить сеньору де Лима остаться... В данный момент ее интересует только сын. Возможно, она увидит его и успокоится.

— Завтра я возьму их с собой в столицу. Я выеду в семь утра! Правда, по пути мне надо будет уладить кое-какие дела, но к обеду они оба будут дома. Вы же должны остаться здесь до одиннадцати. Ты, Эст, конечно, принимаешь мои условия? — обратился он к Альберди.

— В семь пятнадцать у меня служба.

— Значит, ты возвращаешься домой.

— Я хочу знать, что стало с Хозе.

Боннар развел руками.

— Прости, Эст...

— Хорошо! — с трудом сказал Альберди. — Принимаю твои условия. Только мне придется съездить в Пунто и предупредить ризничего. Но ты скажешь мне, что с Хозе.

Суровое, непроницаемое лицо ученого на мгновение осветилось улыбкой.

— Через минуту ты сможешь с ним поговорить сам, — сказал он медленно, каким-то особенно торжественным тоном, не вяжущимся с его прежней сухой деловитостью.

Альберди был поражен его словами, а у меня перед глазами встала картина раскрытого гроба.

— Вы потеряли монополию на бессмертие! — гортанно рассмеялся Боннар. — Придется тебе с этим примириться, Эст.

— Не понимаю...

— И не знаю, захочешь ли понять... до конца.

— Говори! — священник настойчиво смотрел в лицо ученого, словно хотел прочесть по нему всю правду.

Но Боннар не торопился. Он подошел к столу и вынул из ящика листок бумаги.

— Напиши ризничему записку. Завтра я выеду на полчаса раньше, а Марио отдаст ему ее по пути. Так будет безопаснее.

— Ты мне не веришь? — огорченно спросил Альберди.

— Слушай, — фыркнул ученый. — Не в тебе дело. Зачем да Сильве знать раньше времени...

— Делай, как считаешь нужным.

Альберди сел за стол и начал писать.

— Из того, что вы сказали, профессор, следует, что Хозе Браго жив, — прервал я наступившее молчание.

— В некотором смысле...

— И с ним можно поговорить?

— Пожалуйста, вот интерком.

Боннар подошел к столику и положил руку на небольшой ящичек, снабженный несколькими переключателями.

Альберди поднял голову от недоконченного письма.

— Так Хозе не умер? — тихо спросил он. — А те останки?.. Неужели Гомец ошибся?

— Гомец отличный специалист и он не ошибся. Это был труп Хозе Браго. И если мы условимся называть

смертью прекращение физиологических функций тела, то должны будем признать, что Хозе действительно умер шесть лет назад. Но ведь ты, Эст, специалист по душам и упорно доказываешь, что они могут жить без тела. Так чему же ты удивляешься? — насмешливая улыбка не сходила с лица Боннара.

— Так это... душа Хозе? — прошептал Альберди, а я почувствовал, как мурашки забегали у меня по спине.

— В некотором смысле, да. Это душа Хозе Браго и, теоретически, душа бессмертия. Помнишь, Эст, как мы вчетвером с Хозе и Томом Миллером когда-то рассуждали о бессмертии? Вот твое бессмертие: душа Хозе отделена от ее брэнной телесной оболочки... Тело уже превратилось в прах, а душа продолжает существовать, и такое существование может длиться бесконечно.

По выражению лица Альберди можно было следить за тем, как в нем борются недоверие с желанием, чтобы то, что он услышал, оказалось правдой, а любопытство — со страхом перед непредвидимыми последствиями человеческой смелости.

— Что ты сделал? — наконец с трудом спросил он.

— Высвободил из тела душу Хозе. Но шутки в сторону... На этом деле ни ты, ни богословы не разживетесь. Эксперимент носит сугубо научный характер. Мы перенесли запись личности Хозе Браго с естественной нервной сети на искусственную. Если мы поставим знак равенства между понятиями «душа» и «личность» — душа Хозе была нами перенесена из одной системы в другую. Правда, понятие «личность» не совсем точно, но, думаю, вам ясно, о чем идет речь. «Душа» — еще более туманное понятие, но тем не менее теологи отлично с нею управляют уже более двух тысячелетий...

Наступило молчание. Я раздумывал над словами профессора, но как-то не очень улавливал их смысл.

— Так вы поместили мозг Браго в какой-то аппарат, — начал я, вспоминая то, на что намекал да Сильва.

— Нет! Мы перенесли не мозг, а запись индивидуальности, содержащуюся в его физической и химической структуре. Попытаюсь объяснить популярнее, хотя это не так просто. Прежде всего, знаете ли вы, какие функции выполняют полушария мозга?

— Более или менее...

— Думаю, скорее менее, чем более. Впрочем, пусть это вас не беспокоит. В конце концов, вы — адвокат, а множество вопросов в этой области до сих пор еще остается загадкой даже для физиологов. Мы находимся как бы в положении того врача-практика, жившего сто или больше лет назад, который ухитрялся лечить, и даже неплохо, абсолютно не зная, что он лечит...

Боннар остановился у окна и задумался.

— Я отклонился, — сказал он немного погодя, словно оправдываясь. — Да. Так каковы же функции головного мозга? Разумеется, я имею в виду не все функции — их очень много, — а лишь те, которые представляют собой, как бы это сказать, не обижая твоих чувств, Эст, материальную основу психической жизни. С этой точки зрения наиболее важным свойством мозга является способность обучаться, запоминать реакции на различные раздражения, или, точнее, формировать условные рефлексy. Не вникая в тонкость механизма памяти, скажу только, что он основывается на таких изменениях в структуре мозга, которые закрепляют связи между различными повторяющимися внешними раздражениями. Не стану читать вам лекций по физиологии высшей нервной деятельности. Речь идет о сути явления. В структуре мозга постепенно накапливается и закрепляется опыт, происходит как бы запись информации о внешнем мире. Эта запись представляет собою комплекс сравнительно постоянных реакций на

определенные раздражения: человек стремится к повторению одних раздражений и избегает других. А комплекс психических свойств — это ведь и есть личность.

— Ты вульгаризируешь! — недовольно вставил Альберди.

— Я тебя понимаю, но в этой примитивной модели еще нет места мышлению, а тем более сознанию. Можно, пожалуй, сказать, что мысли галошируют здесь по цепочкам связей без всякого контроля. Но на определенной ступени развития этот контроль становится неизбежным следствием процессов приспособления. Проявлением этого контроля является информация о потоках информации, проходящих через мозг, о возникающих связях, о самих процессах сочетаний, словом — мышление о мышлении. Тебе это ни о чем не напоминает, Эст? *Cogito, ergo sum* *.

— Опять вульгаризируешь... Скажи, наконец, к чему ты клонишь?

— Пусть вульгаризирую. Важен принцип, а он именно таков! А клоню я к тому, чтобы вы поняли, что личность — это определенного рода запись. Запись мира в динамической структуре мозга. Разумеется, когда этой записи нет, нет и личности. Нет души! Не смотри на меня так негодующе, Эст. И новорожденный, и человек, у которого уничтожена структура информационных связей в мозгу, не будут иметь того, что мы называем душой. Душа не рождается в момент зачатия и не ожидает где-то в заоблачных высях права сойти на землю, но создается внешним миром. Если говорить о душе человеческой, это мир особого рода: мир человеческий — общество.

Он умолк, а затем сказал:

— Боюсь, я опять несколько отклонился. Вас же интересует, что случилось с Браго. Но здесь существует тесная

---

* Я мыслю — значит, я существую (*лат.*).

связь. Дело в том, что эта запись, эта личность только кажется нематериальной. Ибо информация записана на вполне определенной материальной структуре и без подобного фундамента существовать не может. Не знаю, понимаете ли вы суть того, что я сказал? — обратился он ко мне.

— Понимаю. Но если мозг Браго уничтожен, каким же образом...

— Подождите! Это лишь начало! Я сказал, что первоначальная запись была сделана на нервной структуре мозга, но это не значит, что ее нельзя перенести на другую систему, способную к созданию функционально подобной структуры. То, что это теоретически возможно, понимали некоторые физиологи, пожалуй, еще со времен Кондиллака и Ламетри. Однако до последнего времени казалось, что практически эта задача неразрешима. Во-первых, как расшифровать запись? Уже с локализацией следов памяти было немало хлопот. Во-вторых, невообразимо большая сложность записи и лабильность структуры исключали возможность последовательного создания копии. Однако оказалось, что именно в этих трудностях содержится решение проблемы. Не знаю, известно ли вам, что с начала XIX века среди психологов шел спор о корковых локализациях. Некоторые факты говорили о том, что целый ряд психических действий можно увязать с определенными частями коры головного мозга. Например, зрительные ощущения имеют свое поле, расположенное в районе затылка, слуховые же — в районе висков. Больше того, в середине нашего столетия было выяснено, что раздражение некоторых участков серого вещества вызывает определенные эмоциональные реакции, например страх, удовольствие и так далее. С другой стороны, некоторые эксперименты говорили, что ряд психических явлений нельзя локализовать, так как их основа лежит в коре мозга, действующей как единое целое. Спор на эту тему

длился достаточно долго и закончился, можно сказать, признанием правоты обеих сторон. Оказалось, что локализация существует, но, как правило, лишь для элементарных ощущений. Если же говорить о высших психических функциях, то здесь доминируют свойства интегральные, общие. Я думаю, нет необходимости объяснять, что запись личности относится именно ко второй категории. Более того, у мозга есть еще одно чрезвычайно важное свойство. Уже несколько десятилетий известно, что в некоторых случаях извлечение даже больших участков коры мозга не полностью уничтожает запись. Мозг — орган чрезвычайно пластичный, созданный как бы «на рост», и в случае уничтожения некоторых его участков их функции может принять на себя оставшаяся нервная структура. С этим свойством в последнее время начали связывать надежды на трансплантацию нервной ткани мозга и замену уничтоженных участков мозгового вещества соответствующими участками, взятыми с другого мозга.

— Так же, как приживляют ткани и конечности?

— Вот именно! К несчастью, выявились принципиально непреодолимые преграды как технического, так и психологического порядка. Подсадка, если она даже начинает приживляться и возникают связи, вызывает нарушение физиологического равновесия, и организм в скором времени погибает. А если использовать мозг взрослых особей, то взятый участок представляет собой, естественно, уже сформировавшуюся структуру, а стало быть, возникает объединение двух личностей, что неизбежно ведет к опасным нарушениям и необратимым дегенеративным изменениям.

— Вы экспериментировали на людях? — с ужасом спросил я.

— Как это могло прийти вам в голову? — возмутился ученый. — Экспериментировали исключительно на

животных! Впрочем, я лично провел всего два опыта. Если бы удалось преодолеть технические и физиологические трудности, то все равно для трансплантации были бы пригодны исключительно участки «незаписанного», но соответствующим образом развитого мозга. А ведь одно исключает другое, поэтому казалось, что проблема неразрешима. Но, как это уже не раз бывало в истории науки, на помощь пришло открытие, на первый взгляд не связанное с нейрофизиологическими исследованиями — лабораторным путем было создано вещество с удивительнейшими свойствами...

— Нейродин?

Боннар кивнул.

— Да. Вначале Барт сам не представлял себе возможностей, которые открывает нейродин. Скажу больше: даже сегодня мы не знаем до конца, на чем основываются его свойства. Нейродин — чрезвычайно сложная кремнийорганическая структура, имеющая некоторые свойства, присущие нуклеиновым кислотам, но, разумеется, созданная из других химических элементов. Необычность свойств нейродина состоит в том, что в определенном смысле это живое вещество, к тому же наделенное не только специфическим метаболизмом, но и поразительной способностью к самоорганизации. Эта способность самоорганизовываться у нейродина даже выше, нежели у человеческого мозга. Сразу же после синтеза, стоит лишь ему обеспечить поддержание метаболических процессов, в нейрдине под воздействием среды начинается процесс самоорганизации и самоусовершенствования структуры. Более того, его способность приспосабливаться к условиям в зависимости от потребности приводит к возникновению определенных органов чувств и действий.

— Гомункулус... — с ужасом прошептал Альберди.

— Нет. Опасаться нечего, — отрицательно покачал го-

ловой Боннар. — Во всяком случае, пока, — добавил он с оттенком меланхолии. — Быть может, если попытаться определенным образом направить его эволюцию, в нем можно как бы имитировать психику. Но пока мы еще слишком мало знаем... Я уж не говорю о том, что его способность самостоятельно поддерживать в себе жизнь равна нулю. Таким образом, сам по себе он не представляет опасности для человека. Зато его практическая ценность необычайно велика. Это выражается в способности к симбиозу, точнее, к «сотрудничеству» с нервными клетками живого организма. Это «сотрудничество» проявляется исключительно в приеме и передаче электрических сигналов. Такая двусторонняя связь обеспечивает нейрдину контакт с окружающей средой и в результате процессов приспособления ведет к соответствующему формированию его внутренней структуры. Не стану утомлять вас подробностями — вы немногое из них поймете, скажу лишь, что именно нейродин представляет собой материальную основу, способную воспринять запись личности. Короче говоря, нейродин в состоянии сравнительно быстро, к тому же совершенно не нарушая физической и химической структуры живых клеток, слиться с мозгом живого существа. Вначале он представляет собой как бы новый, совершенно лишенный записи участок мозга, но постепенно все полнее и полнее включается в динамические процессы, происходящие в структуре мозга. Это «сосуществование» длится довольно долго, и если постепенно, частями извлекать из черепа настоящий мозг, нейродинная структура все больше и больше будет принимать на себя запись личности. В конце концов роли поменяются. Если даже мозг совершенно погибнет, запись, принятая нейродином, останется.

— Значит, что-то вроде протеза мозга? — воскликнул я, не скрывая изумления.

Улыбка удовлетворения на мгновение появилась на лице Боннара.

— И да и нет... — ответил он, присаживаясь на краешек стола. — С психологической точки зрения — да! Личность перенесена на нейродинную структуру. Правда, должен предупредить, что эта процедура весьма сложна и ей сопутствуют серьезные психические нарушения, особенно сразу после подключения нейродинных отводов, а также на последнем этапе — после разрыва связи со стволом мозга. Впрочем, перемещенная личность не является точной копией старой. Существуют значительные пробелы в памяти, появляются новые свойства... Но сознание собственного существования и непрерывность психической жизни остается. А это самое главное.

— И все-таки это протез! Может быть, еще не совершенный, но наверняка протез мозга, — все больше воодушевлялся я. — Вероятно, вскоре можно будет заменять большие участки мозга.

— Увы, нет, — вздохнув, ответил профессор. — Как я уже говорил, метаболизм нейродина совершенно отличается от белкового. Поддержание его требует сложнейшей аппаратуры. Препградой, абсолютно исключающей возможность протезирования, является то, что нейродин может в широкой области принять на себя функции мозга лишь тогда, когда его сложность, а стало быть и масса будет достаточно велика. Для протезирования человеческого мозга минимальную, можно сказать критическую, сложность мы получаем тогда, когда количество вещества, взятого для эксперимента, имеет объем около полутора кубических метров, то есть почти в четырнадцать раз больше, чем объем человеческого тела. К сожалению, мы не можем носить нейродинный мозг в собственном черепе...

— Но это все равно настолько удивительно, что трудно вообще освоиться с подобной мыслью.

— Да, любезный мой адвокат, — прервал меня Боннар. — Вы собирались устроить мне процесс, обвиняя в убийстве Хозе Браго... Хозе был безнадежно болен, обречен на смерть. Новообразование в мозге... Понимаете? Я спас его личность. Его душу, если воспользоваться твоей формулировкой, Эст. Более того, я дал ему шанс на бессмертие. То, чего не в состоянии до сих пор дать никто ни на земле, ни на небе...

Я с удивлением глядел на Боннара, понимая, что в этот момент увидел еще одно его лицо, скрываемое до сих пор.

Я перевел взгляд на Альберди, но он, видимо, был настолько ошеломлен услышанным, что не пытался даже отразить нападение.

Боннар замолчал. Теперь он стоял перед нами выпрямившись, отчего казался еще выше. Очевидно, впечатление, которое он произвел на нас, доставляло ему громадное удовольствие.

Священник беспокойно шевельнулся и украдкой взглянул на интерком. Профессор заметил это, подошел к столу и щелкнул одним из переключателей, помещенных на стенке динамика.

— Хозе! У нас гости! — бросил он в микрофон, словно на конце провода кто-то ждал вызова.

— Кто? — послышалось из динамика удивительно медленно произнесенное слово.

— Эст Альберди и адвокат, о котором тебе говорила сеньорина Дали. Твоя бывшая жена ждет в холле.

Некоторое время царила тишина.

— Хочешь, чтобы я с нею поговорил?

Голос был низкий, приятный, только как бы чрезмерно четко и правильно выговаривающий отдельные слова.

— Это зависит от тебя... — сказал Боннар в интерком.

Опять наступила тишина. В этот момент я подумал, а не чудовищный ли это блеф, рассчитанный на то, чтобы ввести в заблуждение меня, а вместе со мной и противников Боннара. Может быть, таким образом Боннар хочет вызвать замешательство и ослабить впечатление, которое произвело на общественное мнение открытие профессора Гомеца, или хотя бы выгадать время? Однако какова была во всем этом роль Катарины?

— Хорошо! — опять послышался голос из интеркома. — Я поговорю с ней. Позже. Сейчас оставьте меня одного с Эстебано.

Священник словно загипнотизированный смотрел на ящичек интеркома.

— Пойдемте, — шепотом обратился ко мне профессор. — Я вам кое-что покажу...

XIII

После ярко освещенного кабинета коридор казался погруженным во тьму. Профессор прикрыл дверь. Неспеша достав из кармана халата длинный плоский портсигар, он предложил мне сигарету.

— Я привык курить в коридоре, — заметил Боннар, поднося мне огонь. — Нейродин не переносит дыма... Впрочем, пройдемте в архив. Вы увидите интересные документы — первые рукописи, а точнее, «мозгописи» Браго.

— Должен признаться, я совершенно ошеломлен и не могу понять только одного: почему это открытие держится в тайне?

— Думаю, вам еще многое придется понять, — съязвил Боннар. — Прежде всего отдаете ли вы себе отчет в том, что в перспективе означает преодоление человеком границы бессмертия? Сколько иллюзорных надежд было бы

связано с нашими опытами? Вообразите, что произойдет, когда известие об этом, вдобавок раздутое и искаженное безответственной прессой и радио, облетит мир. Человечество еще не подготовлено к принятию этого дара науки. Даже трудно предвидеть общественные последствия потрясения, которое вызовет сообщение, что человек не обязательно должен умирать... Мы до сих пор не знаем, что представляет собой дар бессмертия: благодеяние или проклятие. Вы читали «Грань бессмертия»? Можете вы сказать, что это писал счастливый человек? Право на бессмертие вовсе не равнозначно праву на вечное счастье... На протяжении эксперимента я все яснее ощущаю, что моя работа — только погоня за тенью. Мы прикладываем массу усилий, чтобы дать Браго... лишь иллюзию счастья.

Мы медленно шли по длинному, широкому коридору, я слушал Боннара и начинал понимать, что, пожалуй, только теперь под маской сухости и иронии впервые вижу истинное лицо этого человека. Какой же он в действительности? Еще минуту назад он казался мне бескомпромиссным, бесчувственным стратегом в игре с Природой и людьми, воплощением гордости и самонадеянности, сверхверы во всемогущество той Науки, которой служит. А сейчас...

— Хозе Браго, как и любой из нас, продукт мира, в котором он жил и в котором существует по сей день, — спустя немного заговорил профессор. — Это всего лишь человек, полный забот, желаний и опасений. Вас удивляет, наверное, почему, стремясь сохранить эксперимент в тайне, мы рискнули опубликовать произведения Браго под его собственным именем? Совсем не для того, чтобы удивить мир. Просто Браго, в течение многих лет непонимаемый людьми, недооцениваемый критиками, с трудом отвоевавший право говорить с помощью своих произведений, тосковал по славе, признанию. Это очень человечески. Надо его понять. Неужели мы могли лишить

его этого права, лишить возможности быть свидетелем заслуженного триумфа? Конечно, это было связано с серьезным риском, но другого выхода я не видел.

Мы остановились перед небольшой дверью в конце коридора. Боннар достал из кармана связку ключей и впустил меня в длинное узкое помещение без окон, стены которого были сплошь увешаны полками. На полках стояли помеченные номерами корѳбки. Взяв одну из них, Боннар вынул рулон широкой ленты. Постепенно разматывая ее, он, казалось, что-то искал.

— Вот. Прочтите! — сказал он наконец, подавая мне рулон.

Я с любопытством пробежал взглядом по ленте. Однако на ней были выписаны лишь длинные ряды слов, совершенно не связанных в сколько-нибудь осмысленное целое. Местами это были даже части слов, полные ошибок и искажений.

— Это первые попытки контакта после разрыва связей с телом, — объяснил профессор. — Еще не было выхода на систему синтеза звуков, и электрические сигналы, передаваемые эффекторами нейродина, просто перекодировались печатающим устройством. Впрочем, сигналы были идентифицированы еще в период переноса личности. Как видите, это типичная абракадабра.

Боннар достал другой рулон. Теперь это были фразы, правда, корявые и нескладные, но в них уже можно было уловить смысл.

— Это спустя год... Процесс восстановления весьма обнадеживающий, — пояснил ученый.

— А в то время, когда Браго последний раз беседовал с Альберди, он уже был полностью лишен собственного мозга? — спросил я, вспоминая ту невероятную историю.

— Не совсем. Правда, кора головного мозга уже была удалена, а ее функции принял на себя нейродин, соеди-

ненный миллионами ответвлений со стволом мозга, а также с органами слуха и речи.

— А зрение?

— В то время Браго уже не видел. Забегая вперед, я должен сказать, что проблема зрения до сих пор не решена нами полностью. Правда, он уже может читать. Точнее — расшифровывать отдельные буквы и простые геометрические фигуры, но количество рецепторных элементов, к сожалению, незначительно по сравнению с сетчаткой человеческого глаза, а следовательно, и острота зрения невелика — он видит все как бы в тумане.

— Однако в «Грани бессмертия» он воспользовался снимками... — вспомнил я об открытии де Лима.

— Да. Он упорно стремится к реальности. В таких случаях кто-либо просто рассказывает ему все, что видит. Боннар опять спрятал ленту и принес следующую.

— Вот сама «Грань», — сказал он, разматывая и подавая мне рулон. Это был текст совершенный и по форме и по содержанию. Множество машинописных поправок позволяло судить о самом творческом процессе.

— Браго много читает. Несмотря на то что чтение буква за буквой кажется занятием весьма кропотливым, он в совершенстве овладел этой способностью. Кроме того, нейродин способен воспринимать и анализировать информацию гораздо быстрее, чем естественный мозг.

— Неужели возможно создание искусственного мозга, более совершенного, чем человеческий?

Боннар внимательно посмотрел на меня, словно стараясь прочесть на моем лице какую-то затаенную мысль, потом взял у меня рулон и начал медленно сворачивать его.

— Мда, — начал он вдруг, словно принимая какое-то трудное решение. — Психологические и общественные последствия эксперимента гораздо серьезнее, чем вы

думаете... То, о чем я говорил до сих пор, — лишь одна сторона медали. Решение как можно дольше сохранять в тайне по крайней мере некоторые факты имеет еще одну весьма важную причину. Как вы, вероятно, заметили, Браго пишет все лучше. Возникает вопрос: является ли это проявлением естественного созревания его таланта или же вытекает из свойств самоорганизации нейродина. Так вот, все указывает на то, что происходит последнее. Опухоль в мозгу и последующий перенос личности Браго на нейродин вызвали весьма серьезные нарушения психической деятельности, не говоря уже о значительных проблемах и деформациях в записи памяти. Несомненно, все это должно было повлечь за собой регресс, а не развитие таланта. Впрочем, вначале так и было. Однако последние годы, несмотря на трудности эмоционального характера, переживаемые Браго, мы замечаем явный и быстрый прогресс. Нейродин позволяет достичь того, что мы называем гениальностью. А это накладывает на нас ответственность несравненно большую, чем даже открытие перспектив бессмертия. В данном случае речь идет не столько о гениальности писателя и художника, сколько о гениальности ученых, администраторов, политиков... Думаю, нет нужды объяснять, что это значит!

— Может быть, мы наконец сможем разрешить все проблемы нашего мира...

Боннар неприятно рассмеялся.

— Вы наивный оптимист. Каждое открытие выдвигает новые проблемы и создает новые осложнения. Разумеется, темпы развития науки и техники резко ускорились бы и множество теперешних забот перестало бы нас волновать. Но повышение уровня интеллектуальных возможностей еще не определяет целей, которым они будут служить. Пожалуй, нет открытия и изобретения, которое нельзя было бы использовать против человека... Вы думаете, ней-

родин не может явиться средством порабощения человечества?

Я чувствовал, как мне передается беспокойство, которое, вероятно, в течение многих лет мучило этого необычного человека.

— Понимаю. Однако, боюсь, столь сенсационное открытие не удастся скрыть. Насколько мне известно, над нейродином работают ученые не только в нашей стране. Есть ли гарантии, что где-то... — я замолчал, ожидая, что он скажет.

— Гарантии нет... — Боннар замаялся. — Видите ли... Мы стараемся заблаговременно противодействовать развитию исследований в опасном направлении. Дело в том, что ни самые толстые стены, ни железные занавесы не спасут от опасности. Гарантией, если в данном случае вообще можно говорить о какой-либо форме гарантии, является полный обмен информацией и запрет проведения научными центрами серьезных экспериментов, не гарантирующих, что результаты исследований будут использоваться в соответствии с интересами общества. Нейродин не должен попасть в руки бандитов и преступников...

— Не совсем понимаю. Вы, профессор, серьезно считаете, что преступный мир может заинтересоваться нейродином?

— Вы думаете, что преступники и бандиты встречаются только среди «обычных» правонарушителей? Жажда выгоды и расизм, не говоря уже о желании овладеть миром, приводят к особо опасному для человечества гангстерству. Нетрудно представить себе, во что превратился бы нейродин в руках Гитлера и концерна «ИГ Фарбенин-дустри»! Лучше ограничить масштабы исследований, чем допустить, чтобы нейродином завладели сумасшедшие и торговцы...

— Вы думаете, удастся задержать прогресс?

Он гневно взглянул на меня, потом, поморщившись, сказал:

— Слишком сильно сказано. Речь идет о разумном использовании открытия в интересах человечества. Вы скажете, что это тоже слишком громкие слова... Но по сути дела так оно и есть. Вначале мы должны основательно исследовать возможности нейродина, чтобы противодействовать опасности и избежать ее. Конечно, абсолютной уверенности, что нам повезет, нет, но следует верить в разум...

— Ваши противники, профессор, знают все это?

— Мои противники? Не мои, сеньор, не мои лично, — возмутился ученый. — Убрать меня — это в принципе не трудно. Достаточно воспользоваться не камнем, а пулей... Но это ничего не даст. Найдутся другие.

Мы вышли из хранилища. Я не на шутку разволновался.

— Тогда чего же они хотят?

— Власти! Власти над институтом, над нейродинам, — ответил он усталым голосом. — Вы спрашиваете, знают ли люди, подкапывающиеся под нас, что здесь происходит в действительности? Думаю, кое-что знают, во всяком случае знают те, кто ими руководит... издали. Они прекрасно понимают, за что идет борьба. Впрочем, у таких типов, как да Сильва, здесь совершенно иные, собственные интересы. Да Сильва представляет группировки, которым вообще не важно, что мы делаем. Они только хотят заполучить власть в нашем государстве, этим их стремления и ограничиваются. А вот те, кто их поддерживает извне, рассчитывают таким путем получить контроль над институтом. Но они ошибаются. Если бы дошло до того, что люди типа да Сильвы перехватили руль управления, институт Барта перестал бы существовать... — тихо закончил он.

— А Браго? — с беспокойством спросил я.

Боннар не ответил на мой вопрос.

— Вы знаете уже достаточно, чтобы сделать собственные выводы. Надеюсь, вы это сумеете, — голос его опять стал сухим, в нем, как мне показалось, прозвучало сожаление. — До утра еще достаточно много времени. А сейчас поговорите с сеньорой де Лима. Если она согласится остаться здесь и вернуться домой завтра утром, то можете ей рассказать, как обстоит дело с Хозе Браго. Важно, чтобы она это знала, прежде чем встретится с Марио. И попутно попросите, пожалуйста, сеньорину Дали зайти ко мне в кабинет.

Профессор проводил меня до лестницы и вернулся. Сходя вниз, я раздумывал, что скажу Долорес. Впечатление, которое произвели на меня откровения Боннара, было слишком сильным, а проблем слишком много, чтобы я мог решиться на сколько-нибудь конкретные выводы. Я был ошеломлен и потрясен, а одновременно не мог отделаться от ощущения нереальности того, что услышал и увидел. А если все это фикция? Искусная мистификация, скрывающая низменные интересы различных людей?

Я не мог никому доверять. Впутываться в какую-то крупную игру, к тому же, как это говорил Боннар, игру международного масштаба, было бы с моей стороны невероятной глупостью. Я не хотел вмешиваться в политику. Подобного рода карьера не привлекала меня, хотя случаев к тому было достаточно. Почему же теперь я должен был нарушить свои принципы, к тому же подвергая себя опасному риску? Но разве в подобной ситуации можно сохранять независимое положение? Следовало с глазу на глаз поговорить с Катариной.

Я уже спустился на этаж, где находился холл. Долорес и Катарина по-прежнему сидели за столиком. Занятые разговором, они не заметили меня. Долорес что-то

тихо говорила, прижимая к глазам платочек. Неужели она плакала?

В этот момент мне вспомнилось то, что несколько часов назад рассказал Игнацио. Лестница вела дальше вниз — в подвалы. Может, именно там находились таинственные аппараты, в которых развивалась личность Бранго? Видимо, Боннар не собирался их мне показывать. Он даже не вспоминал об этом, а может быть, просто опасался меня.

Я подумал, что не стоит упускать, возможно, единственный случай проверить то, что мы услышали от деревенского мальчишки. Я начал медленно спускаться по лестнице, стараясь ступать как можно тише.

Лампы в подвальном помещении горели вполне накала. Этажи, расположенные ниже уровня холла, некогда занимало процедурное отделение санатория, о чем свидетельствовали следы надписей на стенах. Сейчас они были приспособлены под лаборатории. От лестницы шел довольно длинный коридор, точнее холл. По обеим сторонам его было несколько дверей, а в глубине виднелась металлическая решетка, отгораживавшая, как оказалось, просторный квадратный зал. Я подошел ближе и увидел в полумраке какое-то округлое тело, напоминающее громадную грушу, соединенную трубами или кабелями с целым рядом цилиндров и шаров. Поверхность «груши» была частично покрыта каким-то блестящим, серебристым веществом, возможно, с целью термоизоляции.

Я прижал лицо к решетке, с любопытством рассматривая прибор и, разумеется, совершенно не понимая, для чего предназначены отдельные его части. Аппаратура не издавала ни малейшего звука, не было заметно никакого движения или хотя бы перемигивания контрольных ламп. Ничто не выдавало ее работы. Возможно, это была не система нейродина, а какая-то другая аппаратура, давно

бездействующая. Однако Игнацио говорил о таком приборе... А вдруг именно в этом грушевидном сооружении заточена «душа» Хозе Браго?..

Неожиданно я вздрогнул. Чья-то рука коснулась моего плеча. Я резко повернулся. За мной стоял Марио. По-видимому, он только что вошел сюда, причем очень тихо, так как я не слышал ни малейшего шума.

— Вы разговаривали с профессором? — спросил он шепотом.

Я кивнул.

— Сделайте что-нибудь, чтобы мама меня отсюда не забирала, — сказал он умоляюще.

— Это не так просто. Мама имеет право требовать, чтобы ты вернулся домой.

— Я должен остаться здесь. Я нужен Е му, — он показал на аппаратуру за решеткой.

Я чувствовал, что не могу отказать. К тому же у меня родился новый тактический ход.

— Я постараюсь, — искренне сказал я. — Но предупреждаю: возможно, тебе придется дня на два вернуться домой. Самое главное — надо убедить маму остаться в институте до утра. Ты можешь мне сильно помочь.

— Это как же?

— Соглашайся со всем и не мешай мне говорить. А теперь вместе пойдем наверх.

Марио испуганно смотрел на меня.

— Разве профессор запретил тебе видиться с матерью?

Он отрицательно покачал головой. Значит, Боннар говорил правду, что мальчику предоставлена полная свобода действий.

— Ну так нам ничто не мешает, — сказал я, как бы объясняя причину моего вопроса. — Когда мама тебя увидит, она обрадуется, и мы легче добьемся того, чего хотим. Ну как, согласен?

Однако Марио продолжал сомневаться.

— А если она захочет, чтобы я уехал с ней сейчас?

— Я остаюсь здесь, а машину свою я никому не даю. Это мое железное правило. Да и сеньорина Дали тоже, вероятно, не захочет вас везти...

— И камеры продырявлены... Машина стояла у подъезда, а кто-то проткнул у нее шины.

— Так они и с моей машиной могут сделать то же самое, — не на шутку забеспокоился я.

— Нет. Они думают, что вы работаете на да Сильву. Так вы считаете, мама останется?

— Вам пришлось бы идти пешком в «Каса гранде» или в дом дяди. Телефоны не работают, так что попросить автомобиль у да Сильвы не удастся. Сомневаюсь, чтобы твоя мама решилась отправиться ночью, да к тому же еще и пешком... Она будет бояться, как бы ты снова не сбежал.

— И убегу!

— Не говори глупостей! Прежде всего надо действовать спокойно и разумно. Так, говоришь, ты нужен отцу?

— Я должен остаться здесь. Я ему нужен, — у Марио нервно задрожали губы. — Он не может остаться один... Для него это... — он вдруг осекся, словно чего-то опасаясь. — Это мне не кажется. Профессор говорит то же самое. Он сейчас чувствует себя совсем иначе... Уже не думает о... смерти, — закончил мальчик сдавленным голосом.

— О смерти?

Я был удивлен. Правда, из слов Боннара следовало, что Браго не особенно счастлив. Но неужели зашло так далеко?

— Теперь вы понимаете? — прошептал Марио едва слышно.

Молча поднимаясь по лестнице, мы еще издали услышали громкий голос сеньоры де Лима.

— ... и тебя уже успели одурачить! — возмущенно кричала она. — Ты всегда был глуп, Эст! Глуп и наивен! Но я-то не дам водить себя за нос! Меня не проведешь!

— Но, Долорес! Прекрати истерику! — послышался голос Альберди. — Ты совершенно не понимаешь, о чем я говорю. Я действительно только что разговаривал с Хозе!

— Ты лжешь! Хозе мертв! А если ты с кем-то и разговаривал, то не с Хозе. Или и ты тоже свихнулся? Что здесь вообще происходит? Где Марио? Вы говорили, сеньорина, что он здоров, нормален... Но я-то знаю, что он тоже бредит отцом. Именно поэтому мне не разрешают увидеться с ним! Вы боитесь, что...

— Не волнуйтесь, — Катарина была удивительно спокойна. — Ваш брат не лжет. Я понимаю, услышанное вами на первый взгляд кажется абсурдом. И я тоже сначала думала так же. Профессор Боннар все вам объяснит...

— Я хочу только найти сына! Меня не обманешь!

— Скорее! — бросил я Марио, таща его за собой.

На лестничной площадке мы едва не столкнулись с Боннаром.

— Куда вы запропастились? — гневно спросил он, испытующе глядя на нас. Потом взял мальчика за руку и подтолкнул к сеньоре Долорес.

— Марио! — радостно воскликнула сеньора де Лима. Подбежав к сыну, она схватила его в объятия и начала осыпать лицо мальчика поцелуями.

Я украдкой взглянул на профессора. Мне показалось, что на его лице появилось что-то вроде волнения, но как только он заметил мой взгляд, его губы скривила уже хорошо знакомая мне неприятная, ироническая улыбка.

События разворачивались совсем иначе, чем я планировал.

— Ну, теперь многое зависит от вашего адвокатского умения, — полунасмешливо бросил мне Боннар.

— Марио! Марио! — всхлипывала сеньора Долорес, не выпуская сына из объятий. — Ты, правда, вернешься домой? Ты не будешь больше убегать? Ну скажи, Марио! Все будет хорошо!

— Да, мама! — сказал мальчик дрожащим голосом.

— Прости меня, дитя мое. Знаю, я плохо относилась к тебе... Теперь все будет иначе... Совсем иначе. Вот увидишь!

— Да, мама... Сеньор адвокат говорил...

Долорес выпустила мальчика из рук и подошла ко мне.

— Сеньор Эспиноза! — схватила она меня за руку. — Я знала, что вы его найдете! Знала! Я никогда этого не забуду!

Я решил тут же воспользоваться обстановкой.

— У меня есть к вам просьба, прошу мне верить и послушаться моего совета, — сказал я многозначительно.

— Конечно, сеньор адвокат. Я хочу только, чтобы Марио вернулся домой.

— Вернется. Самое позднее завтра пополудни вы оба будете дома. А сейчас выслушайте меня спокойно и внимательно. Нам придется взять обратно обвинение против института Барта, а также отказаться от всяких надежд получить деньги, заработанные вашим бывшим мужем, Хозе Браго.

— Да, конечно, — сеньора де Лима кивнула головой, понимаяюще глядя мне в глаза.

Я понял, что Долорес приняла мои слова как маневр в борьбе с Боннаром, необходимый для безопасности Марио. Может быть, такой оборот дела был бы удобным, но наверняка — не очень честным.

— Не знаю, правильно ли вы оцениваете положение, — решил я подвести ее к тому, что она ошибается. — Я не

принадлежу к категории людей легковверных, но должен вам сказать, что вы напрасно обвиняете своего брата во лжи и наивности. Хозе Браго действительно жив, хотя и не в том смысле, в каком мы привыкли это понимать. Живое не его тело, а его личность, его «я», словом то, что принято называть «душой». Впрочем, вам это лучше объяснит профессор Боннар...

— Я понимаю. Все понимаю, — поспешно заверила меня сеньора де Лима.

— Но, мама! Ты не веришь?! — Марио с упреком смотрел на мать.

— Верю, сынок, верю! Может, ты прав. Я еще не совсем понимаю, но... Раз сеньор адвокат говорит и ты тоже... и сеньорина Дали... Сеньор профессор позволил тебе вернуться домой, правда? — неожиданно переменила она тему.

— Но... я всегда мог вернуться. Тут другая причина, — мальчик послал мне вопросительный взгляд.

— Какая? Скажи мне, — в голосе Долорес я почувствовал беспокойство.

— Вы напрасно продолжаете подозревать профессора Боннара в дурных намерениях, — сказал я, чтобы отвести путаницу. — Профессор не заставлял Марио оставаться здесь. В присутствии сына нуждается Хозе Браго.

— Ах, Хозе... — Долорес кивнула, в отчаянии глядя на меня.

Я решил довести разговор до конца.

— Долгое отсутствие Марио может отрицательно сказаться на психическом состоянии Хозе Браго. Не так ли, профессор?

— Я вижу, вы отлично осведомлены или невероятно догадливы, — ответил ученый тоном, который, увы, не мог рассеять сомнений сеньоры де Лимы,

— Поэтому Марио, — продолжал я, — должен время от времени навещать своего отца.

— Да, мама, — взволнованно подхватил мальчик. — Я должен приезжать сюда! Я ему нужен!

— Конечно! Ты будешь навещать его, когда захочешь, — поспешила ответить Долорес, хотя было видно, что она не принимает ни одного слова всерьез. — Я сама буду привозить тебя сюда. Но мы, наверное, мешаем сеньору профессору, — опять сменила она тему. — Быть может, нам уже пора... — она неуверенно посмотрела на меня.

Теперь мне предстояла самая сложная часть дела. Будет ли достаточно моего авторитета, чтобы убедить ее остаться на ночь в институте?

— Я думаю, нам пока незачем спешить... — начал я подготавливать почву. — Уже довольно поздно, а ночные поездки не из приятных... Сеньор профессор, у вас найдется для нас какая-нибудь комната?

Долорес с изумлением смотрела на меня.

— А может быть, мы не станем мешать профессору...

— А вы и не мешаете, — буркнул Боннар, что должно было, видно, означать приглашение.

— Почему вы хотите остаться здесь на ночь? — прошептала сеньора Долорес, умоляюще глядя на меня. — Мы же можем заночевать в «Каса гранде», если вы не хотите возвращаться ночью.

— Мы должны здесь остаться, чтобы выяснить все до конца. Это раз! А если говорить о «Каса гранде», то не знаю, согласится ли Марио... — я замолчал, вопросительно глядя на мальчика.

— Я туда не поеду! — поспешил на помощь Марио.

— Ну так можно заночевать у дяди! — не сдавалась Долорес.

— Я остаюсь здесь, — поспешно сказал Альберди. — А впрочем... я же говорил тебе, Долорес... Ты должна сама поговорить с Хозе.

— Да ты шутишь...

— Нет, Долорес. Этого хочет Хозе. Ему нельзя отказывать.

— Хозе требует этого разговора, — спокойно сказала молчаливая до сих пор Катарина.

Глаза Долорес были полны ужаса.

— Я пойду с тобой, мама, — мягко сказал Марио.

Она конвульсивно схватила его за руку.

— Будет лучше, если вы побеседуете без свидетелей, — твердо сказал Боннар.

— Я не пойду туда одна! — крикнула отчаянно Долорес, бледная как полотно.

— Ты не можешь ему отказать... — мягко сказал Альберди.

— Я... Я боюсь, — сдалась она.

— Эст! Ты пойдешь с ней. Так будет лучше, — решил Боннар.

Священник взял сестру под руку и повел ее к лестнице. Боннар молча следовал за ними.

Марио смотрел, как они поднимаются, и вдруг, когда их уже не было видно, помчался следом.

Мы остались с Катариной.

— Скажи честно, — я взял ее за руку. — Действительно ли Боннару можно полностью доверять?

— Абсолютно, — она освободила руку и уселась в кресло.

— Его взгляды по меньшей мере странны. Я слышал от де Лимы, что Браго симпатизировал коммунистам... Может быть, и Боннар... Все это довольно подозрительно...

— Глупости. Каждого имеющего радикальные взгляды люди типа да Сильвы готовы считать коммунистическим агентом. Ну а если даже он был бы коммунистом?

— Ну хорошо. Не в этом дело... Я в вашей политике не разбираюсь и разбираться не хочу. Скажи мне лучше, что это за история с дневником Браго?

— Неприятная история. Это работа твоей сеньоры Долорес: у нее остались первая повесть, несколько рассказов и дневник Хозе, который он вел некоторое время. Дневник был куда-то спрятан, но Долорес его нашла и, прочитав, сожгла. Она утверждает, что это был пасквиль на нее, но, по словам Хозе, только небольшие отрывки касались его жены. Она также уничтожила и его произведения, то ли желая отомстить, то ли просто потому, что не верила в их ценность. Быть может, определенную роль в этом сыграла ревность к сыну, который был влюблен в отца. Позже оказалось, что дневник она сожгла лишь после смерти Хозе, а до этого несколько лет прятала записки мужа, вероятно, преследуя какие-то свои, не известные нам цели.

— И Марио об этом узнал?

— Да. Но лишь три месяца назад. Дело с дневником тянется уже несколько лет. Началось оно, пожалуй, через год после официальной смерти Браго. Не знаю, говорил ли тебе Боннар, но в ходе переноса личности в памяти Браго появились значительные пробелы. Его это страшно угнетало, особенно позже, когда мыслительные способности полностью восстановились. И тут он вспомнил о дневнике, который мог бы ему очень помочь. Поэтому Боннар предпринял попытку добыть у Долорес эти записки. Однако она утверждала, что Хозе ей ничего не оставлял. Профессор, решив, что Хозе страдает парамнезией, поставил на этом крест. Правда, существование произведений подтвердили редакции, которым Хозе предлагал в свое время

рукописи, но ведь он мог их затерять. После развода он много пил и порой бывал в состоянии полной невменяемости. Пить он перестал только за год до смерти под влиянием Боннара и Альберди. Вопрос о дневнике вновь всплыл лишь несколько месяцев назад в разговоре Хозе с Марио. Мальчик припомнил, что лет пять или шесть назад видел у матери толстые блокноты в характерных обложках. По просьбе Хозе он начал искать их дома, и не знаю, как уж там было, только в конце концов оказалось, что все сожжено матерью.

— Так вот зачем Хозе звонил сыну? Ему был нужен дневник...

— Нет! — возмутилась Катарина. — Хозе просто тосковал по сыну. Он действительно его очень любил и любит... Боннар решился на этот довольно рискованный шаг, учитывая психическое состояние Хозе. Вопрос о дневнике совершенно случайно был затронут лишь при третьем или четвертом разговоре.

— Мне кажется, ты идеализируешь Браго.

— Что ты! — вздохнула она. — Ты не знаешь Хозе! Ты видишь его глазами этой ведьмы. Представляю себе, что она о нем наплела... Ведь она принудила своего сына поклясться, что он никому не скажет об уничтожении рукописей! И теперь от него ты не услышишь об этом ни слова. Он поделился только с отцом, так как считает, что на него клятва не распространяется.

— Почему ты так ее ненавидишь? Мне кажется, несмотря на все недостатки, это несчастная женщина.

— Что ты плетешь? — возмутилась Катарина. — Это корыстолюбивая, коварная, беспринципная баба. Если б ты знал, что вытерпел от нее Хозе!..

Я смотрел на Катарину и думал, почему она, всегда такая объективная и трезвая, не находит в себе и тени

сочувствия к матери Марио. Разве она не видела, что происходило несколько минут назад? Разве не поняла, что Долорес только ради сына согласилась на разговор с покойным мужем?..

— Дорогая, да ты, часом, не была ли влюблена в Хозе? Она резко отвернулась.

— Вот как!.. — сказал я — сочувственно. — И, может быть, даже сейчас...

Она повернула ко мне лицо и молча глядела на меня широко раскрытыми глазами, но я видел, что мысли ее где-то очень далеко...

— Ты думаешь, что... бессмысленно любить... — прошептала она едва слышно.

XIV

День опять стоял солнечный. Небо было без единого облачка, и когда мы с Катариной и Альберди отъезжали от института, я пожалел, что должен возвращаться в душный город.

Сеньора де Лима и Марио выехали с Боннаром четыре с лишним часа назад, как вчера и намечалось. Я виделся с ними утром. Долорес была бледна и измучена. Круги под глазами свидетельствовали о том, что последние дни она пережила немало тяжелых минут. Я знал, что она до поздней ночи просидела в кабинете у Боннара. Видимо, они до чего-то договорились без моей помощи, так как я заметил, что она стала относиться к нему с явным уважением. Перед отъездом она сказала мне, что я действительно должен как можно скорее взять иск обратно, а она постарается убедить своего мужа в правильности этого решения. Меня уже ничто не задерживало в Пунто де Виста, и мы с Катариной решили, что завезем Альберди домой и тут же поедem в столицу.

Священник не принимал участия в разговоре. Хмурый и молчаливый, он сидел на заднем сиденье, задумчиво глядя перед собой усталыми глазами.

В двух километрах от института шоссе сворачивало влево и постепенно поднималось в гору, к холму, на склонах которого раскинулось селение. Солнце светило здесь прямо в глаза, и его свет, отраженный от нагретой поверхности дороги, слепил глаза. Я потянулся за темными очками, когда Катарина неожиданно воскликнула:

— Смотри!

По шоссе в облаке пыли двигалась толпа людей. Они шли навстречу нам плотной массой, занимая все полотно шоссе, а над их головами колыхались какие-то цветные предметы или транспаранты. Вскоре мы уже могли различить, что это были церковные хоругви с ликами святых и божьей матери.

Я немного сбавил скорость, внимательно рассматривая приближавшуюся толпу. В первой группе людей какой-то плечистый атлет нес на длинном шесте крест. Большинство мужчин было вооружено палками и лопатами, а кое-где на солнце блестели мачете и даже ружья. Женщины шли в основном по обочине шоссе, как бы сопровождая мужчин. Детей почти не было, если не считать нескольких подростков, опережавших шествие.

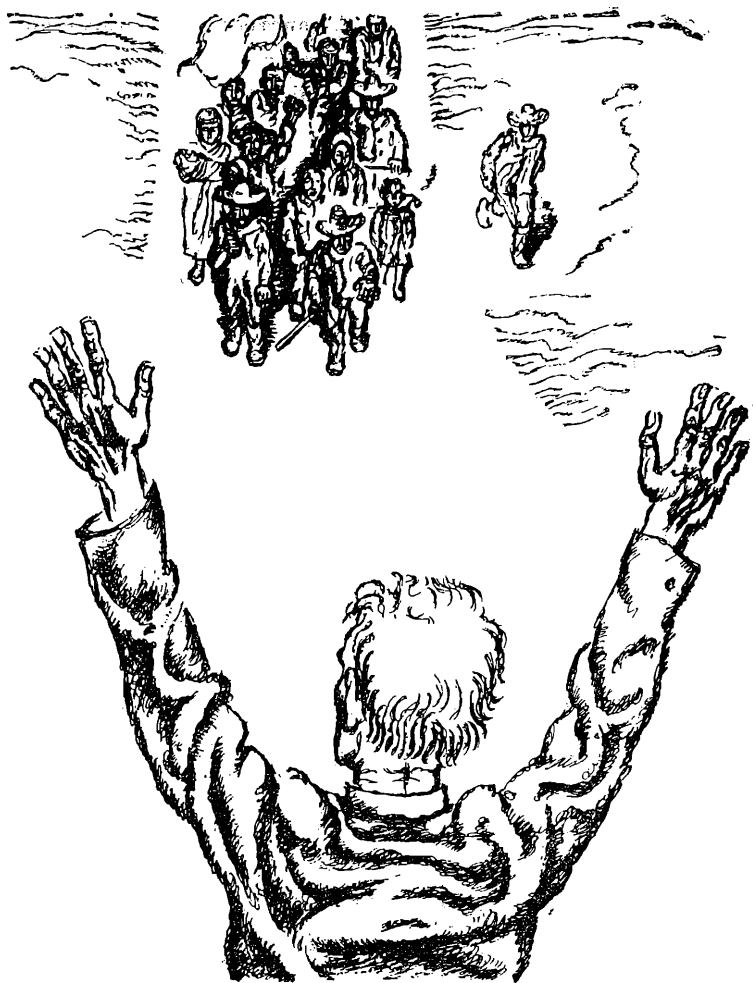
Расстояние быстро уменьшалось, так что мне пришлось сбавить скорость.

— Стой! — неожиданно крикнула Катарина. — Падре, вы видите?!

Я остановил машину на середине шоссе. Толпа с враждебными криками бросилась нам навстречу.

— Боже! Боже! — услышал я за спиной отчаянный голос священника.

— Поворачивай! — приказала Катарина. Но прежде чем я успел развернуться, Альберди открыл дверцу,

выскочил на дорогу и побежал навстречу приближавшимся, что-то крича и размахивая руками.

Появление священника вызвало в толпе явное замешательство. Шедшие впереди даже приумолкли, на лицах можно было увидеть удивление, если не радость. Однако толпа продолжала двигаться вперед и наконец плотной массой окружила Альберди, а спустя минуту и нашу машину.

Встреча со священником как бы разрядила обстановку. Он не был нам виден в толпе. Сквозь говор и гул мы слышали только его голос, но понять, что он говорит, было невозможно.

Постепенно шум начал стихать. Все больше голосов призывало к тишине.

— Пусть говорит! Пусть говорит падре! Тихо! Тихо!

Неподалеку от нашей машины усилилось движение. Альберди проталкивался сквозь толпу в нашу сторону. Немного погодя он был уже у машины, вошел в нее и по заднему сиденью забрался на плоскую крышку багажника. Теперь он возвышался над толпой, видимый отовсюду.

— Тихо! Тихо! — опять послышались голоса.

Альберди водил глазами по лицам. Было видно, что он пытается сосредоточиться. Наконец он поднял руку и, сотворив крестное знамение, начал медленно говорить, словно произносил давно выученную проповедь.

— Во имя отца и сына и святого духа!

— Аминь! — прошел по толпе шепот. Стоявшие ближе женщины попытались упасть на колени, хотя в толпе, окружавшей нас, было очень тесно.

— Да хранит вас господь от злых мыслей и поступков! — сурово начал священник. — Хвала ему, что я мог встретить вас вовремя и призвать к спокойствию! Не знаю, кто вам сказал, будто меня опутали злые силы...

Теперь-то вы сами видите, что это неправда! Я стою перед вами живой и здоровый... и говорю вам: не верьте лживым словам!..

— Но вы, падре, там были? Правда? — неожиданно прорезал тишину крик из толпы.

— Был! — сказал Альберди довольно спокойно. — И, как видите, ничего со мной не случилось! Я уже не раз говорил вам: не верьте наивным и глупым... Скажите тем, кто говорил вам о знамениях на небе, что они им приснились! Я был с вечера до утра у Барта и могу вас уверить, что никаких сатанинских знамений не видел и никто никаких кар на наше село послать не хочет и не может. Только мы сами можем навлечь на себя заботы и несчастья!..

— А то, что говорил Игнацио, сын Диего? Это тоже неправда? — снова послышался вопрос.

Сквозь толпу пробился широкоплечий молодой метис. Встав у самого капота машины и повернувшись к Альберди, он громко подавал реплики, чтобы их слышали остальные:

— Ваше преподобие, скажите, как было с Игнацио?

— А что он такого рассказывает? — спросил священник, видимо, пытаясь выиграть время. Однако в его голосе можно было уловить не очень хорошо скрытое беспокойство.

— Ведь вы, падре, лучше знаете... — послышался откуда-то сбоку другой мужской голос. — Ведь вы, ваше преподобие, сами отвезли Игнацио к сеньору полковнику и слышали, что и как... о той душе... Ну, вы же знаете, ваше преподобие.

— Вы, святой отец, на нас не гневайтесь за то, что мы спрашиваем... — вставила стоявшая поблизости женщина. — Мы только хотим знать, как было дело...

— Это правда, что у Барта души человеческие заточены в клетки?.. Что они бьются, словно птицы, и просят живых о спасении?

— Человек не может ни минуты жить спокойно, пока эти бесовы отродья измываются над душами человеческими...

— А правда, ваше преподобие, будто душа того, которого из могилы вынули, напрасно просит смириться над ней?..

Вопросы сыпались один за другим. Гул усиливался.

Альберди изменился в лице, все более волнуясь. Необходимо было немедленно нейтрализовать возрастающее возбуждение толпы, но он, казалось, не замечал серьезности положения.

К счастью, а может к несчастью, инициативу взял в свои руки молодой метис, тот, что задал первый вопрос. Он вскочил на багажник и, встав рядом с Альберди, гаркнул во весь голос:

— Тихо! Не орите! Дайте его преподобию говорить!

Толпа немного успокоилась.

— Падре нам скажет! — сказал метис, обращаясь к Альберди и одновременно к стоявшим внизу женщинам и мужчинам. — Падре никогда не лжет! Вы же знаете! Его преподобие скажет нам, как все было!

Альберди смотрел на меня глазами, полными напряжения и беспокойства. На его щеках выступили красные пятна.

— Не знаю, поймете ли вы то, что я скажу, — наконец произнес он. Голос его дрожал. — До сих пор человеческая душа после смерти пребывала исключительно в руце божией... И пребывает! Только он имеет над ней власть. Молитвой можно ей помочь. Только молитвой! Непоспешимы пути господни! Множество необычного на этом свете делается, но не всегда то, что кажется на

первый взгляд святотатством и низостью; действительно направлено против бога. Вы спрашиваете, что происходит в институте Барта? Я не собираюсь от вас ничего скрывать! Там совершенно удивительное! То, что еще никогда не встречалось в мире. Действительно, там сумели сохранить душу человека, дабы могла она общаться с живыми людьми, хотя тело его умерло и превратилось в прах.

По толпе пробежал ропот.

Катарина судорожно впилась пальцами в мою руку, и я увидел, что она с ужасом смотрит на Альберди.

— Однако это сделано не с помощью сатаны, а силой человеческого разума, — продолжал священник, постепенно беря себя в руки. — Просто люди все лучше познают тайну, которая до сих пор была исключительно уделом бога. Я не хочу этим сказать, что они делают это наперекор желаниям бога! Повторяю! Неисповедимы пути Провидения!.. Не нам вмешиваться в эти дела.

— Слышите, люди, что говорит святой отец?! Все это чистейшая правда! — крикнула из толпы какая-то женщина.

— Убили человека, а душу его в клетке держат! — истерически выкрикнул кто-то.

— А теперь сына его хотят убить! Игнацио говорил... Он там!

Толпа опять заволновалась. Отовсюду неслись негодующие выкрики. Возбуждение росло.

— Успокойтесь! Вы не поняли, о чем я говорю! — кричал Альберди.

Но толпа уже не собиралась успокаиваться.

— Я буду говорить! Слушайте! Успокой их! — обратился Альберди к метису. Но юноша только развел руками и, даже не пытаясь утихомирить толпу, соскочил с машины.

— Люди! Мы здесь стоим, а там мучают христианские души! — душераздирающе кричала какая-то женщина.

— Пусть его преподобие ведет нас!

— Нет! Нет! — отчаянно кричал Альберди. — Не слушайте, что они говорят! Не двигайтесь с места!

— Слышите? Падре говорит, чтобы мы шли!

— Чего стоите! Скорее! Скорее!

Толпа явно напирала. Сначала поодиночке, потом все большими группами женщины и мужчины двинулись к повороту шоссе.

— Стойте! Стойте!

Толпа двигалась, обходя нашу машину и стоявшего на ней священника.

— Стойте! Заклинаю вас именем Христовым! — кричал Альберди охрипшим голосом.

Но его уже никто не слушал.

Дорога перед нами опустела.

Священник соскочил на землю. Мгновение он стоял, глядя на удалявшихся людей, потом вдруг словно пришел в себя и кинулся в машину.

— Поезжайте за ними!

Я включил зажигание. Уже начал поворачивать, когда Катарина схватила меня за руку.

— Нет! Это бессмысленно. Вам их уже не задержать. Где ближайший полицейский пост?

— За церковью, у шоссе!

— Поезжай как можно скорее!

Такой сумасшедшей езды Пунто де Виста, пожалуй, еще не видело. За какие-нибудь три минуты мы были на месте.

Деревня была пуста.

В небольшой каменной постройке, где помещался полицейский участок, было тихо. Дверь была закрыта, но

Альберди принялся стучать в дом командира песта, расположенный позади полицейского участка.

Нам казалось, что прошло много времени, прежде чем дверь открылась и на пороге появилась худая невысокая женщина в фартуке.

— Ах, это вы, ваше преподобие, — неуверенно сказала она.

— Где муж? — спросил Альберди.

— Больной... лежит с утра...

— Подождите меня здесь! — бросил священник в нашу сторону и быстро вошел в дом, провожаемый беспокойным взглядом хозяйки.

Женщина закрыла дверь, а мы с Катариной остались на крыльце.

— Если этот болван действительно болен... — вздохнула Катарина. — Тут важна каждая минута.

Я взглянул на часы.

— Толпа доберется до института не раньше чем через семь — десять минут. Если бы мы немедленно выехали, то могли бы еще успеть.

— А вдруг этот тип начнет отнекиваться? Да еще пока Альберди вытащит его из постели... Боюсь... Очень боюсь, что может быть уже поздно! Наверное, лучше было бы самим туда ехать...

Катарина нервничала все больше.

— А может, мы сгущаем краски? — попытался я хоть немного ее успокоить. — Сомневаюсь, чтобы они пробовали ворваться в помещение института. Пожалуй, побоятся. Самое большее, закидают дом камнями, выбьют несколько стекол...

— Нет... Нет... — возразила Катарина, сдерживая нервную дрожь губ. — Это серьезнее, чем вчера. Если Альберди не удалось их остановить, значит, они пойдут на все. Да Сильва, видимо, неплохо подготовил почву.

— Так ты думаешь, это его рук дело?!

— Несомненно! Жаль, что мы не поехали прямо в институт. Можно было бы предупредить... Забаррикадировать вход... Там сейчас не больше пяти человек... Не знаю, есть ли им чем обороняться. И попытаются ли они применить оружие... Это ужасно... Это я виновата... — она нервно взглянула на часы. — Когда он, наконец, выйдет?!

— Успокойся! Еще успеем! А ехать сразу не было смысла. Боюсь, мы вообще не проехали бы. Они могли нас не пропустить. Не знаю, есть ли туда другая дорога...

— Прошло уже четыре минуты... Что он копается? Они уже, наверное, там!

Она подошла к двери и постучала. За дверью что-то шевельнулось, но никто не открывал. Катарина стала колотить кулаком — на пороге опять появилась женщина.

— Его преподобие велели сказать, что уже идут, что сейчас будут, — опередила она наш вопрос. — Подождите еще минуту.

— Я больше не могу... Поехали одни, — еле сдерживалась Катарина.

К счастью, на крыльце появился Альберди в сопровождении сержанта полиции, того самого, который присутствовал при эксгумации. Полицейский поспешно застегивал мундир.

— Едем! — бросил нам Альберди. — А вы сейчас же звоните. И как можно скорее — в институт! — обратился он к сержанту, который уже открыл дверь участка.

— Будьте спокойны, ваше преподобие. Я знаю свои обязанности, — заверил полицейский.

— Оп с нами не едет? — заволновалась Катарина.

— Он поедет на мотоцикле. Ему нужно вызвать подкрепление. Он совсем один. Его подчиненные на обходе...

— А на него вообще можно положиться? — спросил я Альберди, садясь за руль.

— Думаю, да. Правда, с его болезнью дело темное, но сейчас он, пожалуй, отдает себе отчет в ситуации. К сожалению, один он не справится.

— Прежде чем они подоспеют, все уже будет кончено... — волновалась Катарина.

Я резко взял с места.

— Едем в «Каса гранде»!.. — с трудом сказал Альберди.

— В «Каса гранде»? — вскочила Катарина.

— Это единственный шанс... Только да Сильва может их задержать, если захочет... — глухо проговорил священник.

XV

Ворота были закрыты. На непрерывные гудки вышел привратник и без единого вопроса раскрыл огромные ажурные створки, впуская нас во двор.

У дверей уже ожидал слуга, который тут же проводил нас в гостиную и сообщил, что «сеньор полковник просит передохнуть и подождать, так как в данный момент он очень занят». Я сказал ему, что должен повидаться с хозяином дома немедленно по очень срочному делу, но в ответ получил лишь вежливый поклон.

Напрашивались серьезные опасения, что да Сильва намеренно тянет и мы зря теряем драгоценное время. Однако хозяин явился точно через две минуты после ухода слуги, как я заметил по часам. Он был, как обычно, полон галантности и улыбок.

— Я очень рад, что вижу вас, — сказал он таким тоном, словно действительно не мог нас дожидаться. — А особенно рад, что сеньорина вновь навестила мою хижину. С того момента, когда мы виделись последний раз, произошло столько... Кажется, это было так давно... А вы обещали заехать...

— Простите, но мы по очень срочному делу! — резко прервала Катарина излияния хозяина. — Ваши люди организовали нападение на институт имени Барта. Если в вас есть хоть капля благородства, вы не допустите преступления!

Да Сильва проглотил комок.

— Но... Это какое-то недоразумение... Мои люди? Это невозможно. Вы ошибаетесь, сеньорина.

— Двадцать минут назад мы встретили на шоссе толпу жителей Пунто де Виста, подстрекаемую вашими людьми. Они могут уничтожить уникальную аппаратуру, может быть, даже совершить убийство... Впрочем, вы отлично знаете, что происходит, полковник! Нельзя терять ни минуты!

— Это печально... Это весьма печально... Мои работники и арендаторы... Увы, откуда я могу знать, что они делают? Если я стану интересоваться всем...

— Кончим с пустословием! — неожиданно взорвался Альберди. — Я видел Пабло Матиасса, Лукаса Валлейо и даже Родригеса. Это они подзуживали людей...

— Если это правда, они будут сурово наказаны.

— Не притворяйтесь! Вы должны немедленно приказать им прекратить это безобразие.

— Но каким образом я могу это сейчас сделать?

— Вы прекрасно знаете. Ведь вы, безусловно, поддерживаете с ними постоянную радиосвязь...

Да Сильва с ненавистью посмотрел на священника.

— Прошу вас отвечать за свои слова! Я заявляю, что ничего не знаю ни о каком нападении на институт. Что же касается моих арендаторов, то действительно, — в глазах да Сильвы появились злые искорки, — это люди примитивные, суеверные, полные предрассудков... Но это не моя вина, а ваша! — сказал он с нескрываемой иронией. —

Я даю им только работу, жилье... Моя сфера действий — материя, а не душа...

Альберди пошатнулся, будто его ударили бичом, нервно сжал кулаки, и я думал, он кинется на хозяина, но они только впились друг в друга взглядами, не сделав ни шага, словно вросли в землю.

И все-таки Альберди первым опустил глаза. Его голова склонялась все ниже, а на лице да Сильвы появилось выражение торжества.

— Я... вас прошу, полковник... — с трудом прошептал священник.

Да Сильва молчал.

Катарина в отчаянии взглянула на меня.

— Не отказывайтесь, — обратилась она к да Сильве каким-то странным, изменившимся голосом. — Уверюем вас — это не подвох. Никто из нас троих не собирается мешать вам, если только вы предотвратите эксцессы. Я знаю, вы нам не верите. Но ведь никто не будет знать, что вы причастны к этому. У нас не будет никаких доказательств...

Хозяин бессильно развел руками.

— Чем я могу помочь? Прежде чем я туда доеду...

Катарина не спускала глаз с да Сильвы. Я видел, как каждое движение его лица наполняет ее то страхом, то надеждой.

Это длилось довольно долго, наконец хозяин не выдержал.

— К сожалению, я бессилён... — сказал он, отводя глаза.

Катарина с ненавистью взглянула на да Сильву.

— Если вы откажете, то... то... — она не докончила.

Да Сильва насупил брови. Но прежде чем он успел что-нибудь ответить, я вклинился в разговор.

— Я думаю, сеньор полковник сделает все, что сможет. Я не хотел допустить нового обострения разговора.

— Не сгущаете ли вы краски, — да Сильва вдруг изменил тон. — Ведь мы не знаем, добрались ли вообще эти люди до института. А может быть, они вернулись... Или просто выбьют несколько стекол и разойдутся по домам.

— А если они ворвутся внутрь? В лабораторию...

— Насколько я знаю, профессор Боннар сегодня уехал из института. Его видели утром в Пунто, а потом на шоссе, ведущем в столицу. В машине были сеньора де Лима и Марио.

— Речь идет не о них. В институте остались несколько сотрудников... Ведь сегодня воскресенье... А если они попытаются сопротивляться толпе? Не говоря уже о разрушении аппаратуры. Понимаете ли вы важность экспериментов, проводимых профессором Боннаром?

Да Сильва с интересом смотрел на Катарину.

— К сожалению, этого я не знаю, — вздохнув, сказал он. — Но мне очень интересно... Ведь вы провели там ночь...

— Кончим, наконец, эту игру! — нервы Катарини не выдержали. — Сеньор да Сильва! Неужели вы не понимаете, что вам от этого все равно не будет никакой выгоды? Даже если... — она осеклась, словно испугавшись собственных мыслей.

Да Сильва слегка улыбнулся.

— Вам очень к лицу это святое возмущение, — сказал он почти беззлочно. — Несмотря на все, советую вам — берите пример с сеньора адвоката. Он среди нас наиболее разумный и скажет вам, что любое обвинение, высказанное в присутствии свидетелей, должно быть подтверждено фактами, иначе оно может обернуться против обвиняющего...

Продолжение разговора действительно не имело смысла, а время шло.

— Едем! — сказал я, вставая. — Сеньор полковник постарается сделать все, что в его силах...

— Разумеется, я попытаюсь... Я сейчас же пошлю несколько человек, — подхватил да Сильва. — Убедительно прошу вас, сеньорина, простите мою бестактность... — поклонился он Катарине.

Она ничего не ответила и, отвернувшись от него, словно не замечая, поспешила за Альберди к выходу. Хозяин молча шел следом.

У самой двери он деликатно взял меня за локоть, задерживая на пороге.

— Благодарю вас, сеньор адвокат. Я не ошибся в вас, — сказал он шепотом, пожимая мне руку. — И присматривайте за Долорес. Она должна молчать!

Я резко вырвал руку и сбежал по ступеням на площадку.

Катарина и Альберди уже сидели в машине.

Я взял с места и, проехав на полной скорости через ворота, повернул на дорогу.

Я был зол на да Сильву, на Долорес, на Альберди, Боннара, на весь мир. А прежде всего на самого себя. Как, собственно, могло случиться, что я позволил впутать себя в эту адскую интригу? А может быть, я зря нервничаю? Может, да Сильва в этот момент соединяется по радио со своими людьми? Может, понял, что это бессмысленно?..

Катарина думала о том же.

— Вы думаете, он предотвратит разбой? — услышал я за спиной ее слова, обращенные к Альберди.

— Не знаю... — тихо ответил тот. Он был совершенно разбит.

Я гнал машину. Наконец-то шоссе! Мы спускались с небольшой возвышенности. Сейчас институт будет виден.

Вдруг сердце у меня сжалось. Над лесом вздымалось в небо облако темного, плотного дыма.

Значит, да Сильва не успел. Да, очевидно, и не пытался. Пожар, по-видимому, начался еще тогда, когда мы ждали полковника. Он прекрасно знал об этом...

Мы обогнали грузовик с солдатами. В придорожных кустах то и дело мелькали какие-то люди, шедшие в противоположном нам направлении.

— Скорее! Скорее! — подгоняла меня Катарина.

В воздухе уже чувствовался запах гари, а облако дыма висело высоко над нашими головами. Подъехав ближе, мы увидели, что левое крыло дома не охвачено пожаром. Но из главного входа и разбитых окон второго этажа над холлом валил густой дым.

Я остановил машину метров за тридцать до здания института. Толпы не было. Только несколько человек, вероятно сотрудников, бегало вокруг дома.

По другую сторону дороги, недалеко от боковых ворот, какая-то девушка перевязывала голову окровавленному мужчине. Рядом стоял начальник полицейского поста со своим помощником.

Мы подбежали к ним. Я узнал раненого — это был тот молодой индеец, который впустил нас вчера вечером.

— Что с Браго? — У Катарини в лице не было ни кровинки.

Индеец непонимающе взглянул на нее.

— Они ворвались... сразу... туда... вниз... Должно быть, они знали. У них был с собой бензин... Я пытался их задержать... — с трудом прошептал он.

— Мы успели в самый раз, — хвастливо сказал сержант. — Нам даже не пришлось применять оружия. Они

сразу же разбежались. К счастью, ограбить дом они не успели. Несколько человек ранено. Ну и сеньор доктор... — показал он на индейца. — К счастью, никто не погиб. Человеческих жертв не было!

— Не было... — глухо повторил Альберди.

Я непроизвольно взглянул на разбитые двери холла. Клубившийся из них дым становился все прозрачнее.

I

Сразу же после старта, как только ракета вышла из плотных слоев атмосферы, Тин покинула кабину гиперконтроля, чтобы выпить в баре апельсинового сока. Около буфетной стойки к ней подсел тот самый болтливый молодой человек, шумное поведение которого привлекло всеобщее внимание еще в холле Веронского порта ТКР.

— Капитан! Мне кажется, мы с вами где-то встречались, — бесцеремонно попытался он начать разговор.

— Сомневаюсь, — холодно ответила Тин, вынимая бумажный стаканчик из зажима автомата.

У нее не было ни малейшего желания завязывать подобного рода знакомства. Да и что еще она могла ответить?

Однако это не остановило назойливого пассажира.

— Я уверен, что встречал вас где-то, причем недавно. Не были ли вы в феврале на Тимене? Знаете, на этом плавучем острове?

— Нет.

— А может быть, месяц назад на весенних играх в Бетельгонге? Я там останавливался в...

— Меня не было в это время на Земле, — мягко, но решительно прервала она.

Молодой человек принадлежал к числу упрямых.

— Тогда, может быть, просто где-нибудь в полете? Вы давно водите машины на этой линии?

— Всего неделю.

- А раньше?
- Полгода вообще не летала.
- Можно узнать, почему?
- Нельзя.

Такая настойчивость начинала действовать Тин на нервы. И хотя ее положение обязывало к вежливости и терпению, она не выдержала и дала понять, что разговор окончен.

Но и это не помогло.

— Извините, пожалуйста, — ничуть не смутившись, снова заговорил он. — Если уж я вобью себе что-нибудь в голову, то хоть убей. А шесть месяцев назад где вы летали, капитан? Не на линии Сан-Франциско — Владивосток?

Тин задумалась.

— Может быть... Не знаю. Не помню, — ответила она машинально и почти сразу же почувствовала беспокойство: не сказала ли лишнего? А если этот человек действительно видел ее где-нибудь год или два назад? Это невозможно — сейчас же поняла она всю нелепость такого предположения. Даже если бы он и видел ее раньше, то как смог бы узнать теперь? Ведь профессор уверял, что этого не может случиться. Здесь, несомненно, ошибка.

Незнакомец тоже замолчал. Может быть, он раздумывал над несколько странным ответом Тин? А может быть, продолжал перебирать что-то в памяти?

Тин бросила пустой стаканчик в корзину и отошла от буфета-автомата. Она хотела позвонить Джору, чтобы он прилетел за нею в порт. Однако, прежде чем Тин успела выйти из бара, болтливый пассажир соскочил с табурета и остановил ее на полпути.

— Теперь я знаю, где видел вас! — воскликнул он так громко, что взгляды нескольких пассажиров устремились на Тин.

Она ощутила неприятный озноб.

— Этого не может быть, — сказала она неуверенно и лишь потом спросила: — Где?

— На Желтом Якубе, у Алла, — ответил он с явным удовольствием.

Она не способна была решиться на что-либо большее, чем голословное отрицание.

— Этого не может быть, — повторила она.

— Я был там две недели назад и определенно видел вас. Помню еще...

— Это совершенно исключено, — она старалась говорить спокойным, безразличным голосом.

— Так вы меня не знаете?

— Нет.

— Я — Ган, Фери Ган из телевизионных новостей.

— Это ничего мне не говорит.

Лицо молодого человека явно выражало разочарование, однако уже через мгновение его сменила торжествующая усмешка.

— Ну да, конечно. Это вполне возможно. Но у Алла вы все-таки были?

Тин не любила врать. Во лжи для нее было что-то унижительное, противоестественное, какое-то насилие над собою. Когда она однажды поделилась этим с Джором, он высказал предположение, что, по-видимому, в ее прошлой жизни с ложью были связаны тяжелые переживания. Действительно ли это так, она никогда не узнает, да и не захочет узнать. Разрозненные мертвые картины того мира навсегда останутся для нее лишенными всякого смысла. Именно так и должно быть.

Но что же ответить сейчас на вопрос назойливого пассажира? Она знала, что не будет лгать, а говорить правду не хотелось.

— Это какое-то недоразумение, — поспешно ответила она, пытаясь скрыть замешательство неискренней улыбкой. И не дожидаясь новых вопросов, вышла из бара.

— Так это вы и есть знаменитый Фери Ган? — услышала она позади себя молодой женский голос. — Я представляла вас иным...

Двери бесшумно закрылись, оборвав для Тин разговор в баре. Беспокойство ее росло. А что если этот молодой человек знает о ней не только то, что она была на Желтом Якубе?

Ей захотелось услышать продолжение разговора. Она пыталась подавить в себе это желание, но ноги, казалось, сами несли ее. На пороге своей кабины она снова заколебалась, но только на мгновение.

Вот уже на маленьком экране появилось изображение бара. Несколько пассажиров собралось перед буфетным автоматом. Повернув регулятор стереозвука, Тин услышала голос назойливого молодого человека:

— ...тогда я решил полететь на Желтый Якуб. Однако Алла не проведешь. Он раскусил меня уже через несколько минут, даром что я, могу сказать не хвастаясь, обвел вокруг пальца всех его профессиональных церберов. Да это и не удивительно. Алл человек действительно необыкновенный. В области психологии и нейрофизиологии нет гениальнее специалиста. Да, наверное, и не было! Кто с ним не знаком, не может себе представить, что это за человек! Так что, хотя моя поездка на Желтый Якуб и закончилась неудачно, я не жалею. Это стоило пережить!

— А я думал, что вы были у Алла на лечении, — сказал несколько разочарованным тоном пожилой представительный бразилец с черной, прекрасно сохранившейся шевелюрой.

— Этого еще не хватало! — рассмеялся Ган. — Разве я хотя бы слегка напоминаю кандидата в самоубийцы?

Я только играл роль пациента, чтобы как можно дальше проникнуть в глубь санатория. Три года я охотился за этой темой. Другие пробовали — безрезультатно. А почему бы и мне не попробовать? Если бы мне повезло, это было бы немалым успехом. Мое наивысшее достижение — я обнаружил лодку Петерса на глубине 10 000 метров — мелочь по сравнению с Желтым Якубом. Однако ничего не поделилась, не вышло. Я не записал и одного метра пленки. Аппарат у меня отобрали с самого начала. Конечно, в камеру хранения. Кстати, я и так был под непрерывным наблюдением. Едва я сумел пробраться в отделение для выздоравливающих, как меня тут же забрали обратно в центральный корпус. Я даже не успел обмолвиться словом ни с одним из пациентов.

— Но ведь вы только что утверждали, что разговаривали с нашим капитаном, — вмешалась в разговор дочер-на загоревшая блондинка с певучим славянским акцентом.

— Я совсем не говорил этого. Просто я видел ее в отделении для выздоравливающих на Желтом Якубе. Она прогуливалась по парку в обществе какого-то мужчины, довольно красивого, но по возрасту годившегося мне, пожалуй, в отцы.

— Она тоже могла бы быть вашей матерью, — рассмеялась девушка.

— Ну и что из этого? — возмутился бразилец. — Зато она такая оригинальная! Я бы сказал — у нее необычная красота.

— Говорят, хирурги Алла — настоящие виртуозы, — несколько язвительно заметила полная, стареющая англичанка.

— Я слышала, что лечение у Алла имеет успех именно благодаря этим хирургическим операциям, — добавила блондинка.

— Сплетни. Вдвойне сплетни, — горячился Ган. — Во-первых, Алл занимается только теми, кто действительно нуждается в его помощи. А о том, нуждается ли кто-то в такой помощи, лучше всего знает он сам. Ни деньги, ни протекция не играют на Желтом Якубе никакой роли. Во-вторых, кандидатов в пациенты не так уж много. И не только потому, что на Желтый Якуб трудно попасть. Прежде всего очень немногие знают, в чем сущность экспериментов, проводимых в институте Алла. Да и это, собственно говоря, всё еще эксперименты! О Желтом Якубе ходит много слухов, и трудно разобраться, где правда, а где вымысел. И просто боятся...

— Чего можно бояться? Нет, Ган, вы преувеличиваете, — с недоверием сказала блондинка. — Просто операции Алла еще не модны, вот и все. Когда они войдут в моду, кандидатов будет хоть отбавляй.

— Сомневаюсь, чтобы могло дойти до того.

— А это действительно что-то вроде самоубийства? — спросила англичанка.

— Несомненно, по существу это самоубийство.

— И самоубийства могут войти в моду, — перебила де-вушка. — Особенно такие.

— Может быть... — кивнул Ган. — Однако не следует все упрощать. Прежде всего, кандидатов в самоубийцы никогда не будет много; а потом, мода должна опираться на конкретные примеры. Ведь основа моды — подражание. Здесь же подражать трудно, поскольку никто не хвастается тем, что был на лечении у Алла. Вот вам пример — наш капитан.

— Она, кажется, по меньшей мере стыдится этого, как раньше стыдились венерических заболеваний, — засмеялась блондинка.

— Скорее — пребывания в психиатрической больнице, — поправил Ган. — Но причины следует искать не

только в этом. Такие люди, очевидно, в жизни ощущают страх перед миром, как затерявшиеся в толпе незащищенные дети...

Тин пришло в голову, что она, пожалуй, несправедливо расценила намерения болтливового молодого человека. Вероятно, то, что она сочла нахальством и наглостью, было лишь проявлением непреодолимой любознательности.

— Почему Алл окружает свои работы такой таинственностью? — после продолжительного молчания отозвался бразилец. — На эту тему ходят разные слухи...

— Это довольно сложный вопрос. Как мне кажется, причина заключается прежде всего в желании максимально сохранить в секрете все, что касается его пациентов. Среди них могут быть, как гласит людская молва, люди широко известные, пользующиеся большой популярностью, которые любой ценой хотят избежать огласки самого факта, что они лечились у Алла. Кроме того, не каждый может себе позволить космическое путешествие — на вертолете до Желтого Якуба не долетишь!

На пульте радиоцентра загорелась сигнальная лампочка, одновременно в кабине раздался приглушенный звонок. Тин вынуждена была выключить телевизор и перейти на связь с Землей.

Ракета пролетела уже более половины пути и, поднявшись над Индийским океаном на 1900 километров, теперь со скоростью более 5 километров в секунду пологой дугой спускалась вниз, к невидимому еще континенту Австралии. Сиднейский порт сообщал о значительном усилении метеоритного дождя в южном полушарии в период между 4.20 и 4.37 по универсальному времени. Речь шла об акваридах, рой которых встретился с Землей как раз в мае. Тин не удивилась этому сообщению — со времени катастрофы «Леопарда» станции назначения обязали сигнализировать о каждой, даже самой незначительной,

опасности на трассе. Вероятность столкновения с метеоритом, разумеется, была весьма мала, тем не менее требовалась повышенная бдительность. Поблагодарив метеорологическую станцию за прогноз, Тин вновь включила телевизор. Пассажиры в баре все еще продолжали говорить о Желтом Якубе.

— Дело в том, — с жаром разглагольствовал Ган, — что раньше потерю памяти-вызывали только путем физического повреждения мозга или по крайней мере резким нарушением его физиологических функций с помощью физических или хирургических средств. Предполагали даже, что никогда не удастся уничтожить энграммы памяти. Проблема идентификации и ликвидации отдельных произвольно избираемых энграммов, то есть отпечатков памяти в мозгу, казалась абсолютно безнадежной.

— Понимаю, — подхватил бразилец. — Если в «записи» участвует большинство клеток...

— И все же опасения оказались преждевременными, — продолжал Ган. — Некоторые участки коры головного мозга более восприимчивы к воздействию «импульсов памяти», чем остальные. В коллективе Алла родилась идея, искусственно вызывая электрические колебания...

Снова загорелась сигнальная лампочка, и пришлось перейти на связь с Землей. Однако на этот раз вызывала не метеоритная станция, а Джор запрашивал Тин через Сиднейский порт ТКР.

Едва увидев на экране его улыбающееся лицо, она забыла, что лишь минуту назад с неохотой нажимала кнопку переключателя. Она не помнила уже ни о Желтом Якубе, ни о профессоре Алле и его экспериментах, ни о странном молодом человеке, фамилию которого знал весь мир, а ей она была неизвестна... Был только Джор, его глаза и теплый низкий голос. Когда она вслушивалась в полные скрытой нежности слова, исчезало гнету-

щее чувство одиночества. Она больше не казалась себе такой чужой и потерянной в огромном, незнакомом мире, угнетающем своими размерами и задающем ей на каждом шагу десятки тревожных загадок и тайн, которые для миллиардов людей не были ни загадками, ни тайнами. Шесть дней назад Тин начала работать на межконтинентальной линии Сидней — Верона. Почти ежедневно — чаще всего на половине пути, когда было больше свободного времени, — она связывалась с Джором, чтобы обменяться с ним хотя бы парой слов. Они никогда специально не договаривались, и все же сегодня, когда обстоятельства заставили ее забыть о звонке домой, он вызвал ее сам. Жаль только, что он звонил через порт ТКР, а не через радиопереговорный пункт общего пользования. Она чувствовала себя скованно, зная, что автоматы в порту регистрируют каждое слово. Поэтому она решила не упоминать пока о Фери Гане.

Джор всегда был очень сердечным и жизнерадостным. Но на этот раз Тин заметила, что он как-то необычно возбужден. Оказалось, что он думает о новом замысле «Южного солнца» и все утро просидел на пляже с этюдником. Он с таким оживлением говорил о своих планах, что даже не обратил внимания на новую прическу Тин. Это ее немного раздосадовало, потому что во время часового перерыва между первым и вторым рейсами она специально слетала в Париж, чтобы сделать ему сюрприз. Но разве можно было обижаться на него — ведь он хотел в первую очередь поделиться с ней тем, что сейчас без остатка заполняло его мысли. Заканчивая разговор, он обещал, что будет ждать ее в порту и они вместе пойдут обедать во Дворец мечтаний. Она была так обрадована, что совершенно забыла о Гане. Неприятное чувство беспокойства бесследно исчезло. Какое ей дело до назойливого пассажира и его расспросов...

До посадки оставалось еще двенадцать минут. Работа реактивных двигателей усилилась. Ракета с каждой секундой снижала скорость. Автомат вел машину к цели, непрерывно контролируя и корректируя ее движение. График пути почти идеально совпадал с указанным в инструкции.

Тин снова включила телевизор и, нажимая кнопки, «путешествовала» по кораблю, проверяя кабину за кабиной. Пассажиры, сидя в креслах, дремали или смотрели телевизионные передачи. Человека два-три разглядывали в окне вырастающий на глазах австралийский континент.

В баре она увидела только Гана и светловолосую девушку. Молодые люди, стоя у буфета, продолжали оживленно болтать. При виде их Тин вновь почувствовала неясное беспокойство. Почти инстинктивно она включила стереозвук.

— На кого не подействовало бы ваше красноречие? — услышала она смех девушки.

Этот комплимент явно доставил Гану удовольствие.

— Небольшой опыт у меня есть, — сказал он с притворной скромностью. — Но эта женщина была невероятно дисциплинированной особой. Как, впрочем, все сотрудники Алла. Она не хотела мне ни в чем помочь, отказывалась отвечать на вопросы о самых элементарных вещах. Не удалась даже попытка сыграть на ее самолюбии. О своей работе она не сказала ни слова.

— Может быть, ей нечем было похвастаться?

— Сомневаюсь. На Желтом Якубе коллектив научных сотрудников подобран весьма тщательно. Эта молодая девушка была выдающимся специалистом в области нейрофизиологии.

— Но в конце концов вам удалось хотя бы что-то из нее вытянуть?

— Немногое, но и это кое-что значит. Язык у нее развязался только тогда, когда я, чтобы ее спровоцировать, подверг сомнению необходимость экспериментов Алла.

— Это интересно...

— Я бил наугад. Сказал, что Алл своими экспериментами делает людей несчастными. Моя собеседница возмутилась до глубины души и заявила, что как раз наоборот — Желтый Якуб является первой в мире «фабрикой счастья»... Я назвал это необоснованным хвастовством — ведь нет никаких доказательств того, что люди покидают Желтый Якуб более счастливыми, чем они были перед тем, как прилетели на этот искусственный спутник. Тогда-то она в первый и последний раз разговорилась и поведала мне одну очень интересную историю.

— Может быть, вы мне ее расскажете? Я умею хранить секреты.

Ган взглянул на часы.

— У нас есть еще шесть минут. История эта короткая. Я не знаю ни фамилий, ни каких-либо подробностей. Так вот, один из сотрудников Алла как-то раз случайно познакомился с женщиной, находившейся в состоянии глубокого душевного кризиса. Оказалось, что причиной этого был довольно типичный не только для нашего времени семейный конфликт. Вначале ее замужество было счастливым. Но потом что-то изменилось. Все чаще дело доходило до размолвок, вызываемых ее ревностью. Ревность эта была, как оказалось, небезосновательной, поскольку в конце концов выяснилось, что «другая» действительно существует. Однако оба они были людьми чуткими. Муж понимал, что жена страдает, будет очень тяжело переживать разрыв, й... не мог на него решиться. Она же испытывала угрызения совести от того, что он мучается, не решаясь уйти к той, которую любит. И так далее, и так далее... Мелодраматическая дилемма.

— Смешные люди...

— Возможно, но это свидетельствует одновременно о весьма утонченных чувствах. Во всяком случае, она была уже близка к тому, чтобы покончить с собой, что в наше время случается редко. Удержало ее только одно — боязнь, что ее смерть отравит ему жизнь, что он будет постоянно терзаться. Видите, что значит настоящая любовь? И тогда как избавление появился этот сотрудник Алла. Не знаю, откуда он узнал об этой истории. Призналась ли она ему сама? — Наверное, нет. Может быть, через какого-нибудь знакомого?.. Впрочем, это не важно. Достаточно того, что этот случай отвечал экспериментальным требованиям Алла, поскольку речь шла не об обычном изменении чувств и о каком-то обезличивающем лечении. Женщина хотела забыть о своем неверном супруге. К счастью, у них не было детей, что облегчало дело. В институте Алла из ее памяти удалили не только то, что было связано с личностью ее мужа и их семейной жизнью, но и — чтобы предотвратить возможность новых встреч и случайных конфликтов — конкретизированные личные воспоминания всей ее жизни. Одновременно с помощью пластической хирургии черты ее лица были изменены так, что после перемены фамилии эту женщину не мог бы узнать никто из ее старых знакомых. Последним этапом лечения был ускоренный четырехмесячный курс переобучения пациентки для подготовки к новой жизни. Эта женщина стала прямо-таки новым человеком, совершив как бы «психическое самоубийство».

— Значит, все-таки в слухах есть немалая доля правды? И вы предполагаете, что наш капитан тоже перенесла подобную операцию?

— Да, об этом говорит все. Но это еще не конец истории, которую мне рассказала сотрудница Алла. Это, собственно, только первый акт трагикомедии, — продолжал

Ган. — Представьте себе, что неверный муж через некоторое время также прилетел на Желтый Якуб! Бедняге не повезло... Новая жена бросила его через несколько недель, и он решил последовать примеру своей первой жены. Не знаю, был ли он в отчаянии, потеряв вторую жену, или просто ему надоела жизнь, которую он вел до сих пор, но он тоже решил совершить «психическое самоубийство». Алл знал, кто он, и у него родилась идея поистине дьявольского эксперимента. После операции незадачливого супруга направили в то же самое отделение для выздоравливающих, где находилась его прежняя жена. Конечно, они ничего не знали друг о друге и встретились как совершенно чужие люди. Неизвестно, в какой степени Алл организовал дальнейший ход событий. Факт остается фактом — они быстро сблизились, стали неразлучны, а после возвращения с Желтого Якуба, кажется, поселились вместе как новая супружеская пара.

— Но они знают о том, что...

— Конечно, не знают. Откуда же? Им ведь никто не может об этом сказать. Разве что только сам Алл или его сотрудники. В этот период на Желтом Якубе было соединено несколько пар...

— И они счастливы?

— Говорят, что очень. Так по крайней мере утверждала сотрудница Алла.

— А разве вы не узнали хотя бы, кем они были раньше? Какова была его или ее профессия?

Продолжительное гудение прервало разговор — автопилот сигнализировал посадку.

— Займите, пожалуйста, места в креслах! — прозвучал из громкоговорителей приказ. Одновременно на пульте перед Тин загорелась лампочка сигнализатора.

— Станция ТКР-322! Полоса АВ-3. Безаварийная?

— Безаварийная! — подтвердила Тин.

— Сойдите с линии!

— Выключаю!

Ракета заколебалась в воздухе и мягко села на высунувшиеся из корпуса амортизаторы.

Тин нажала кнопку автомата, открывающего главный люк, и встала с кресла. Несколько мгновений она задумчиво смотрела на мертвое табло гиперконтроля, потом встряхнула головой, как бы отгоняя неприятные мысли.

Машинально вынув из ящика автомата кассету бортжурнала, она медленно направилась к двери.

II

Белая видла утопала в сочной зелени. Уже издалека сквозь ветви деревьев Тин заметила серебристый корпус ионтера, стоящего на небольшой площадке перед домом.

Она поспешно взбежала по лестнице. Еще у двери ее оглушили резкие звуки какой-то старой джазовой симфонии.

В расположенной в мезонине мастерской среди разбросанных на полу больших листов бумаги сидел на корточках Джор. Он был в одних брюках, его загорелая спина казалась еще темнее на фоне разноцветных пятен красочной композиции.

— Джор! — голос Тин потонул в оглушительных звуках музыки.

Она подошла к стене и выключила приемник.

Джор поднял голову и посмотрел на Тин отсутствующим взглядом. Потом быстро вскочил с пола и подбежал к ней.

— Уже приехала? — воскликнул он радостно. — Ты приземлилась раньше? Почему ты мне ничего не сказала?

— Приземлилась по расписанию.

— Как? — удивился он и торопливо взглянул на часы. — Уже 15.16?

— Я думала, что ты прилетишь за мной.

— Ох, где моя голова? — сказал он искренне расстроенный. — И ты меня ждала?

— Ждала...

— А я так увлекся, что... совершенно позабыл обо всем на свете... Видишь? — показал он рукой на яркие эскизы. — Новая трактовка! Совершенно новое решение!

— Вижу. Очень интересный замысел, — несколько сухо ответила она и сразу же попыталась это исправить: — Действительно прекрасная идея!

Однако Джор почувствовал нотку неискренности в ее голосе.

— Тебе не нравится? — спросил он обиженно.

— Нет, нет... — возразила она поспешно. — Хеб был прав — прежняя композиция была слабее. Эта мне нравится больше. Конечно, над ней следует еще поработать. Но в ней уже что-то есть. Особенно вот этот фрагмент...

— Это будет «Утро».

— Оригинально ты вписал в композицию это женское лицо. Необычный профиль. Пожалуй, только слишком деформирован...

— Это еще только эскиз... Но мне показалось, — снова заговорил он, — что вначале у тебя были какие-то сомнения...

— Н-нет... Нет. Просто мне было неприятно, что ты не прилетел за мной.

— Какой же я глупец! Но ты не обижаешься на меня? — он обнял Тин за плечи так, чтобы не запачкать ладонями ее платья, и поцеловал в шею. Она прижалась головой к его груди, тихо сказала:

— Разве я могу на тебя обижаться? Нам так хорошо вместе. Мы ведь никогда не расстанемся, правда? Скажи!

Он удивленно посмотрел на нее.

— Что это вдруг тебе пришло в голову?

— Ничего. Ничего... Все же очень много значит иметь на свете близкого человека, очень близкого, которого ты любишь и который любит тебя...

— Это и есть счастье, — сказал он, целуя ее в губы.

— Скажи мне, как ты нашел новое решение? — снова заговорила она через минуту уже о работе Джора. — Ты говорил, что на пляже...

— Да, да... Утром позвонил Хеб и сказал, что комиссия отклонила проект. Я очень расстроился. Чтобы как-то успокоиться, пошел искупаться. И вдруг, сам не знаю почему, меня осенило сместить основной аспект композиции в левый нижний угол северной стены. Потом уже мысли рождались одна за другой...

— А это лицо?

— Именно лицо... Я встретил на пляже девушку. Необычный профиль. Посмотри в этюднике, он там, на столике, а я пока вымою руки.

Он пошел в ванную. Тин села в кресло, рассматривая рисунки.

Из двадцати с лишним эскизов, сделанных в это утро, более чем две трети изображали одну и ту же молодую женщину. В основном это были рисунки головы, хотя встречались наброски и в полный рост. Девушка была очень стройной, но особенно привлекали ее сияющие радостью глаза. Она не отличалась классической красотой, но как бы олицетворяла собою буйную, всепобеждающую юность.

— Я снял ее киноаппаратом, — бросил Джор, останавливаясь за спиной жены. — Можешь убедиться, как она выглядит в жизни.

— Ты даже снял ее?

— Тебя это удивляет?

— Нет, по-моему, модель воистину необычная.

Она в задумчивости смотрела на эскизы.

— Что мы знаем об окружающем нас мире?..

— Почему ты заговорила об этом именно сейчас?

— В Веронском порту и здесь, в Сиднее, все считают меня опытным капитаном, — продолжала она, не отвечая на вопрос. — Это смешно. Мой настоящий жизненный опыт, опыт, который я могу связать с конкретными, относящимися к определенному событию воспоминаниями, охватывает всего лишь неполных пять месяцев. Из них почти четыре месяца — пребывание на Желтом Якубе. Это нелепо, правда, Джор?

Джор сел рядом с Тин и нежно взял ее за руку.

— Это в тебе говорит обида. Я никогда не видел тебя в таком состоянии. Скажи, что тебя расстраивает?

— Не знаю... Так что-то нахлынули на меня мысли о том, что все-таки... плохо не знать о себе... всего.

— Что вдруг на тебя нашло? Ты же понимаешь, что это не имеет никакого смысла.

— Я всегда боялась, что может прийти день, когда я начну жалеть...

— О чем? Ты говоришь вздор.

— Алл утверждал, что у нас никогда не появится желания узнать о той жизни. Его машины внушили нам это. Но он не смог предусмотреть всего...

— Это ребячество, наивное любопытство.

— Нет. Это нечто большее. Это неуверенность...

Он со страхом посмотрел ей в глаза.

Внизу неожиданно раздался звонок видеофона.

— Это, наверное, Хеб, ко мне, — сказал Джор, вставая. Тин тоже встала.

— Приготовлю обед.

Она прошла в столовую и, достав несколько банок консервов, заложила их в кухонный автомат. Когда она вы-

нимала наполненные тарелки, в дверях появился Джор. Его глаза светились радостью и возбуждением.

— У нас вечером будет гость, — с таинственным видом сказал он. — Ты даже не сможешь угадать кто.

Она ощутила в горле неприятную спазму.

— Кто-нибудь от Алла?

— Нет. Ты знаешь, кто такой Фери Ган?

Она чуть не уронила на пол тарелку.

— Знаменитый телерепортер. Его называют Кишем * нашего времени. Он, несомненно, заинтересовался моим «Южным солнцем». Это человек, который может сделать меня знаменитым художником, если только захочет написать что-либо о моих работах или сфотографировать их.

— Ты думаешь, что он решил посетить нас в связи с тем, что увидел твои картины в Весенней Галерее?

— А почему еще?

— Этот человек был на Желтом Якубе.

Джор не понял смысла слов Тин.

— Ну и что же? Если Алд обратил его внимание на меня — тем лучше. У нас будет еще одна причина быть благодарными профессору.

Было бы жестоко развеять иллюзии Джор.

«А стоит ли вообще говорить ему о подслушанном разговоре?» — подумала она устало. — «Может быть, так лучше?»

III

Фери Ган приехал в 20 часов. Он был, как всегда, красноречив. Посмотрев красочные эскизы к старому и новому проектам «Южного солнца», он высказывал свои

---

* Эгон Эрвип Киш (1895—1948) — чешский писатель, один из наиболее выдающихся репортеров мира.

замечания с большим знанием дела и, несмотря на скупость похвал, полностью завоевал симпатии Джора. Он тоже обратил внимание на необычное лицо девушки с пляжа. Ни о Желтом Якубе, ни о цели своего визита он не обмолвился в мастерской ни словом, и Тин с беспокойством ждала момента, когда они сядут ужинать.

Она не ошиблась. Ган хотел войти в доверие к Джору, чтобы вызвать его на откровенность. Однако она не ожидала, что он поставит вопрос так открыто и в то же время ловко, что Джор сам поможет ему.

— Не знаю, догадываетесь ли вы, чем вызван этот мой визит к вам, — сказал он, когда они сели за стол. — Волей случая я летел на той же ракете, которую вели вы, капитан, и вспомнил, что видел вас на Желтом Якубе. Не пытайтесь это отрицать, так как я видел там также и вашего мужа и абсолютно уверен в этом. Все, что связано с работами Алла, чрезвычайно интересует меня. В управлении порта я узнал, где вы живете и кто ваш муж. Скажу откровенно — и прошу вас не сердиться на меня за это, — что в основном я хотел говорить с вами о Желтом Якубе. Однако теперь, когда я увидел ваши работы, положение коренным образом меняется.

— Слушаю, — Джор неуверенно взглянул на гостя.

— Я готовлю цикл телерепортажей под рабочим названием «Портреты людей нашего времени» и, если вы разрешите, представлю в них эволюцию вашего «Южного солнца». Я отнюдь не считаю первоначальный проект стенных панно для Радужного Дворца плохим или слабым, как вы это утверждаете. Ему недостает только того, что связывает все элементы в единое целое. Именно этого вы и достигли в своем новом варианте композиции. Я хотел бы на конкретном примере показать зрителям рождение и преобразование творческого замысла в жизни художника. Вопрос о Желтом Якубе я целиком оставляю в стороне.

Я знаю, что все возвращающиеся из санатория Алла не любят об этом говорить. Поэтому я не буду вытягивать из вас никаких признаний, поскольку это было бы нечестно с моей стороны. Позволите ли вы время от времени прилетать к вам, чтобы с киноаппаратом наблюдать за вашей работой?

— Конечно, я буду очень рад, — с нескрываемым удовлетворением ответил Джор. — А что касается Желтого Якуба, то мы действительно неделю назад приехали оттуда. Там как раз и родилась моя первая идея «Южного солнца». Этот заказ достал для меня Алл. Кстати, мы ничего не имеем против, если вы будете расспрашивать нас о пребывании на Желтом Якубе. Мы расскажем вам все, что можно. Правда, Тин?

Она кивнула, подумав одновременно: «Какой же Джор напивный».

— А разве профессор не обязал вас сохранять тайну? — спросил Ган.

— Ну, конечно, само собой разумеется, что некоторые факты не должны стать общеизвестными.

— Значит, вы соглашаетесь на опубликование некоторых ваших высказываний?

Джор смешался.

— Смотря каких и в какой форме.

— Об этом вообще нелегко говорить. Особенно нам, — вмешалась в разговор Тин. — Проблема не в публикации. По-видимому, этого не понять тем, кто сам не был на лечении у Алла.

— Я уже сказал, что не хочу ничего у вас выпытывать.

— Да нет, пожалуйста, спрашивайте, — ободряюще сказал Джор. — Я вас слушаю.

— Я не буду утомлять вас сегодня. Может быть, в другой раз при случае, когда прилечу записывать. Меня

интересовали бы только некоторые ваши впечатления. Например, действительно ли в вашей памяти ничего не осталось из прежних воспоминаний? Хотя бы детских?

— Смотри каких. У нас нет упорядоченных конкретных воспоминаний, которые относились бы ко времени более шести месяцев назад. Однако это не значит, что у нас нет вообще никаких воспоминаний. Например, я помню стихи или какую-нибудь химическую формулу... И знаю, что эти стихи я декламировал в каком-то большом светлом зале, полном молодежи, а изображение формулы — большие черные буквы — кто-то проецировал на белый экран. Но это только обрывок, фрагмент, лишь одна сцена, причем как бы в тумане. Я помню также своих родителей, но только их поведение, нежность, очертания фигур. Их лиц я не представляю себе. Если бы я увидел фотографию своих родителей, то не уверен, смог ли сказать, кто это...

— Это очень напоминает обычную забывчивость, — заметил Ган. — Я тоже многие события помню, как в тумане. Не могу представить лица тех или иных людей или даже не узнаю их на фотографиях. А ведь я не был на лечении у Алла, и мне всего 26 лет.

— Однако у вас, кроме этих отрывочных, частично стершихся воспоминаний, есть и воспоминания конкретные, упорядоченные, четкие. А у нас их нет совершенно. Моя жена, например, великолепно знает конструкции космических кораблей, разбирается в астрономии, физике, химии, математике, но не могла бы воспроизвести в памяти, где, при каких обстоятельствах она изучила все это. Она хорошо знает географию, более того — помнит, что бывала в том или ином городе, но когда, с кем — все это как бы стерто в извилинах ее мозга.

— Как проходила эта операция? Вы что-нибудь помните?

— Почти ничего. Мне только известно от одного из сотрудников Алла, что во время операции я был в сознании. Человек находится как бы в состоянии гипноза. Врач приказывает ему думать о том или ином, а когда эта мысль появляется, аппаратура, стирающая память, автоматически создает что-то вроде контрколебаний, гасящих информацию. Одновременно происходит утрата сформированных в мозгу комбинаций нервных соединений. Я получаю задание думать, допустим, о своем родственнике, которого очень хорошо знаю. Я вспоминаю, например, его лицо, и под воздействием контрколебаний оно стирается в моей памяти. Врач вновь предлагает мне думать о нем. Я вспоминаю те сцены моей жизни, которые связаны с ним, и тотчас же они расплываются в моей памяти, как и его лицо. Я помню о нем все меньше и меньше, пока, наконец, совершенно перестаю что-либо о нем знать. И теперь называемое врачом имя не вызывает у меня никаких ассоциаций, разве что лишь случайные, фонетические. В памяти в этом месте возникла пустота.

— Но все же что-то остается, хотя бы имя, фамилия неизвестного теперь лица, называвшаяся во время операции?

— Нет. Позднее устраняется также и воспоминание о самой операции.

— Говорят, одновременно прививается нежелание к поискам следов прошлой жизни и даже к разговорам на эту тему?

— Весьма возможно. Моя жена еще ощущает какую-то травму в этой связи. Она существует где-то в подсознании, и когда человек старается путем самоанализа извлечь ее наружу, его охватывает все возрастающее беспокойство. Я тоже вначале ощущал это весьма сильно, но теперь уже в значительной мере сумел справиться с этим

чувством. Лишь иногда, очень редко, случается, что я переживаю нечто вроде шока...

— Технически такое состояние, по-видимому, вызвать очень просто, — заметил Ган. — Ведь когда в цепи нейронов преобладают, скажем, колебания с частотой шесть циклов в секунду, человек испытывает неприятные ощущения, такие же, как в жизни в минуты опасности. Спокойной атмосфере напряженной работы соответствуют колебания с частотой двадцать четыре цикла в секунду.

Тин посмотрела на Гана с неприязнью. Ей захотелось охладить его ораторский пыл, хотя бы из-за Джора.

— Все это совершенно естественно, — сказала она равнодушным тоном. — Существует тесная связь между чувствами и колебаниями электрического потенциала в цепи нейронов. Достаточно сформировать электрическую структуру памяти таким образом, чтобы определенные мысли путем резонанса вызывали такие неприятные колебания.

— Я вижу, что вы разбираетесь не только в ракетах, — заметил репортер.

— Этот вопрос немного интересовал меня, однако это не меняет того факта, что каждая попытка возвращения к прошлому вызывает у меня именно такие неприятные колебания...

Казалось, Ган не заметил намека.

— Если можно, я еще спрошу вас кое о чем. Ваш опыт, капитан, показывает, что, очевидно, вы летали и до лечения, в прошлой жизни. Это, пожалуй, не подлежит сомнению. А вы, Джор, тоже когда-то были художником? Если да, то ведь картины, которые вы писали до потери памяти, должны носить ту же печать вашей личности, что и написанные теперь?

— Не знаю. Наверное, так должно быть.

— Разве мог ваш талант развиваться только сейчас, в течение нескольких месяцев после операции?

Джор задумчиво смотрел в чашку.

— Вы хотите узнать, — произнес он дрогнувшим голосом после некоторой паузы, — можно ли найти мои картины того времени в какой-либо галерее или частной коллекции?

— Да, — Ган пристально вглядывался в лицо художника.

— Этого я не знаю. Не искал и, видимо, не буду искать. Знаменитостью я наверняка не был. Возможно, просто писал для своего удовольствия, как любитель.

— И вы не помните ни одного из своих произведений?

Джор сидел, опустив голову на ладони. Казалось, что он разглядывает поверхность стола, но на самом деле глаза его были закрыты. Мускулы стиснутых челюстей нервно дрожали.

Тин поднялась с кресла. Она больше не могла владеть собой.

— Прошу вас, не спрашивайте об этом, — воскликнула она раздраженно.

Ган, смешавшись, встал.

— Извините, пожалуйста. Я не знал, что... — он неуверенно замолчал. — Я, пожалуй, пойду.

Джор также встал. Лицо его побледнело.

— Это я должен извиниться, — сказал он изменившимся голосом.

— Мне не следовало заводить разговор... — начал репортёр и снова не договорил. — До свидания.

— До свидания, — тихо сказал Джор. — Вы к нам приходите еще... Через несколько дней...

Тин проводила гостя до дверей.

— Мне очень жаль, — еще раз сказал Ган.

— Извините нас, — ответила Тин и вдруг порывисто схватила Гана за руку: — Теперь я хочу задать вам один вопрос. Но только ответьте со всей откровенностью.

— Обещаю.

— Слышали вы о супружеской паре, которая распалась и которую снова соединил Алл?

— Слышал.

— Это мы?

— Нет. Кажется, нет, — с удивлением ответил репортер и во второй раз за этот вечер почувствовал, что совершил какую-то страшную ошибку...

IV

На следующий день, возвращаясь из Вероны в Сидней, Тин напрасно ждала звонка от Джора. Из упрямства она решила, что сама не станет ему звонить. И хотя по мере приближения к Земле она нервничала все больше, решения своего не изменила. Однако, к ее удивлению и радости, серебристый ионтер СМ-37 218 ожидал на крыше автолокационной станции. Джор был сердечнее обычного. Он начал объяснять, почему не позвонил через центральный пункт связи порта ТКР, как будто это было его обязанностью.

— Я все утро рисовал. Потом мне пришлось полететь на строительство Радужного Дворца, и я смог вырваться только перед самым приземлением твоей ракеты, — говорил он, заглядывая ей в глаза. — После выхода на посадку звонить нельзя, так что...

В мастерской Тин застала еще больший беспорядок, чем обычно. Эскизов на полу стало, наверное, вдвое больше. Смелые и необычные по своему стилю и сочетанию красок, они поражали взгляд каким-то сумасшедшим и в то же время чарующим танцевальным ритмом. Не было недостатка и в новых набросках головки девушки с пляжа, как включенных в эскизы композиции, так и выполненных

на отдельных рисунках. Внимание Тин привлекли две работы, изображающие обнаженную женскую фигуру.

— Я вижу, сегодня ты опять рисовал эту девушку, — бросила она с показным безразличием.

— Да, я пригласил ее в мастерскую.

— Так она была здесь?

— Но ведь не мог же я заставить ее позировать мне голой на пляже, в общественном месте, — ответил он со смехом.

— Ну да, — кивнула она в задумчивости.

Больше она не возвращалась к этой теме и лишь утром, перед самым отлетом, когда он поцеловал ее на прощание, сказала с мягким упреком:

— Не приводи эту девушку в наш дом.

Он был поражен.

— Почему?

— Я прошу тебя об этом, — коротко ответила она и сбегала по лестнице в стартовый туннель.

Этот день был, наверное, самым тяжелым во всей ее шестимесячной новой жизни.

Как накануне, Джор не позвонил. Правда, он встретил ее в порту, но на этот раз ни словом не обмолвился о своих утренних занятиях.

Несмотря на его старание говорить теплым, спокойным тоном, Тин ощущала в голосе Джор какое-то беспокойство. Дома он показал ей несколько новых красочных проектов, развивающих вчерашнюю тему.

— Рисовал ты сегодня эту девушку? — не могла удержаться от вопроса Тин. Он смешался, как мальчик, пойманный на месте преступления.

— Рисовал, — пробормотал он после паузы.

— Она была здесь?

— Нет. Только на пляже.

— Где эти листы?

Он подошел к шкафу и вынул из папки несколько цветных рисунков. Машинально просматривая их, она видела, что он беспокойно поглядывает на нее.

— Почему ты спрятал от меня эти рисунки? — спросила она с холодным укором. Он мрачно смотрел сквозь стеклянную стену на сверкающий среди зелени корпус нонтера.

— Я боялся, что... ты опять будешь недовольна, — ответил он после продолжительного молчания.

— И то хорошо, — бросила она с иронией.

Он взглянул на нее и неестественно рассмеялся.

— Неужели ты ревнуешь?

— У меня есть на это основания.

— Что ты выдумываешь? Ведь это же только модель!..

— Хотелось бы мне верить тебе.

— Твои опасения смешны! Ведь я гожусь этой де-вушке в отцы!

— Это ничего не значит! Может быть, именно так началось и тогда...

Он был совершенно растерян.

— О чем ты говоришь?!

Она не могла больше скрывать того, что уже несколько дней наполняло ее все возрастающим беспокойством. Коротко она рассказала ему о подслушанном разговоре Гана с пассажиркой ракеты и о том, что она услышала от репортера в холле.

— Ган не отрицал категорически, — сказала она в заключение. — А это значит, что он просто не хотел портить того, что создал Алл. Он не хотел разрушать наше счастье! Однако он слишком честен, чтобы обманывать нас.

Джор воспринял эту новость удивительно спокойно.

— И все же твои подозрения необоснованны. Скорее мне нужно обижаться, что ты скрывала от меня свои огорчения. Как же можно было так легко поддаться вну-

шению? Неужели ты думаешь, что я изменю тебе сейчас только потому, что я уже якобы сделал это когда-то?

— Существуют врожденные подсознательные склонности, более сильные, чем память о людях или событиях.

— Не возражаю, бывает. Но разве это обязательно должно касаться нас? Прежде всего я даже не могу допустить мысли, что существуют факты, свидетельствующие о том, что та пара — это мы. Ведь на Желтом Якубе познакомились также Зоя и Толь, Фис и Хедо... Сказанного Ганом еще недостаточно для таких выводов.

— Одна только неуверенность может отравить счастье, — вздохнула Тин. — К сожалению, есть и факты, говорящие о том, что мы, видимо, знали друг друга уже много лет. Откуда я, например, узнала, что ты не выносишь устриц?

— Это не доказательство! Многие не любят устриц. Кто-то близкий в твоей прежней жизни тоже с отвращением относился к устрицам. Это воспоминание ты подсознательно перенесла на меня.

— А как ты объяснишь, что я часто заранее чувствую, что ты скажешь, как поступишь?

— И это тоже ничего не значит! Твои доказательства надуманны.

— А можешь ты мне объяснить, почему я могу рассуждать об искусстве и разбираюсь в живописи?

Джор задумался.

— Это, действительно, довольно странно, — ответил он после продолжительного молчания. — А не может ли это быть делом случая?

— Редкий случай... В моей прошлой жизни я была инженером-конструктором, а может быть, как и сейчас, капитаном межконтинентальной ракеты. Я не проявляю никаких способностей к рисованию, даже не люблю рисовать, но могу отличить хорошую картину от мази,

знаю, где допущена композиционная ошибка, в чем заключается слабость игры красок и полутонов.

— Развитая способность восприятия прекрасного!

— Вот именно! Развитая! Где? Когда? Почему? Кем? Откуда столь обширные познания в технике живописи? Откуда берутся в моей памяти туманные воспоминания о каких-то больших полотнах, с каждым днем меняющих свой внешний вид, преображаемых рукой художника? Почему я гораздо меньше разбираюсь в музыке, театре, литературе?

Джор молчал.

— Ты, может, скажешь, что мой отец был художником, — продолжала Тин, — что я навещала друзей-художников? Что человек может разбираться в искусстве, ничего не создавая сам? Да, это вполне вероятно, но менее правдоподобно, чем то, что я была женой художника. Это совпадение фактов и предположений наводит на размышления. На очень серьезные размышления!

Он поднял взгляд на Тин.

— Допустим даже, что наши подозрения оправдаются, что мы действительно являемся той неудачной супружеской парой, которую Алл соединил для эксперимента, — разве сознание этого обязательно и неизбежно должно разрушить наше счастье?

— Должно! Я не смогу так жить! Не смогу жить в непрестанном страхе, что завтра может снова повториться то, что было когда-то... Даже если бы ты старался не давать мне поводов для опасений, сама жизнь — против твоей воли — создаст их тысячи... Этого достаточно для того, чтобы я сама разрушила все прекрасное, что есть в нашей совместной жизни. Я не хочу, чтобы ты страдал из-за меня. Если наши подозрения небезосновательны, то нам лучше забыть друг о друге.

— Так какой же ты видишь выход?

— Мы должны узнать правду. Через три дня с пермского космодрома отправляется грузовая ракета на Желтый Якуб... Я полечу к Аллу.

V

Желтый Якуб не поддерживал с Землей регулярного пассажирского сообщения. Лишь изредка на этот искусственный спутник направлялись небольшие грузовые ракеты или один из сателлоидов, принадлежащих институту Алла, перевозил научных сотрудников и пациентов. Поэтому попасть в институт было не так-то легко, но Тин работала в «Объединенных транскосмических линиях», а как бывшая пациентка Алла она без труда получила разрешение профессора.

Алл принял ее в своем личном кабинете в тот же день, когда она прибыла на Желтый Якуб.

— Ну что ж, вы требуете от меня правды? — сказал ученый, выслушав рассказ Тин. — Старая пословица гласит, что каждый — кузнец своего счастья. Но кузнечному делу тоже надо учиться. Вы говорите, что предпочли бы забыть о муже, чем жить в неизвестности. Значит, новый побег? Еще один... А потом, возможно, еще один...

— Не знаю, — тихо ответила Тин.

— Так чего вы от меня по-настоящему хотите? Слов утешения? Это банально, если не сказать наивно. Вы хотите иллюзии? Но разве этого достаточно? Вам бы хотелось, чтобы мы создали здесь несокрушимые основы счастья? Это утопия. Прочную основу счастья строит только сам человек! Никто этого за нас не сделает.

— Однако Желтый Якуб называют «фабрикой счастья»!

— Так, может быть, вы хотите, чтобы мы удалили из вашего сознания чувство ревности к мужу? Наверное, нет.

Или, скорее, чтобы мы создали в его подсознании определенное предубеждение ко всем женщинам, за исключением вас?

Тин неуверенно посмотрела в глаза профессора.

— Вижу, что такое решение вам бы подошло. Однако мы не можем дать никакой гарантии, что эта душевная травма не отразится отрицательно на его творчестве. Согласились бы вы на это?

— Нет. Я этого не хочу! — быстро возразила она. — Это слишком дорогая цена!

Алл сердечным движением взял Тин за руку.

— Возвращайтесь-ка на Землю и крепко берегите свое счастье... Оба берегите.

Она умоляюще посмотрела на ученого.

— Все же я хотела бы знать...

Лицо Алла омрачилось.

— Можете успокоить своего мужа, что доктор Риед отнюдь не о вас говорила Ферри Гану.

— А... А могли бы вы мне... — начала Тин нерешительно и умолкла.

— Так, так! — покачал головой профессор. — Вы хотите доказательств? Хорошо. Он был экономистом. Преподавал в одном из европейских высших учебных заведений, она также была научным работником. Требуете ли вы еще каких-либо подробностей?

— Нет. Я верю вам. Только... — она заколебалась.

— Так что-то еще осталось?

— Не знаю... Может быть, то, что я сейчас скажу, покажется вам глупым... с трудом продолжала она. — Может быть, это — лишь обостренная чувствительность. Но я начинаю жалеть о той жизни. Так, как будто я потеряла что-то очень ценное... Еще недавно я не отдавала себе в этом отчета, но теперь я знаю, чувствую... Позади меня как бы пустота. Вакуум, которого я ничем не могу за-

полнить. Я боюсь, что мое теперешнее счастье — иллюзия. Или, скорее, наоборот — счастье не может быть полным и прочным, потому что его всасывает и поглощает... эта пустота...

Алл внимательно смотрел в лицо Тин.

— Пустота? — повторил он как бы про себя. — А Джор?
Тин опустила глаза.

— Еще несколько дней назад... все было по-другому... — тихо ответила она и сразу же переменяла тему, спросив:

— А вы можете вернуть мне память той жизни?

— К сожалению, нет. Трудно восстановить сожженную книгу, особенно когда ветер разнес пепел по всему свету... Нужно писать ее заново.

— Вы нигде не сохраняете, не записываете погашенных колебаний?

— Это не отдельные импульсы, а неисчислимые их комбинации, осуществляемые порою большинством клеток коры головного мозга. Вы говорите о пустоте? Заполнить ее может только новый опыт. Однако я не думаю, чтобы она сама была причиной конфликта, который вы теперь переживаете. Источники его я склонен искать скорее в неуверенности, в беспокойстве, вызванном словами Гана. Пустоту вы начинаете ощущать только тогда, когда... теряете доверие к мужу. Пустота и страх перед самой собой как бы сплетаются здесь в одно целое.

— Возможно. Но какое лекарство есть у вас против этого?

Ученый встал с кресла и начал медленно прохаживаться по кабинету.

— Мы могли бы вычеркнуть из вашей памяти все, что связано с историей, рассказанной Ганом. Но это не имеет смысла, — сказал он, остановившись перед Тин. — Рано или поздно кто-нибудь вам об этом скажет. Да это и не решает вопроса. Ведь пустота в памяти существует и при

каком-либо новом стечении обстоятельств даст о себе знать. Остается только один способ. Мы не можем восстанавить стертых в вашей памяти воспоминаний — зато мы можем заменить их. Просто можем сказать вам...

— Кем я была? Что делала?

— Вы можете даже увидеть себя на экране, услышать свой голос.

— У вас сохранилась плёнка о первых днях моего пребывания на Желтом Якубе?

Алл молча кивнул.

— Значит, я узнаю...

— И вы не боитесь? — спросил он.

— Боюсь. Но я уже больше не могу. Какой бы неприятной ни оказалась правда. И ведь если мне будет тяжело из-за этого, то вы, конечно, поможете мне... снова забыть?

— Разумеется. Вам придется, однако, решить это в течение одного-двух дней, чтобы не накопилось слишком много воспоминаний, связанных одно с другим... Вашу прежнюю фамилию мы сохраним в тайне. Разрешите также во время сеанса несколько уменьшить резкость воспринимаемых вами впечатлений. Так будет лучше. Для вас...

— Если только это заполнит пустоту...

— Несомненно.

Ученый снова сел к столу и стал просматривать пластинки картотеки. Наконец он нашел ту, которую искал, и нажатием кнопки включил видеофон.

— С-312, — назвал он номер соединения.

На экране появилось лицо японца.

— Вы не знакомы. Это наш новый коллега, доктор Си, — обратился он к Тин и, представив ее японцу, сказал:

— В архиве вы найдете кассету с теперешней фамилией Тин. Номер 211. Какая камера у вас свободна?

— VI В. Через полчаса можно начать сеанс.

Алл выключил видеофон и проводил Тин до двери.

— Значит, мы встретимся через полчаса в VI психопроекционной камере. А сейчас я советую вам пройтись по парку и думать только о приятных вещах.

— Попробую, — не совсем уверенно ответила Тин.

Закрыв за ней дверь, он еще раз соединился с доктором Си.

— Вы слышали весь разговор?

— Слышал, — кивнул японец. — Это трудный случай. К тому же нет ленты в кассете...

— Я знаю. Лента здесь, у меня в столе. Именно поэтому я и звоню. В кассету 211 вы вложите ленту из кассеты 37с. Не исключено, что она захочет просмотреть ее. Надев на нее шлем, вы включите C/4г.

— А это необходимо, профессор?

— Я думаю — да. А вы сомневаетесь?

— И часто вы вынуждены прибегать к таким средствам?

— К счастью, нет. Это лишь третий случай.

— Но ведь эта женщина прилетела сюда, чтобы...

— Вы думаете, что она хочет правды? — поспешно прервал его Алл. — Она хочет лишь избавиться от неуверенности.

— И вы считаете, профессор, что они будут счастливы?

— Не знаю. Если поверят...

— Ну а как было в действительности? Были ли они уже раньше мужем и женой?

Алл задумчиво смотрел на экран.

— Не все ли это равно? — после некоторого молчания ответил он.

П И С Ь М О

Оглушительный грохот потряс стенки каюты. Судно резко вздрогнуло раз, другой.

Ирена села на постели. Внезапно вырванная из глубокого спокойного сна, она сразу не могла прийти в себя.

— Тонем!!! — Ирена не отдавала себе отчета, был ли это отчаянный крик ее попутчицы Герды или кричала она сама. Она потянулась за чемоданом, но судно неожиданно накренилось, и она снова упала на койку. Сразу же вскочив, она бросилась к двери, инстинктивно чувствуя, что нельзя терять ни секунды.

Люди теснились у трапа. Продираясь на палубу, они сбрасывали друг друга со ступенек, били, отталкивали ногами. На полу валялись брошенные чемоданы и одежда...

Ирена побежала ко второму выходу. Но и его забила охваченная паникой толпа.

— По одному! По одному! Быстрее! — прорывалось сквозь шум.

Увлекаемая общим потоком, она не заметила, как очутилась на палубе. Здесь гул голосов перекрывал мегафон: — Всем покинуть корабль! Сбросить спасательные плоты!

Клубы едкого темного дыма выбивались из машинного отделения. Корма погружалась с неумолимой быстротой. Чьи-то руки накинули на Ирену спасательный пояс. Она

пыталась добраться до шлюпки, но в это мгновение новый толчок потряс корпус судна. Из машинного отделения вырвалось пламя.

Ирена не помнила, когда и как перелезла через поручни. Глянув вниз, она заколебалась — под ней бурлили черные, пенистые волны...

— Все за борт! Как можно дальше от корабля!!!

Задержав дыхание, она прыгнула.

Резкий холод охватил тело. В то же мгновение страх и пассивность исчезли. Быстрыми движениями рук она помогла себе выплыть на поверхность. Темный корпус корабля, гонимый сильным ветром, медленно отдалялся...

Мегафон умолк. Погасли огни. Шум моря заглушал крики ужаса и отчаяния.

Через несколько минут низкий приглушенный стон прокатился над водой. Судно затонуло.

Ирена пыталась привлечь к себе внимание криком, но голос тонул в шуме моря.

Она то судорожно плыла в поисках спасательной шлюпки, то ложилась на спину и отдыхала. Так прошло несколько часов. Беспокойство ее росло. Все чаще меняла она направление, тщетно стараясь что-то рассмотреть в темноте безлунной ночи.

Но вот на востоке начало понемногу светлеть. Близился рассвет. Теперь Ирена лишь изредка окидывала волны безразличным взглядом. Холод сковывал ее движения, а мысли сонно кружили вокруг давно минувших дел и событий. И вдруг, когда одна из волн подняла ее на свою спину, чтобы через мгновение снова сбросить вниз, Ирена заметила в воде метрах в ста от себя серую тень.

Акула!!!

Ирена стремительно бросилась в противоположную сторону, но уже через минуту поняла всю бессмысленность бегства. Закрыв глаза, она стала ждать. Томительно долго

тянулось время. Наконец, пересилив страх, Ирена оглянулась. Серая тень продолжала мелькать среди волн. Ирена заметила, что она не шевелится, а волны раскачивают ее, словно пробку.

Светало. Вместе с темнотою исчезали страх и сомнения. Теперь Ирена была уверена, что это какой-то предмет с затонувшего корабля. Когда совсем рассвело, она рассмотрела выпуклые красно-белые поплавки спасательного плота. Несколько минут — и она ухватилась за толстый канат. Ирена не медля взобралась на плот и, лишившись сил, упала на него.

Ее привел в себя приглушенный стон — на противоположной стороне плота неподвижно лежал человек. Словенно, на поплавах покоились только его плечи и голова — остальная часть тела была в воде.

Ирена придвинулась к лежащему и, взяв его за плечи, после нескольких неудачных попыток втащила на плот.

Это был невысокий, худой мужчина в пижамных брюках и спортивной куртке. Глаза его были закрыты, он тяжело дышал. Через некоторое время мужчина беспокойно зашевелился, что-то нащупывая левой рукой в складках мокрой куртки. Наконец он нашел длинный блестящий ключ, висевший на цепочке у шеи, и судорожно сжал его в руке.

Ирена сидела на краю плота, дрожа от холода.

Медленно всходило солнце. Ветер стих. По волнам забегали солнечные зайчики. Стало немного теплее. Девушка легла в углу плота. Она была так измучена, что не заметила, как заснула.

Разбудили ее палящее солнце и мучительная жажда.

Мужчина не спал. Он сидел, вытянув босые ноги, и пристально смотрел на Ирену. Его правая кисть была замочана окровавленным носовым платком. Возраст незна-

комца было трудно определить. На вид ему было лет за пятьдесят, хотя он мог быть и моложе — переживания минувшей ночи любому мужчине могли превратить в старика. Большое лицо его, казалось, было грубо вырезано из куска дерева. Такое впечатление усиливалось большим мясистым носом и узким небольшим ртом, как будто прорубленным над массивной выступающей челюстью одним ударом долота. Рот этот кривился неприятной гримасой, напоминавшей ироническую усмешку. Пристальный взгляд, устремленный на Ирену, выражал какое-то немое категорическое и настойчивое требование.

— Что вы хотите? — с трудом произнесла она по-французски.

По-видимому, он не расслышал вопроса или до его сознания не дошел смысл произнесенных ею слов. Он только нервно пошевелил губами, как бы глотая что-то. Спустя некоторое время довольно неожиданно, словно продолжая только что прерванный разговор, мужчина спросил гортанным голосом:

— Что вы сказали?

Ирена поняла, что бессмысленно повторять вопрос. Он посмотрел на свою правую руку, бессильно лежащую на краю стола, попробовал поднять кисть, но только болезненно поморщился. Поэтому она спросила:

— Может, перебинтовать?

— Чем? — слабо улыбнулся он.

Она без колебания оторвала большой сухой лоскут от своей пижамы и, придвинувшись к раненому, начала разматывать окровавленную тряпку. Когда Ирена осторожно ощупывала кисть, мужчина замер от боли. По меньшей мере два пальца были раздроблены. Однако особенно следовало опасаться того, что рана была загрязнена каким-то маслом или краской.

Ирена как можно выше завернула рукав куртки и с тревогой рассматривала руку.

— Грозит гангрена, — вздохнул он, отвечая на ее мысли. — Я знаю.

Ей с трудом удалось снять тряпку и очистить рану.

— Вы — доктор или медсестра? — морщась от боли спросил незнакомец.

Она отрицательно покачала головой.

— Я учительница.

— Учительница? — несколько удивился он. — Русская?

— Нет. Польша.

— Вы хорошо говорите по-французски.

— Я преподаю этот язык.

Он кивнул, потом спросил:

— Как вы думаете, что могло быть причиной катастрофы «Литтл Мэри»?

— Я слышала грохот взрыва.

— Что-то слишком быстро корабль пошел ко дну... Может быть, мы натолкнулись на мину? Их еще много блуждает в океане.

— Возможно. Где вы были в момент взрыва?

Мужчина не ответил. Казалось, он дремлет, прислонившись к поплавку. Глаза его были закрыты, и только время от времени он шевелил спекшимися губами. По-видимому, его мучила жажда, но, как и Ирена, он не решался попробовать морскую воду. К счастью, жара была не слишком изнурительной. Легкий ветерок немного охлаждал разгоряченные тела.

Ирена отстегнула спасательный пояс и занялась починкой одежды. Практически задача состояла в том, чтобы соорудить из уцелевших частей пижамы костюм, напоминающий одежду женщин с островов Тихого океана. Работа несколько улучшила ее настроение. «Уже могла

бы и помощь прийти», — подумала она, будучи почти уверенной, что основная опасность позади.

Встав на плоту, она расчесала рукой волосы и осмотрелась. Солнце стояло высоко. Море было спокойным, волны — сравнительно небольшими. Однако нигде не было видно ни корабля, ни шлюпок с «Литл Мэри».

Она снова села, не переставая наблюдать за горизонтом. Голод не ощущался, но жажда мучила все сильнее, тем более что жара усиливалась. Она намочила в воде обрывки пижамы, одним повязала себе голову, а из другого сделала компресс для мужчины.

— Спасибо. Я вижу, женщина нигде не теряется. Вы даже не забыли об утреннем туалете, — сказал он несколько язвительно, но в улыбке, появившейся на его губах, было больше одобрения, чем иронии. — Женщина хочет быть привлекательной даже после смерти...

Она почувствовала неприятную спазму в желудке.

— Я думаю, самое позднее к вечеру нас должны найти, — ответила она решительно.

Он взглянул на нее теплее.

— К вечеру? До вечера я выдержу. Должен выдержать!

Долгое время они оба молчали. Внезапно он заговорил, причем в голосе его чувствовалось нервное напряжение.

— Скажите, вы верите в судьбу?

— Нет. Судьбу человека определяют он сам и стечение обстоятельств.

— И все же... Неужели вы никогда не чувствовали странной, непонятной для вас и все же ощутимой направленности, я бы сказал, целесообразности в развитии событий? Делай вы что угодно для достижения поставленной цели, а все же, несмотря ни на что, стечение этих, как вы выражаетесь, обстоятельств не позволяет вам достичь

цели и втискивает вашу жизнь в какое-то заранее определенное русло.

— Это самообман. Просто человек насильно, искусственно доискивается какой-то закономерности в сплетении случайностей и собственных ошибок. Если глубже рассмотреть каждый такой случай, то мы всегда без особого труда найдем причину неудачи. Конкретную, естественную причину.

— Так вы считаете, не судьба сделала так, что я нахожусь здесь, вместе с вами, на этом плоту?

— Только случайность.

— Случайность? Да как сказать... Я очень легко мог погибнуть. Я должен был погибнуть! Я находился очень близко от места взрыва, а остался жив. Я мог утонуть, если бы мне не встретился плот. У меня нет спасательного пояса, а раздробленная кисть не очень-то помогает плыть. Даже в том случае, если бы вы не встретили этот плот, я должен был бы утонуть, потому что не имел сил взобраться на него. Вероятность подобного стечения обстоятельств столь неизмеримо мала, что в нее трудно поверить. А я все-таки жив!

— Что вы хотите этим сказать?

Мужчина несколько смешался.

— Видите ли... Я не мог погибнуть... Я не мог погибнуть! — повторил он с какой-то неестественной решимостью в голосе. — И уж по крайней мере не могу умереть в одиночестве. Потому что даже если я умру прежде, чем придет помощь, — останетесь вы!

— А какая связь ваших случайностей именно со мной?

— В данный момент нет еще никакой, — ответил незнакомец, явно стараясь говорить спокойным, деловым тоном. — Но неизвестно... может быть, уже скоро... — неожиданно оборвал он себя, как бы боясь сказать лишнее.

Ирена не ответила. Мысли ее в этот момент были далеки от того, что говорил незнакомец. По мере того, как шло время, в сердце девушки опять просыпалось беспокойство. Помощь не приходила!

Мужчина тоже молчал, глядя на волны.

— Ложитесь-ка вы лучше спать, — неожиданно сказал он, — а я понаблюдаю.

Она отрицательно покачала головой.

— Но вам трудно. Ваша рука...

— Именно поэтому я не могу спать. А вам надо отдохнуть. Спасение может прийти ночью. Еще неизвестно, что до того времени будет со мной...

Он сказал это таким тоном, что Ирена не решалась возразить.

Теперь жажда мучила еще больше. Она чувствовала также непрекращающуюся головную боль, которая все усиливалась. Зачерпнув руками немного воды, Ирена поднесла ко рту и с трудом проглотила неприятную, горько-соленую жидкость. Вода несколько не утолила жажды, но немного освежила. Смочив волосы, она легла в углу пюта.

Сон сморил ее быстро, но был беспокойным и мучительным. Ей снилось, что она борется в одиночестве с волнами, цепляясь за какие-то балки или доски с разбитого судна. Какие-то неведомые существа смотрели на нее и грозили ей растопыренными многопалыми конечностями, похожими на клубки щупалец. Они тянулись к ней, обвивая грудь, бедра, шею.

Проснувшись Ирена внезапно, дрожа от пронизывающего холода. Косые лучи солнца играли на волнах красно-золотыми искрами. До захода оставалось минут двадцать-тридцать — значит, она проспала более шести часов. Голод и жажда мучили ее сильнее прежнего. Она выпила немного морской воды, но это не принесло облегчения.

Незнакомец лежал неподвижно, глядя на солнце широко открытыми глазами.

— Как вы себя чувствуете? — спросила Ирена.

— Ничего, — лаконично ответил он, не оборачиваясь.

Она села и только теперь заметила, что он накрыл ее курткой. Это еще больше усилило противоречивые чувства, которые вызывал в ней мужчина. На первый взгляд человек этот ни своим видом, ни поведением не вызывал симпатии. Однако иногда за внешней сухостью проглядывали и сочувствие, и отеческая заботливость.

Ирена на корточках придвинулась поближе к незнакомцу и подала ему куртку.

— Спасибо.

Он обернулся и неприязненно посмотрел на нее.

— Наденьте эту куртку сами. Ночи сейчас прохладные.

— Но... — она сделала движение, как бы желая заставить его надеть куртку.

— Давайте прекратим этот ненужный торг, — оборвал он ее почти со злостью и вдруг, схватив девушку за руку, так судорожно сжал ее запястье, что она охнула от боли. — Есть дела поважнее.

Ирена испугалась. Она пыталась освободить руку, но мужчина не уступал, напряженно вглядываясь в ее лицо.

— Что вы хотите? — пробормотала она.

Незнакомец долго молчал, тяжело дыша, наконец сказал как бы с огромным усилием:

— Я хочу рассказать тебе одну историю... Необычайную историю, которую еще никто на Земле не слышал до конца...

Она смотрела ему в глаза, не в состоянии вымолвить ни слова. Он, по-видимому, заметил, что она начала дрожать, так как вдруг спросил:

— Чего трясешься? Боишься меня?

Она кивнула.

— Не бойся, — он отпустил ее руку. — Я не дикарь и не сумасшедший. Я совершенно нормальный человек. У меня просто небольшой жар, вот и все. Я должен рассказать тебе об одном событии... Вернее, об открытии, — поколебавшись, поправился он. — Я боюсь, что жар усилится. Если нас не найдут в течение одного-двух дней, я могу не дожить... У меня, кажется, заражение крови. А ты имеешь шансы спастись: ты здорова и молода... Ведь помощь придет... Должна прийти... Нас должны найти! По крайней мере тебя!

Он на минуту задумался.

— Знаешь ли ты, что значит работать над чем-то годами? За что-то упорно бороться и... не дожидаться минуты торжества? Не докончить своего дела. Отдать свой труд кому-то, кто тебе совершенно безразличен... Отдать, не имея никакой гарантии, что он сумеет понять его необычайность и вместе с тем реальность. Ведь он может счесть то, что я скажу, горячным бредом сумасшедшего. А если он даже поймет — не украдет ли он твоего открытия? Не присвоит ли себе плод шести лет отчаянной борьбы?

В словах незнакомца было столько искренности, столько горечи и бессильной жалобы, столько отчаянного бунта против слепой судьбы, что Ирена не была уверена, могут ли они быть только горячным бредом. В эту минуту незнакомец вызывал в девушке не страх, а сочувствие, смешанное с любопытством.

— Кто вы? — произвольно спросила она.

Лицо больного вновь стало внимательным и сдержанным.

— Это неважно, — ответил он с упрямой ноткой в голосе. — В свое время вы об этом узнаете. Если помощь не придет, то... от меня. А если успеют, то в течение

ближайших пяти лет вы прочтете в газетах... Во всех... Непременно во всех газетах всего мира...

Он на мгновение умолк, взглядываясь в лицо Ирены.

— Не обижайтесь, что я не скажу всего сразу, а буду рассказывать частями. Я хотел бы просить об одном. Если так случится, что я расскажу вам все или почти все, а потом нас все-таки спасут... и я выживу — забудьте то, что от меня услышите.

Он замолчал, собираясь с мыслями. Ирена намочила тряпку и стала осторожно протирать виски незнакомца.

— История эта началась одиннадцать лет назад, — начал он спокойно. — Одно предприятие, занимающееся эксплуатацией месторождений радиоактивных элементов, — как оно называется, я пока не скажу — вело по поручению правительства геологоразведочные работы в Африке, на территории... Впрочем, не важно, где. Достаточно сказать, что это был малонаселенный район с влажным тропическим климатом. Местность там гористая. Белого не встретишь на протяжении сотен километров. Это место привлекло к себе внимание во время поисков с воздуха урановых месторождений. Тогда было отмечено значительное усиление гамма-излучения над одним горным ущельем. Предполагали, что там имеются богатые залежи урана или тория. Однако наземные поиски не принесли ожидаемого результата. Правда, нашли некоторое количество тория, но вести там разработки оказалось нерентабельным. И все же во время разведывательных работ было сделано открытие, которое вызвало сенсацию, правда в очень узких кругах. Об этом наверняка кричали бы и в газетах, и по радио, если бы месторождения такого рода не имели стратегического значения и результаты всех исследований не представляли собой военную тайну. Сенсация заключалась в том, что один из рабочих, занятых «прощупыванием» земли с помощью сцинтилляционного

счетчика, нашел минерал, в котором было обнаружено значительное количество плутония, и к тому же плутония-242.

Он замолчал, ожидая, какой эффект произведут его слова, однако Ирена продолжала сидеть неподвижно, внимательно глядя на него.

— Не знаю, понимаете ли вы всю необычайность этой находки? — несколько разочарованно заговорил он. — Плутоний принадлежит к так называемым трансурановым элементам, атомный вес которых больше, чем у урана. Все трансурановые элементы — элементы искусственные, изготавливаемые человеком в атомных реакторах или с помощью ускорителей.

— Я не помню где, но я читала, что был найден природный плутоний. Поэтому я думала, что в этом нет ничего необычного.

— Да, нашли. В некоторых минералах. Но это не умаляет значения того открытия. В природе плутоний создается очень медленно, а распадается относительно быстро. Поэтому в месторождениях его можно встретить лишь в небольших количествах. Между тем в ущелье... — он запнулся. — В том ущелье, о котором я вам говорил, в минерале вулканического происхождения была найдена окись плутония в количестве, которое, казалось бы, совершенно исключало его естественное происхождение. И к тому же не плутония-239, а плутония-242. Теперь вы понимаете сенсационность открытия?..

— Понимаю, — кивнула она.

— Немедленно были организованы дальнейшие поиски. Однако лишь через два месяца на берегу ручья был найден еще один кусочек подобного минерала, несколько меньших размеров. К этому времени начали возникать и первые подозрения. Более тщательный анализ показал, что это был, собственно говоря, не вулканический камень,

а материал, созданный искусственным путем. Кажется, какой-то сплавленный песок или что-то в этом роде. Принималась во внимание и возможность космического происхождения находки — это мог быть просто метеорит. Но об этом думали недолго. Не было оснований утверждать, что плутоний-242 возник в минерале в результате самопроизвольных ядерных изменений. Урана и тория почти совсем не обнаружили. Каким же образом очищенная окись плутония могла попасть в расплавленную минеральную массу? Тогда решили, что минерал был специально приготовлен и подброшен, чтобы ввести в заблуждение экспедицию. Немедленно приехала специальная следственная комиссия. Несколько человек было арестовано. Потом задержали одного инженера, довольно пожилого человека. Следствие установило, что минерал был приготовлен и подброшен с целью дезорганизации поисков и осмеяния наших специалистов. Кое-кому обязательно хотелось доказать, что преступник или преступники действовали по поручению иностранной разведки.

Больной задумался.

— Этого инженера, — начал он через минуту, — скажем, его звали В., приговорили к десяти годам лишения свободы. Бедняга не выдержал этого и через год умер. До самого конца он ни в чем не сознался...

Некоторое время мужчина печально смотрел на поверхность плота, периодически заливаемую тонким слоем воды.

— Правда, — продолжал он, — загадка плутония-242 не была раскрыта до конца, но ввиду смерти мнимого преступника вопрос сочли решенным, а обвинения, содержащиеся в обвинительном акте, — доказанными. В печать проникли весьма скудные сведения: почти весь процесс проходил при закрытых дверях под предлогом сохранения государственной тайны.

— И все поверили, что инженер В. подбросил этот минерал?

— Не все. Хотя такое объяснение загадки и казалось единственно приемлемым, друзья инженера В. верили, что он невиновен.

Мужчина с сомнением поглядел на Ирену.

— Я лично инженера В. не знал, — сказал он, помолчав. — Но мне известно, что у него были друзья. Причем такие, каких теперь днем с огнем не сыскать. Один из этих друзей, некто Грей, был геологом, как инженер В. Он вел небольшое собственное дело. Узнав о процессе, Грей немедленно приехал. Правда, подробности обвинения были засекречены, однако кто-то из коллег инженера В. рассказал ему все. Видимо, Грей понял, что дело не легкое, потому что он не ограничился обжалованием приговора, а решил сам найти доказательства невинности друга. Он продал свое предприятие и вместе с женой поехал в Африку. Инженер В. так и не дождался их приезда. Он умер в тюрьме.

Через два с половиной года после его смерти, ровно шесть лет назад, сиделка одной из больниц в нашем городе принесла мне домой толстый конверт. Фамилия отпавителя ничего мне не говорила. Посыльная тоже знала немного. Какая-то женщина, умершая в больнице от белокровия, просила ее перед смертью вручить это письмо лично адресату. В конверте было длинное письмо, адресованное мне, десяток фотографий, карта, три плана местности, а также семь рисунков найденных предметов. Умершая женщина была женой Грея.

Незнакомец нахмурил брови. По выражению его лица было видно, что он к чему-то прислушивается. Ветер несколько усилился, и о борт дрейфующего плота мерно ударялись невысокие волны, обдавая брызгами находившихся на нем людей.

— Нет, показалось, — сказал через несколько минут незнакомец.

— Что вам показалось?

— Что раздался звук выстрела и сирена...

— Помощь уже должна прийти.

— Должна, — повторил больной, вглядываясь в серебряный серп месяца, все резче выделявшийся на темнеющем небе. Он обмакнул в воду тряпку и смочил ею лоб, потом устроился в углу плота и сделал вид, что дремлет.

Так оба молчали минут десять — пятнадцать. Затем он открыл глаза, некоторое время смотрел на Ирену, наконец с приглушенным вздохом сказал:

— Ну что ж, расскажу вам, что было дальше, после смерти Грея и его жены. Потому что Грей тоже умер. Раньше. Еще там, в Африке. Возможно, его доконал нездоровый климат или какие-нибудь тропические болезни, а может быть, что-то другое... Во всяком случае, он умер. В своем письме Грей признавался, что решить загадку ему не удалось. Он тоже нашел несколько кусочков необычной скалы, однако после тщательных исследований пришел к выводу, не отличавшемуся от вывода экспертов, что это искусственный материал. Но не поэтому он написал письмо мне, человеку, о котором знал только по научно-популярным изданиям. Дело в том, что во время бесплодных поисков месторождения этой таинственной руды он вместе с женой случайно сделал археологическое открытие, которое могло быть связано с делом инженера В. Ему необходимо было заключение специалиста. В северной, более высоко расположенной части ущелья Грей и его жена открыли небольшой грот со следами какой-то старой культуры. Вход в него был завален. Видимо, скалы осыпались во время землетрясения. Грей с женой работали в течение нескольких недель или даже месяцев, прежде чем сумели расширить щель.

— Так как же они заметили грот?

— Их внимание привлекли три правильные окружности под большой нависающей скалой. Окружности были не выдолблены или нарисованы, а как бы вплавлены в очень твердую скалу — словно кто-то погрузил три обруча в жидкий бетон. Они выделялись своим светло-желтым цветом на сером фоне скалы. Более точный анализ показал, что обручи совсем не представляют собой чужеродного тела в скале. Просто камень в этом месте имеет другой оттенок, и это изменение цвета проникает в глубь скалы примерно сантиметров на сорок. Окружности были расположены таким образом, что в самой большой из них, радиус которой превышал шесть метров, помещались два маленьких кольца: одно — радиусом примерно шесть сантиметров — в самом центре, второе — раза в четыре меньше — на расстоянии около 180 сантиметров от центра. Поверхность скалы в этом месте была когда-то плоской, вероятно искусственно сглаженной, однако под воздействием дождей и ветров сильно пострадала. От щели под скальным навесом узкий, извилистый коридор вел в маленький зал, имевший форму правильной пирамиды с квадратным основанием. Зал, как и коридор, покрывал толстый слой затвердевшего гуано, оставленного летучими мышами и другими обитателями грота. Глубже были найдены кости, несомненно принадлежащие первобытному человеку. Это говорило о том, что зал служил людям убежищем или был местом какого-то культа.

— Неужели он был искусственно пробит в скале?

— Не вызывало сомнений, что только коридор был естественного происхождения. Я сам сделал тщательные измерения. Все стены зала имели форму равнобедренного треугольника с углом 60 градусов.

— Так вы были там?

— Был. Уже одних фотографий и эскизов, приложенных к письму, было достаточно, чтобы отнестись к этому серьезно. Вернемся, однако, к запискам Грея. Так вот, на стенах грота Грей с женой заметили геометрически правильные окружности и точки, которые оказались источниками сильного радиоактивного излучения.

— Строители, сами того не зная, могли использовать материалы, содержащие радиоактивные вещества, — встала Ирена.

— Да. Этот факт сам по себе не вызвал бы удивления, так как местность была относительно богата торием и ураном. Сенсационность открытия Грея заключалась в том, что анализ окислов металлов, содержащихся в этих минералах, показал значительный процент трансурановых элементов. Позднее я установил, что это были плутоний-244, нептуний-237, плутоний-242, а также в незначительных количествах кюрий-245, плутоний-239 и америций-243, то есть изотопы, имеющие наиболее длительный период полураспада из всех элементов, известных в настоящее время. Уже при расчистке прохода в грот счетчики указывали на значительную степень радиоактивности, хотя Грей с женой не обнаружили ярко выраженных жил радиоактивных элементов. Все результаты их исследований я проверил сам. Я думаю, что как Грей, так и его жена получили слишком большую дозу облучения, и это явилось основной причиной их смерти. Когда состояние Грея резко ухудшилось, да и средства уже подходили к концу, они решили возвращаться. В пути Грей умер. Возможно, весть о кончине друга, ради которого он пожертвовал всем, ускорила его смерть. Трудно сказать. Жена Грея возвратилась на родину одна. Не знаю, успела ли она отдать образцы на анализ или они были утеряны в больнице. Во всяком случае, я их не нашел. Думаю, что она могла доверить их только самому близкому другу, ведь речь шла

о сырье, имеющем военное значение. Так или иначе, никто ко мне не обратился, и я стал единственным наследником открытия.

Он умолк и задумался.

— То, что вы говорите, столь невероятно... — Ирена не скрывала огромного впечатления, которое произвел на нее рассказ.

Глаза незнакомца заблестели. На губах появилась торжествующая улыбка.

— Невероятно? — повторил он и засмеялся. — Невероятные, сенсационные открытия были еще впереди! Открытие Грея и его жены только указало правильный след! Всего лишь расплывчатый след великого открытия!

Лицо его вновь приобрело какое-то болезненное, беспоконное выражение.

— Об этом ты можешь узнать только от меня. Ни от кого больше. На всем земном шаре! Только я имею право на это открытие! Я и Грей с женой! Но они умерли...

В Ирене проснулся дух противоречия.

— Если бы вы не открыли этот грот, то рано или поздно это сделал бы кто-нибудь другой.

Он посмотрел на Ирену злым, неприязненным взглядом.

— Возможно... Но только я знаю правду. Если даже они перевернут грот вверх ногами, то и тогда ничего не найдут.

— А если мы погибнем?

В глазах больного появился страх.

— Ты не погибнешь! Ты не должна погибнуть! Спасение придет. Не сегодня, так завтра. Послезавтра. Я тебе все скажу. И дам ключ...

Он постепенно успокаивался.

— В том же году я поехал в Африку, — продолжал он рассказ уже почти спокойным голосом. — По планам

и описаниям Грея я легко отыскал грот. Прежде всего я хотел разобраться в одной важной для меня проблеме. Среди фотографий Грея имелись два снимка, на которых был изображен человеческий череп, найденный в пещере. Он показался мне очень похожим на череп из Штейнгейма *. Мне важно было определить возраст сооружения. Дело в том, что, согласно современным исследованиям, весьма маловероятно, чтобы существа, которые по своему развитию стояли гораздо ниже неандертальца **, могли быть творцами высокой культуры. Мне хотелось также установить, в какой степени строители зала в скале владели тайнами геометрии. Фотографии и описания Грея и его жены не давали достаточно ясного ответа на этот вопрос. Результаты исследований превзошли все мои ожидания. Я обнаружил останки предков человека, которых можно было отнести к промежуточной форме между питекантропом и неандертальцем. Таким образом, сооружение, несомненно, насчитывало сотни тысячелетий. Однако первые же измерения показали необычайно высокий уровень технических и математических знаний его строителей. В своих первоначальных заметках я написал, что такой постройки не постыдились бы и создатели египетских пирамид. Тогда я счел эту фразу слишком смелой и вычеркнул ее из записной книжки. Я совершенно не отдавал себе отчета, что определить правильный масштаб для сравнения... просто невозможно.

---

* Череп из Штейнгейма — находка, относящаяся, по всей вероятности, ко второй межледниковой эпохе — 300 000 лет назад. Это череп человека на промежуточной ступени развития между питекантропом и неандертальцем.

** Неандерталец — первобытный человек, живший в последний межледниковый период и в начале последнего оледенения. От современного человека отличается массивностью скелета, низким лбом с выпуклыми надбровными дугами и сутулой фигурой с согнутыми в коленях ногами.

— А мог ли этот грот быть творением людей, стоявших по своему развитию ниже неандертальцев?

— Вот в этом-то и дело! Ведь подтверждение такой гипотезы означало бы переворот в наших взглядах на развитие человеческого рода. У меня еще не было достаточных оснований для такого вывода. Поэтому я в первую очередь занялся тщательным изучением наслоений, скопившихся в пещере, особенно в зале. Мне хотелось добраться до основной скалы и найти какие-либо материалы, относящиеся ко времени перестройки пещеры. И тут последовало первое сенсационное открытие. Оказалось, что зал первоначально не имел плоского пола, а был правильным октаэдром. Удалив наслоения, я обнаружил углубление, или бассейн, по форме похожий на перевернутую пирамиду. Тщательные исследования скопившихся там органических остатков показали, что сама постройка значительно старше, чем кости людей и животных, которые я там нашел.

— Так кто же ее создал?

— Напрашивался вывод, что человеческая культура значительно старше, чем предполагалось до настоящего времени. Вполне возможно, что питекантроп и неандерталец не были нашими непосредственными предками, а представляли собой боковые ответвления генеалогического древа, тупик в эволюции человека. Принять такую гипотезу было заманчиво. Однако чем же заполнить пробел между египетскими постройками и восьмигранным залом, пробел, который превышал полмиллиона лет? Тогда я вспомнил легенду об Атлантиде.

— Атлантида... — тихо повторила Ирена. Голос ее вздрагивал от волнения. — Так Атлантида действительно существовала?

Он не расслышал вопроса.

— Через два года я покинул Африку, — продолжал он свой рассказ. — В моем багаже были любопытные находки, образцы минералов, рисунки, фотографии. По возвращении я сразу же взялся за работу. К несчастью, местной прессе стало известно, что я вернулся из Африки с каким-то интересным материалом. Ко мне прислали репортеров. Разумеется, я не намерен был выдавать ни подробности открытия, ни место раскопок, не говоря уже о подоплеке всей этой истории. Ведь только сумасшедший может сам накликать на свою голову Бюро расследований. Кроме того, не в моих привычках отдавать кому-то самые лучшие куски. Я хотел самостоятельно во всем разобраться и, лишь устранив все сомнения, выступить публично.

Тем не менее я сделал один неправильный шаг. Человек — не камень... В разговоре со своим ассистентом я неосмотрительно заметил, что нахожусь на пути к решению загадки Атлантиды, что у меня в руках есть доказательства существования человеческой цивилизации еще тогда, когда по Земле бродили питекантропы. Парень не сумел удержать язык за зубами. Весть об этом просочилась в печать. Меня засыпали градом вопросов, на которые я не хотел отвечать. Коллеги порвали со мной. Некоторые ученые обратились ко мне с публичными запросами. Я старался, разумеется, давать ответы как можно более общего характера. Однако вскоре я понял, что, к сожалению, определенные круги отнюдь не заинтересованы в истине, а просто ищут научного подтверждения своих политических теорий. Кампанию открыло некое расистское телевизионно-издательское предприятие. В какой-то передаче один из научных обозревателей сослался на меня, заявив, будто я доказал, что белая раса древнее черной и желтой на сотни тысяч лет. Он утверждал, что найденные до меня останки принадлежали предкам этих двух

якобы низших рас. Призвал даже создать фонд, предназначенный для продолжения моих работ.

Упоминанием об Атлантиде интересовалась главным образом бульварная печать. Официально в научных кругах говорилось о «культуре основной генеалогической ветви», которая погибла в результате какой-то катастрофы. Печать, радио и телевидение атаковали меня все настойчивей. На меня начали оказывать давление через администрацию учебного заведения, в котором я преподавал.

— Ну а вы что?

— Я? Ничего. Молчал, выкручивался, лавировал или просто отрицал. Чувствовал себя как человек, который добровольно позволил реке нести себя по течению и не знает, куда она его принесет, а доплыть до берега он уже не в силах. Чтобы отправиться с экспедицией в Африку, я был вынужден многое распродать. На второе подобное путешествие средств у меня не было. Между тем чем больше я углублялся в привезенные материалы, тем яснее отдавал себе отчет, что мне необходимо съездить туда еще раз. Через полгода после возвращения я понял, что... ничего не понимаю. На каждом шагу я натывался на непреодолимые противоречия и препятствия. Скажем, хотя бы в определении возраста раскопок. Наиболее точным методом определения абсолютного возраста минералов, палеонтологических или археологических находок является метод исследования изменений радиоактивных изотопов. К сожалению, метод радиоактивного углерода оказывается непригодным, когда находкам более 40 000 лет. В свою очередь свинцовый и стронциевый методы не годятся для исследования периодов времени менее десяти миллионов лет. А на гелиевый метод я не мог положиться ввиду проницаемости скал грота. Радиоактивные часы истории показывали либо секунды, либо часы, а мне нужно было измерять время в минутах. Правда, анализируя пре-

вращения трансурановых элементов, я пришел к выводу, что возраст этой постройки составляет более 500 000; но менее двух миллионов лет. Однако я не был абсолютно уверен в правильности своих расчетов. С трансурановыми элементами я имел дело впервые.

— А вы не могли пригласить специалистов сотрудничать с вами?

На лице ученого промелькнула гримаса неудовольствия. Он ничего не ответил и продолжал свое повествование, как бы не слыша замечания девушки.

— Больше всего меня беспокоило то, что я на каждом шагу открывал доказательства необычайно высокого уровня знаний строителей комнаты. Помните те три окружности над входом в грот? Долгое время я не мог объяснить их значения. И лишь однажды, просматривая случайно какую-то популярную книжку по астрономии, я нашел решение загадки, обратив внимание на рисунок, изображавший сравнительную величину Солнца, Земли и Луны.

— Неужели?..

— Да! — сверкнул он в темноте глазами. — Это не могло быть случайностью! Все пропорции были соблюдены с огромной точностью. Даже среднее расстояние от Луны до Земли. Строители грота знали действительные размеры небесных тел и расстояния между ними. За этим первым открытием посыпались последующие. Кружки и точки на стенах комнаты также оказались моделями планет с точным соблюдением взаимных пропорций. Там был даже Плутон и одна планета, о которой мы, к сожалению, еще ничего не знаем. Я начинал верить в чудеса. Ведь распад элементов, казалось, совершенно исключал случайность или мираж. Особенно заинтересовал меня кружок, который должен был обозначать Венеру. Диаметр его не соответствовал известному нам диаметру Венеры, полученному путем фотографирования в инфракрасных лучах. Неужели

астрономы, жившие сотни тысяч лет назад, лучше нас знали толщину атмосферы на Венере? Я готов был поверить, что и найденные трансурановые элементы — тоже достижение их техники! И это за сотни тысяч лет до того, как существо, называемое нами прачеловеком, научилось высекать огонь!

— Но Атлантида...

— Ее не было! — прервал он с такой порывистостью и болезненной страстностью в голосе, что Ирена даже вздрогнула.

Наступило молчание.

— Атлантиды не было, — повторил незнакомец как бы с удовлетворением.

— Но ведь вы сами только что сказали, что несколько сотен тысяч лет назад...

— Это не была цивилизация атлантов, — уже более спокойно прервал он ее. — Мои первоначальные выводы были ошибочными.

— Дело не в названии, — Ирена начинала нервничать. — Во всяком случае, если то, что вы здесь рассказывали, не плод вашей фантазии, то вы нашли следы какой-то высокоразвитой человеческой цивилизации.

— Человеческой ли? — медленно сказал он, и, хотя вокруг царил мрак, Ирена почувствовала, что он улыбается.

— Не понимаю. Вы думаете, что, кроме человеческой цивилизации, на Земле могла существовать какая-то другая...

Она не закончила. Погруженное в темноту лицо ученого неожиданно осветил слабый красноватый отблеск, и девушка увидела, что глаза больного внезапно расширились от удивления. Рот раскрылся в радостном крике:

— Там! Смотри! Там!

Ирена обернулась. Далеко на горизонте медленно угасал красный огонек.

— Ракета!

— Да! Ракета! — горячо подхватил больной. — Там должны быть спасательные шлюпки! Это какой-нибудь корабль пришел на помощь! У моряков с «Литтл Мэри» есть на лодках ракетницы!

Сердце неистово билось в груди Ирены. Значит, вера в то, что помощь все-таки придет, была обоснованной. А ведь за последние двадцать часов она в глубине души не раз задавала себе вопрос, есть ли хотя бы какие-нибудь шансы на то, что их обнаружит корабль или самолет.

Эта последняя мысль несколько обеспокоила ее.

— А они нас заметят? — вполголоса спросила она. — Сейчас? Ночью?

— Сомневаюсь, чтобы они ограничились поисками только ночью. Разумеется, они вначале занялись шлюпками. Нас наверняка не оставят. Утром...

Небо вновь посветлело. Из-за горизонта на мгновение выглянула красная звездочка, немного дальше, к западу от нее, — зеленая. Почти одновременно до них донеслось далекое, прерывистое гудение судовой сирены.

Они жадно вслушивались в предвещающий спасение звук. И хотя гудение сирены вскоре заглушил шум волнующегося моря, оба застыли в напряженном ожидании.

Узкий серп месяца медленно тонул в пелене тумана или дымки у горизонта.

Незнакомец, опершись о поплавок плота, начал ощупывать больную руку.

— Болит? — прервала молчание Ирена.

Он ответил лишь после продолжительного молчания, грубо, со злостью:

— Ничего у меня не болит! До утра выдержу! А если надо будет, то и до следующего вечера! Может быть, выждете продолжения рассказа? Что? Интересно?

— Очень.

— Но конец вам придется придумать самой. У меня уже не хватает фантазии... Неужели же все, что я вам наговорил, вы приняли всерьез? Вот это здорово! — с наигранной веселостью захохотал он. — Видно, у меня талант. Придется стать писателем. Ну что? Вижу, я вас разочаровал. Мне очень жаль...

Раздался неприятный гортанный смех.

Ирена молчала. В ее голове был хаос. Заснула она лишь перед рассветом, да и то ненадолго. Разбудил ее рыбок за ногу. В темноте она различила распростертое тело незнакомца. Видимо, он пытался подползти к ней, но у него не хватило сил.

С трудом она сдвинула его обратно в угол плота и уложила поудобнее. Жар резко усилился, но он казался в сознании.

— Слушайте, — он схватил ее за руку. — Обязательно... Не знаю, доживу ли я до утра... Слушайте. Они повторяли свои предложения... Несколько раз... Потом нанесли удар. Подло... исподтишка... — отрывисто говорил он, хватая ртом воздух.

— Кто? О чем вы говорите?

— Они. Те, что хотели создать фонд... В мою виллу забрались... Исчезли две пленки... И тот кусок черепа... Я вам говорил — тот, что был похож на череп из Штейнгейма... Знали, что брать... Видимо, за мной постоянно следили... К счастью, я не дурак... Сразу же после возвращения из Африки я уничтожил все карты и схемы...

По телу его прошла дрожь.

Ирена сняла куртку и пыталась его накрыть.

— Оставьте.. Мне ничто не поможет, — возбужденно шептал он. — Лучше слушайте. Я обратился в полицию... Мне посоветовали, чтобы я объявлением в печати оставил за собой право репродукции снимков. Я это сделал... Между тем я получил анонимное письмо... Мне предлагали выкупить материалы... Нечего было и думать достать деньги... На следующий день ко мне обратился представитель издательства... Он предложил мне написать статью в сборник о происхождении рас. Впрочем, никаких особых требований они не предъявляли. Им достаточно было лишь описания результатов раскопок... Я сказал, что моя работа еще не закончена и что я не могу разглашать место открытия... Он стал уверять меня, что это ерунда и что они могут подождать, пока я не закончу работу... Сумма была крупная. Я подписал контракт. Тогда он спросил, когда я отправлюсь в Африку... Мне нечего было скрывать. Когда я сказал, что дело в деньгах, я понял, что он только этого и ждал... Сказал, что издательство готово финансировать экспедицию... За это я должен был написать для них книгу об этих открытиях... Все находки должны были стать нашей общей собственностью — моей и их...

Он замолчал, тяжело дыша. Ирена склонилась над больным, не в силах оторвать от него глаз.

Светало.

— И вы подписали?

Он кивнул и с усилием пошевелил спекшимися губами.

— Им пришлось все же согласиться на одно условие... Со мной не так просто... В экспедиции приняли участие только подобранные мною люди... И... что... они не опубликуют ни одного сообщения... в течение года...

— А они знали подробности ваших предыдущих исследований?

— Только в общих чертах... О трансурановых элементах — ни слова... Это отдало бы меня в их руки... Я поехал

с двумя молодыми ассистентами. Позднее оказалось, что они были подкуплены этим издательством... Когда через год мы вернулись из Африки — я был уже не нужен... А говоря точнее, даже мешал... Издательство хотело, чтобы мои открытия обосновали теорию превосходства белой расы. Я мог согласиться только с тем, что вытекало из фактов... А этого им было недостаточно... Факты отнюдь не опровергали предыдущих открытий... Разделение на расы наступило лишь в раннем палеолите. Лишь в последние фазы ледниковой эпохи. Но другие согласились собрать такие материалы, какие были нужны издательству... Мне заплатили возмещение... принудили отступить, не интересоваться больше своим открытием... Моим открытием!!! Вы понимаете?!

— Как это «заставили»?!

— Открыли следы трансурановых элементов. Попытались использовать это против меня... Что я нарушил контракт. Я был не так глуп. Ничего они не доказали... Я не обязан был что-либо знать о трансурановых элементах. Я — археолог! Впрочем, хорошо, что так случилось... Находка трансурановых элементов очень затруднила им использование научных материалов. Чего стоят раскопки без указания места открытия? Вновь вмешалось министерство обороны. Начались новые поиски. Ничего не скажешь... нашли довольно интересные вещи. Установили, что те, из грота, тысячи лет назад строили в ущелье какие-то сооружения. Остались только следы. Очень немногочисленные... Однако они напрасно искали месторождение. Но меня тогда уже не было в Африке. Впрочем, ко мне не слишком приставали. И так они захватили огромный материал! Обокрали меня... Украли у меня открытие. Но... — он вцепился трясущимися пальцами в плечо Ирены. — Они не знали... что... что... и я их обманул... Что я

скрыл и увез от них одну находку... И еще какую находку! Стоимость ее не покроют все богатства мира.

Дыхание больного стало свистящим. Лишь через некоторое время он немного пришел в себя.

— Стены зала я зондировал сам, — с усилием продолжал он свой рассказ. — Вы знаете, как действует ультразвуковой аппарат? Им легко можно обнаружить любое тело иной плотности и жесткости. Я как чувствовал... В неисследованные места не допускал никого... Ассистенты могли работать только после меня... Они не знали, что в одной из стен под окружностью, обозначающей Землю, я нашел трубку. Тонкую, как карандаш, длиной десять сантиметров. Она находилась в отверстии, выплавленном в скале и забитом металлической пробкой. Трубку я вынул ночью, следы скрыл. Об этом я говорю тебе первой... Говорю, чтобы ты не думала, что я вру... Ассистенты живы... Один из них сейчас профессор... Он, безусловно, вспомнит это отверстие... Они тогда расспрашивали меня, но ничего не узнали. До сих пор никто не знает, хотя за мной шпионят, следят и я вынужден постоянно замечать следы...

— Что же это было?

— Я нашел еще три такие же трубки, только в других местах... Они были прозрачные, словно стеклянные... Но это не стекло... Внутри были какие-то кружки диаметром не больше миллиметра... Но я не мог заняться исследованием этих трубок... Не хотел возбуждать подозрений... Я их скрыл...

Он замолчал. Отпустив руку Ирены, он стал искать что-то под рубашкой, наконец нашел ключ. Только зажав его в ладони, он продолжал срывающимся голосом с огромным напряжением воли.

— Полтора года назад я занялся трубками. Я распилил их и нашел в каждой 864 диска, тонких, как пани-

росная бумага. Когда я в первый раз положил один из кружков под микроскоп, то чуть не свалился от изумления... Это были снимки!.. Цветные!.. А как нежно были подобраны тона! На тонких, прозрачных пластинках, сделанных из какой-то пластмассы... Я был потрясен этим открытием, но одновременно меня охватил страх. Я подумал, что стал жертвой какого-то очень ловко инсценированного обмана... Но я напрасно боялся. Материал, из которого были сделаны трубки, даже не нуждался в анализе. Этому прозрачному веществу с очень сложным химическим составом было больше полумиллиона лет... Содержание цветных картинок говорило само за себя. Это было письмо. Письмо, насчитывающее 500 000 лет! Письмо нам, людям XX века!

Теперь Ирена была уже уверена, что больной бредит. Правда, она не сомневалась, что за странным рассказом незнакомца скрывается какой-то действительно случай. Но как могла она отличить фантазию больного мозга от правды, которую этот умирающий человек хотел передать незнакомой девушке?

Она тряпкой смачивала виски больного, а он водил за ней глазами и, как бы читая ее мысли, повторял:

— Слушай... Слушай меня... Я вижу, что ты мне не веришь. Я знаю, это выходит за пределы нашего разума... Ты мне не веришь?

— Да нет, я верю вам, — машинально ответила она.

— Подожжи эту тряпку сюда, на лицо... Мне уже легче... Времени осталось немного... Но я чувствую, что без подробностей ты не поверишь. На этих пластинках были разные картины, запечатленные каким-то... не известным нам методом. Большинство из них — картины природы, изображения растений, животных... Я не так выразился — это были существа, которых мы теперь называем человекообразными обезьянами. Впрочем, не только они, вся при-

рода свидетельствовала о том, что это была первая межледниковая эпоха. Гюнцский интергляциал! Вы понимаете?!

Он прикрыл глаза.

— Но мне не так быстро удалось прочесть это письмо из снимков, — продолжал он после паузы. — Хотя очередность отдельных пластинок легко было определить...

— Каким образом? Неужели нумерация?!

— Нет. Каким бы образом они смогли ее предвидеть? Откуда они могли знать, какими путями будет развиваться письменность существ, которые в то время были еще на уровне обезьяночеловека?

— Каких существ?

— Нас. Людей. Ведь на Земле тогда еще не было человека, которого мы называем *Homo sapiens*. Они встретили только первые ростки человечества. Ростки, из которых через сотни тысяч лет должно было возникнуть существо, называющее себя сегодня властелином мира.

Новые силы, казалось, вливались в угасающий организм.

— Они предвидели! Предвидели силой своего знания, что эти слабые, снедаемые болезнями и отчаянно борющиеся с природой существа станут когда-нибудь разумными. Станут людьми, способными создать великую культуру и технику! Но они не могли предусмотреть пути развития письменности и речи. Они же не были волшебниками!.. Очередность снимков они обозначили двумя непараллельными линиями. Два надреза, бегущие по ребрам дисков. Они ведь видели, знали тех, кто в будущем должен был читать эти письма. Они знали строение их глаз, мозга, знали чувствительность сетчатки к диапазону электромагнитных волн! И поэтому их картины целиком воспринимаются нашими глазами. Просто они специально выражали свои мысли средствами, доступными нашим органам чувств. Это свидетельствует об удивительном проникно-

вении в психику иных существ, о связи, объединяющей разумные существа во всей Вселенной.

— Но кто это был? Почему они погибли?

— Они не погибли. Они ушли. Улетели куда-то к другим мирам... Может быть, они вернулись туда, откуда прибыли к нам?

— Так вы подозреваете, что это были существа с каких-то других планет?

— Я не подозреваю, я знаю точно! Более того, они прилетели не с Марса, не с Венеры, и вообще не с планеты нашей солнечной системы. Тогда посещения были бы чаще... Это были звездные гости... К сожалению, мне не удалось еще определить, откуда они прибыли...

— Но на каком основании вы предполагаете, что диски были делом рук существ внеземного происхождения?

— Часть картин изображает приближение к солнечной системе, путешествие через нее. Наконец, Землю. Землю, какой она была полмиллиона лет назад!

— Почему? Зачем они прибыли к нам?

По лицу умирающего пробежала слабая улыбка.

— Разве визит космических гостей обязательно должен произойти именно тогда, когда мы будем дома? Когда мы будем к этому готовы? Земля существует более трех миллиардов лет. История человечества насчитывает всего лишь несколько тысяч. Было бы наивно обольщать себя мыслью, что такое посещение произойдет сейчас... Именно в XX или XXI веке!

Лицо больного искривилось от боли. Он нервно зажмурился. Дыхание его снова стало свистящим и неровным.

— А вы не нашли на микроснимках изображений этих существ?

Умирающий с трудом проглотил густую слюну. Ирене казалось, что он смотрит на нее с какой-то нежностью.

Силы, видимо, покинули его, и только слабым кивком головы и движением век он ответил утвердительно.

— А они похожи на нас?

Он беспокойно пошевелился. Ирена не поняла, было ли это отрицанием или он просто покачал плечами. Он с отчаянием вглядывался в лицо девушки. На висках его вздулись вены. Но шепот пропадал в шуме моря. Приблизив ухо почти к самым губам умирающего, она услышала обрывки фраз:

— ...выполняющие функции рук... но это не человеческие руки... У них есть глаза, которые выполняют такие же функции, но это не наши глаза... Они иные, и все-таки похожи... Они знали, предвидели, что питекантропы создадут цивилизацию... Следы... письмо... языком наших чувств... Разумные существа. Их ум... Это не животные! Законы природы... Природа едина... Они должны понять...

Голос его становился все тише и тише. Вдруг он как бы вновь собрался с силами.

— Есть другие места, — захрипел он. — Три... или четыре... ориентировочные точки... Легко доступные... Нужно уметь найти... Как тот грот в Каа...

Голос его оборвался. Но через минуту он сделал еще одно усилие.

— Надо искать... Бразилия... Негро... Но самое главное... Два... Десять тысяч метров... На дне океана... И Луна... на обратной стороне... Материалы... Сокровища знаний... Доступные только на высшем уровне... Необходима культура... С пользой...

Теперь губы его двигались беззвучно, наконец они замерли.

Ирена схватила умирающего за руку.

— Фамилия!!! Как вас зовут?! Где искать материалы?! Где искать...

Ей показалось, что незнакомец уже умер, но как раз в этот момент он открыл глаза. Однако теперь в них уже не было прежнего блеска.

— Как вас зовут?!

— Что? Что? — хрипло забормотал он по-английски.

И вдруг повел блуждающим взглядом по небу.

— Самолет... Самолет... Помощь...

— Где искать материалы?! — отчаянно крикнула она, тряся его за плечи.

— Прочь! Не скажу! Ничего не скажу! Не отдам ключа!

Лицо его неожиданно искривил страх.

— Ты знаешь! Ты у меня украла!

Каким-то нечеловеческим усилием он поднялся на колени и левой рукой схватил Ирену за волосы.

— Ты знаешь! — кричал он. — Ты должна погибнуть!.. Сейчас они прилетят!.. Не дам ключа!

Всей тяжестью тела он бессильно рухнул на девушку. Она резко рванулась и оттолкнула его от себя.

Он поднялся еще раз, но в этот момент высокая волна качнула плот. Мужчина со стоном упал навзничь. Его тело мгновенно соскользнуло в море. Ирена бросилась вперед и чуть ли не в последний момент подхватила тонущего. Он был уже совершенно без сил. С большим трудом она втащила его на плот.

Он казался мертвым.

Она приложила голову к его груди.

Неужели это слабые удары сердца?

Она стала нервно массировать его плечи и шею.

Наконец он пошевелил губами, словно глотая.

— Где искать материалы? — в отчаянии спрашивала Ирена.

Он открыл глаза. Посиневшие губы задрожали. Она наклонилась и услышала лишь какой-то обрывок слова.

— Где искать?!

Умиравший снова беззвучно пошевелил губами, потом еще раз. Он старался сказать что-то громче, но сил уже не было. Он только напряг пальцы левой руки, как бы желая поднять ее к груди. В лучах восходящего солнца под разорванной рубашкой блеснул ключ.

Ирена осторожно взяла этот кусочек металла.

Она взглянула в лицо умирающего. Ей показалось, что на его губах появилась слабая улыбка.

Так он умер.

Лишь на четвертый день после катастрофы «Литтл Мэри» вертолет, разыскивавший жертвы кораблекрушения, обнаружил Ирену. Она была без сознания, но в руке судорожно сжимала небольшой, блестящий ключ.

Ирена была последним найденным пассажиром с затонувшего корабля.

Тело незнакомца поглотило море.

Когда она открыла глаза, около ее постели стоял капитан «Литтл Мэри». Нужно было сообщить ее семье. Оказалось, что число жертв было меньше, чем Ирена предполагала. Кроме четырех моряков, погибли только три женщины и восемнадцатилетний юноша. Больше никто.

Несмотря на настойчивые расспросы, она ничего не узнала об археологе. Никто не видел и не помнил среди пассажиров «Литтл Мэри» мужчины, который своей внешностью походил бы на ее спутника на плоту. Возможно, его скрывал где-нибудь в трюме кто-то из матросов, погибших при катастрофе.

Но чем больше она размышляла, тем сильнее ее охватывало чувство, что встреча с этим странным человеком, его признание и необычайная повесть были всего лишь горячечным бредом.

Вот только ключ...

Как мне и говорили, я нашел его в Музее внеземного искусства. Хотя мы не виделись двадцать восемь лет, я узнал его сразу. Он почти не изменился, только волосы приобрели серебристо-голубоватый оттенок, а глаза ввалились, придавая лицу выражение усталости и угрюмой задумчивости.

Я подошел к нему:

— Конопатый! Откуда ты взялся? — нарочно употребил я старую студенческую кличку, опасаясь, что он может не узнать меня — время берет свое.

Однако опасения оказались напрасными. Он взглянул на меня, словно пробудившись ото сна, удивленно моргнул и вдруг расплылся в улыбке.

— А, чтоб тебя! — воскликнул он. — Зеленый Глаз! Ну и постарел же ты!

Мы обнялись.

— Может, пойдем куда-нибудь, прополощем горло? — предложил он, как в былые времена.

Пошли. Я хотел заказать популярный в последнее время безалкогольный напиток, но мой приятель отказался. Взяли большую бутылку старого вина.

Я размышлял, с чего начать, но он сам облегчил мою задачу.

— Когда мы виделись в последний раз? — спросил Конопатый, выпив первую рюмку за встречу. — Пожалуй, еще перед «Великим прыжком»?

— Нет, — возразил я. — Это было уже после «Прыжка». Годами пятью позже. Помнишь, ты говорил тогда, что улетаешь далеко и надолго, за пределы системы. Врал, наверное?

Конопатый насупился и сказал:

— Зеленый Глаз, я никогда не вру! Если сказал, что... — он осекся, испытующе взглянул на меня и повторил: — Я никогда не вру! В крайнем случае молчу!

Я снова налил вина.

— Ну ладно... Не обижайся! Так давно не виделись... Лучше расскажи, что с тобой было?

— А тебя где носило? — не отвечая, поинтересовался он.

— Мне не о чем рассказать... — ответил я небрежно. — В основном сидел на Земле. Полгода был на Марсе, два месяца на Венере. Вот, пожалуй и все. Ну а ты где все-таки побывал? — вернулся я к своему вопросу. — Столько лет прошло, почти тридцать.

— Двадцать восемь, — уточнил он и задумался, потом спросил как бы невзначай: — А ты по-прежнему работаешь в печати?

— Собственно... — уже не работаю. Ушел на пенсию. Хочу закончить повесть.

Его взгляд как-то потеплел.

— Значит, все-таки взялся за литературу? До сих пор не читал ни одной твоей книги... Многие годы вообще ничего не брал в руки. Просто, — он слабо улыбнулся, — это было технически невозможно. Меня не было в солнечной системе... И много ты написал?

— Около трети.

— Ну, желаю успеха! — весело воскликнул Конопатый, поднимая рюмку.

Выпили.

— Так ты был за пределами системы? — уже смелее начал я.

Глаза моего приятеля затуманились.

— Ты слышал об экспедиции «Маттерхорна»? — спросил он, снова не отвечая мне.

— Кажется, да, — неуверенно сказал я. — Должно быть, старая история? Впрочем, припоминаю. Это было после опубликования материалов зонда Сорри?

— Совершенно точно! Понаделал он тогда шума своими стереограммами!

Мне вспомнилась сцена в Музее внеземного искусства.

— Скажи, почему ты так странно вел себя там, в музее? — спросил я напрямик.

— Странно? — Конопатый подозрительно взглянул на меня.

— Мне показалось, ты был очень взволнован, рассматривая стереограммы. Хотя, честно говоря, они и на меня производят сильное впечатление.

— А на меня нет, — зло отрезал он. — Только...

— Что? — подхватил я.

— Они напоминают мне одну историю. А если говорить о впечатлении, то не одного тебя это захватывает.

— Те строения действительно прекрасны!

— Прекрасны? А что значит — прекрасны? Теперь я в этом слабовато разбираюсь. А тогда... тогда разбирался еще хуже. И потому я тут! — вдруг взорвался он. — Потому смог вернуться! Потому живу среди людей на Земле и могу сейчас вместе с тобой прополаскивать горло, — закончил он, меняя тон, словно хотел сгладить впечатление от своей вспышки.

Конопатый все больше интриговал меня. Значит, тут действительно что-то есть...

— Где ты побывал? — спросил я, стараясь не выдать своего волнения.

— Хочешь знать? — понизил он голос. — А молчать умеешь?

— Умею, — кивнул я.

— В системе Прощона. Сделал такую глупость... Принял должность второго навигатора на фотонном корабле «Маттерхорн». Одиннадцать земных лет длились в ракете всего два с лишним года. Экипаж — шестнадцать человек. Одни мужчины. Представителем правительства Федерации Южной Америки был Гольден, заместителем командира корабля Логер, кроме того, специалисты в области архитектуры и скульптуры, механики и...

— Логер? — перебил я, припоминая, что Конопатый еще в годы нашей молодости недолюбливал его. — Твой старый «приятель»?

— Ну да, — со злостью ответил он. — Сначала этот тип относился ко мне хорошо. Говорил, что по сути дела главенство Калена, первого навигатора, — чистая формальность, что на «Маттерхорне» эти должности равноценны, а кроме того, что наши старые недоразумения забыты. И скажу тебе честно: он действительно изменился, перестал задирать нос. Позже оказалось, что это было просто маскировкой. Гольдену он кадил немилосердно. Спал и видел себя командиром. После смерти Славского...

— Кто это?

— Командир «Маттерхорна». Из-за него погиб! Из-за него! — Конопатый встал и покачнулся.

— Пойдем домой! — предложил я.

— Домой? Я тебе говорю, что Логер... Логер... Домой? Домой, говоришь? Идем. Я тебе кое-что покажу!

— Где ты живешь?

— В отеле «Палас».

Я подошел к автомату и вызвал воздушное такси. Спустя пять минут мы уже были на месте. Оказалось, что месяц назад мой друг снял тут двухкомнатный номер на 116-м этаже.

В первой комнате царил неопиcуемый беспорядок. На полу были разбросаны книги, бумаги, киноплeнки. Какие-то порванные эскизы, карты и рисунки заполняли выдвинутый из стены диван. В углу валялась перевернутая ручная вычислительная машинка.

Вторая комната была заперта. Ключа в замке не было.

Я убрал с дивана наваленные на нем бумаги и уложил товарища. Однако он не захотел лежать и сел, привалившись к стене и насвистывая.

— Может, все-таки поспишь? — предложил я.

— И не подумаю! Мне и так хорошо.

Я не знал, как быть дальше.

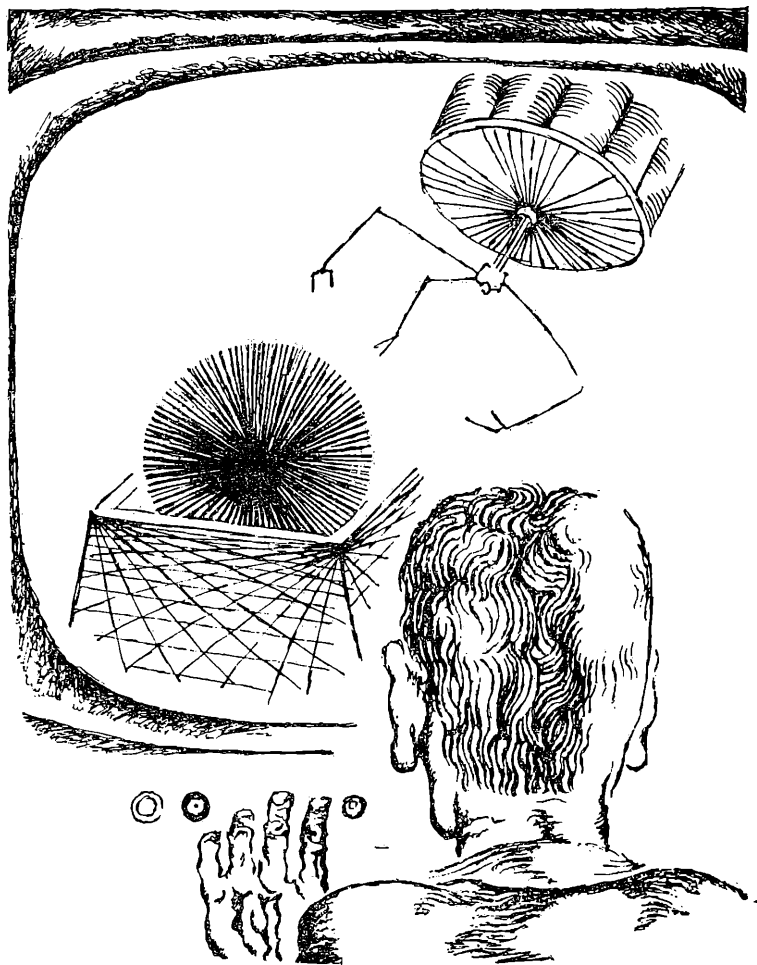
— Пожалуй, я пойду. Приду завтра.

— Нет! Остайся! Я хотел рассказать тебе кое-что важное.

— Может быть, о системе Проциона?

— О системе Проциона? Процион — двойная звезда на расстоянии 11,3 светового года от Солнца. Входит в созвездие Малого Пса. Состоит из двух звезд, А и В, с периодом обращения вокруг общего центра массы в сорок лет. Процион А, — он будто читал по книжке, — визуальная яркость 0,5. Тип F5, абсолютная величина 2,3, или в 5,8 раза ярче Солнца. Процион В белый карлик, визуальная звездная величина 10,6... абсолютная 13,1, или 0,00044 яркости Солнца, радиус 0,007 радиуса Солнца, масса 0,46 массы Солнца. Наличие планет можно выявить на основе анализа спектра звезды. Количество и величина планет неизвестны. Нет доказательств существования жизни в системе Проциона. Нет подтверждения

достоверности снимков, привезенных межзвездным зондом «Бумеранг XII» в 2068 году. Экспедиция фотояного корабля «Маттерхорн». Год старта 2070. Нет сведений о судьбе экспедиции. Нет сведений! Нет данных!.. Смотри! Вон там лежит. В углу. Последнее издание «Всёобщей энциклопедии»! Самая точная информация! Ха-ха-ха! — неестественно громко рассмеялся он. — Нет данных! Нет доказательств! А «Маттерхорн»? А я? Нет! Нет? — он вдруг стал серьезным. — Нет?! Есть!!

Он лихорадочно шарил по карманам и наконец извлек ключ.

— Вот! Открой дверь! Пойди посмотри!

Я почувствовал неприятную дрожь. Неуверенно подошел к двери и сунул ключ в замочную скважину. Дверь с тихим шорохом открылась. За ней был кабинет. В отличие от первой комнаты здесь царил порядок. Только слой пыли на мебели говорил о том, что тут давно не убрали. Посредине, напротив двери, там, где обычно стоит письменный стол, виднелся большой ящик, соединенный паутиной проводов с другим, поменьше.

Я почувствовал легкий толчок в спину.

— Ну! Не бойся! Открой крышку и загляни! Там справа кнопка.

Я подошел, молча заглянул в небольшое контрольное окошечко.

Не знаю, может быть, подействовало выпитое вино, только у меня начало мутиться в голове.

В центре ярко освещенного пространства неподвижно висело в воздухе, а может быть, в пустоте... чудо.

Что это было в действительности, я понять не мог. Может быть, чудо было существом с другой планеты. Сложная сеть линий и цветных пятен покрывала какую-то темную массу. Однако в этой путанице цветов и форм не чувствовалось хаоса. Наоборот — необычайное равно-

весие, гармония чувствовались в сложном рельефном изображении. В то же время было что-то отталкивающее в этой привлекавшей взор глыбе. Странная «скульптура» действовала не только на зрительный центр, но возбуждала воображение, порождала ассоциации, почти галлюцинации. Мне казалось, что цветные элементы массы то соединяются, то снова расходятся, что там происходит какое-то движение, какая-то жизнь.

Меня охватило непонятное возбуждение. Что-то далекое и в то же время очень близкое, казалось, было заключено в этом предмете. Я почувствовал непреодолимое желание взять его в руки, хотя боялся, что он может обжечь, как раскаленное железо.

— Что это? — спросил я, не поворачивая головы: не мог оторваться от таинственного видения.

Ответа не последовало. Мой приятель вернулся на диван. Из соседней комнаты слышалось его мерное дыхание.

— Спишь? — тихо спросил я.

Он не ответил.

Я с усилием оторвал взгляд от таинственного предмета и закрыл крышку.

Конопатый спал.

Я задумался. Конечно, следовало тут остаться. Обстоятельства складывались очень удачно, нельзя было упускать такой случай. Я уже достаточно многое узнал. Несомненно, все услышанное — только пролог, и речь идет о гораздо более важных вещах.

Я решил подождать, пока Конопатый проснется. Рядом с диваном стояло кресло, заваленное книгами и бумагами. Я сложил их на пол и уселся, намереваясь вздремнуть, но случайно взглянул на валявшиеся рядом листки. Контрольная перфорация по краям указывала, что они получены стенографическим автоматом непосредственно

с магнитной ленты. Я поднял страницу, которая начиналась с середины фразы:

«...просто невероятно! И, однако, Петерсен был прав. Послушайся мы его тогда, Славский сегодня был бы жив. Что за бессмыслица — доверяться неизвестным, чуждым существам?

А все-таки они располагают ядерным оружием. И еще каким! Антипротоны. Только один Петерсен сообразил, что это подвох. Гольден был против того, чтобы посылать разведчика. Что это: только глупость? Логер упорно поддерживал Гольдена. Он, собственно, и не хотел посылать зонд на тесную орбиту. Может быть, это было лишь самообманом?

Славский слишком доверял теории Логера. Но это был крепкий человек. Если вернемся, ему поставят памятник на Марсе, в Аллее Достойных. В солнечной системе сказали бы «герой».

Тут текст обрывался. Я потянулся за следующей страничкой, но не нашел продолжения. По-видимому, страницы были разбросаны, а потом сложены в беспорядке, так как следующая относилась уже к другому событию. Я хотел начать поиски по номерам, но содержание той странички, которая была у меня в руке, приковало мое внимание еще больше, чем предыдущей:

«Логер называет это храмом солнц Проциона, но Ланг другого мнения. Он утверждает, что нет никаких указаний на то, что в обществе проционидов проявляется культ дневного светила, тем более что в некоторых областях техники они достигли уровня Европы начала XX века. Холи идет еще дальше — говорит, что шар может быть «народной» эмблемой, если это слово вообще имеет какой-то смысл в мире проционидов.

Мне все равно — памятник это, или храм, или амфитеатр (изнутри эта усеченная пирамида очень напоминает

амфитеатр или стадион). Если бы не огромный светящийся шар в центре «арены», там можно было бы проводить футбольные матчи.

Почему они бежали?.. Да и разве можно назвать это бегством? Эвакуировать целый город и распылить его население по всей стране — это мероприятие, на которое нелегко решиться...»

Продолжения я опять не мог найти. Следующая страница имела номер 1443, а следовательно, относилась к более поздним событиям. Около кресла лежало в беспорядке несколько десятков страниц. Пришлось встать и собирать листки с пола. В общем их набралось тридцать девять. Когда-то они составляли, очевидно, большой дневник тысячи в две страниц. Тридцать девять страниц могли дать только весьма отрывочные представления о происшедшем.

Я колебался, не зная, как поступить с этим материалом. Во всяком случае, не мешало иметь фотокопии всех страничек. Сделать тридцать девять снимков с помощью микрокамеры было нетрудно.

Сложив листки по порядку возрастания номеров, я принялся за чтение. К сожалению, большинство листов касалось каких-то малосущественных подробностей о полете «Маттерхорна» и лишь девять — пребывания в системе Прокциона. Наконец, последняя содержала какие-то хаотические рассуждения, записанные, по-видимому, на обратном пути.

Привожу здесь содержание этих нескольких страниц целиком, за исключением первой (1052), посвященной визуальным и спектроскопическим наблюдениям поверхности неизвестной планеты, скорее всего IV планеты Прокциона А.

Следующие две страницы имели порядковые номера 1097 и 1098.

Первая начиналась датой:

«12 октября. Пятница.»

Сегодня мы опять возобновили попытки. Дело идет все лучше. Славский здорово придумал с этими рисунками в пространстве. Гаген оказался не только прекрасным механиком, но и первоклассным пилотом. На своей крошечной ракете он выделяет истинные чудеса. Не знаю, смогли бы мы, люди, на аналогичном этапе развития цивилизации так же быстро понять знаки иных существ?

Они уже знают, откуда мы. Гаген «соорудил» в пространстве «кольцо» — в виде ореола вокруг Солнца, — которое в течение нескольких минут можно было наблюдать из столицы. Потом «начертил» схематический рисунок солнечной системы с обозначением орбиты Земли. Они поняли... Ночью на водах залива зажгли сотни световых точек, которые воспроизводили тот район неба, где бывает видно Солнце, а затем окружили его, как и мы, светящимся кольцом. Потом изменили расположение огней, изобразив свою планетную систему с указанием орбиты их родной планеты. Мы в свою очередь немедленно повторили их рисунок. Они ответили нам ритмичными вспышками — подтвердили, что видят.

Итак, они дали нам понять, что принимают нас за существа, в какой-то степени подобные себе, а не за злых или добрых духов.

Значит, Гольден был неправ, когда рассматривал дымовой треугольник как знак религиозного поклонения нашему кораблю.

На сегодняшнем совете мы должны расширить и модифицировать программу связи. Гартер уверен, что нам удастся довольно быстро разработать систему знаков и что-то вроде словаря, который сделает возможным ближайший контакт и создаст условия для высадки. Конечно,

мы будем строго придерживаться Марсианской конвенции. Логер даже думает, что проционицы охотно согласятся на визит, тем более что они не в состоянии помешать нам сесть.

По уровню техники они немного отстают от нашего XX века. Если говорить о жизни этих существ, то в ней немало контрастов. Большинство городов, а особенно Столица Желтого Континента, — это истинные шедевры градостроительства и архитектуры. Богатство форм и цветов просто ошеломляюще. Одновременно в некоторых районах, особенно в горных областях, можно увидеть строения с таким примитивным...

Следующей была приведенная ранее страница 1207 с сообщением о трагической гибели командира фотолета «Маттерхорн». После нее шла страница под номером 1266:

«Собственно, я немного преувеличиваю. В то время я не был объективен. Удивляться нечему... Спектральные исследования уже издалека показали наличие свободного кислорода. Жизнь имела углеродно-органический характер. Мы видели большие водохранилища, районы, покрытые чем-то вроде растительности Венеры, а их города — достаточно веское доказательство сравнительно высокой и древней культуры. Что еще более близкое нам, почти родное мы могли встретить во Вселенной, чем эта IV планета Проциона А? Кто мог предполагать, что проблема здесь не сводится к выбору между кислородной маской и климатическим скафандром?»

Страницу, помеченную номером 1401, почти невозможно было прочесть. Удалось понять лишь, что речь идет о каких-то «необычайных сокровищах искусства», а также об опасности «неожиданного нападения, которое может кончиться катастрофой». В прошедшем времени говорилось также о сражении и об уничтожении тридцати четырех «сигар». Тут было какое-то противоречие, так

как некоторые фразы как будто указывали на то, что борьба носила оборонительный характер. Одновременно автор дневника приписывал Логеру авантюризм и обвинял в нарушении основ Космического права. Может быть, мой друг попросту был предубежден против Логера и преувеличивал в своих записках факты, которые могли свидетельствовать против него?

За этой испорченной страницей следовала другая, уже приводившаяся (1443), в которой говорилось о бегстве проционидов из города. Наконец шли две страницы под номерами 1958 и 1959. Вот их содержание:

«... никакого смысла. Я не позволю лишать корабль всего экипажа. И так нас осталось двое. Зачем ему столько людей там, внизу? Все равно глыбы не сдвинуть — поля слишком слабы! У Калена до сих пор язвы на пальцах от сильного воздействия радиации. И кроме того, я не соглашусь, чтобы эту дрянь складывали на корабле! Мне пока что жизнь дорога. Если попытается прислать еще один транспорт, — не задумываясь выброшу все в пространство! Действуют как бандиты и думают, что я буду заодно с ними...

16 января.

Уже третий день сижу в аварийной камере. Вероятно, это конец. Не оставили мне даже воды. По-видимому, Логер ждет, пока я не умру от жажды. Пожалуй, дождется. У меня нет никаких шансов выбраться из этой трубы. Даже свет выключил. Диктую эти слова на пленку. К счастью, магнитофон был в кармане. Может, кто-нибудь случайно найдет его и передаст на Землю правду о том, что тут произошло...

...Вчера с утра, как я и предполагал, Логер прислал новый груз. Я выбросил все в пространство и уничтожил на расстоянии 80 километров. Конечно, они с базы это видели... Я устроил им иллюминацию, тем более что све-

тил только Процион В. Казалось, будто Процион А вдруг озарил небо. Логер прилетел с Гордоном. Убедил Гагена, что я спятил. Бросили меня сюда, в камеру. Я думал, хоть воды дадут и каких-нибудь питательных таблеток, но никто не появился. Даже света не оставили.

Не ожидал я этого от Гагена и Гордона. Может быть, Логер сказал им, что оставил мне пищу? Наверное, сказал. Они, конечно, не обрекли бы меня на такую подлую смерть. Очевидно, они ничего не знают.

Почему, однако, никто не подает признаков жизни? Неужели оставили корабль без экипажа? Правда, центральная координационная система работает и вмешательство человека излишне. Но все-таки... Вероятно, Логер забрал всех на эту проклятую базу!

А они словно все походили с ума! Я понимаю: можно тосковать, можно вздыхать по женщине, любимой, матери, но по мигающему шару?! Хорошо, что я не полетел туда. Еще, чего доброго, и меня это захватило бы.

Наверное, корабль пуст. Логер забрал всех. Это же ясно: иначе кто-нибудь мне помог бы, не дал сдохнуть в этой темноте. А Логер даже света мне не оставил!

18 января.

И все же я жив! Назло всем! Наперекор этому подлецу! Я живу, а они там сдыхают. Может, еще не сейчас, но это наступит, рано или поздно. Наступит — и ничто им не поможет! Проциониды наверняка не дураки! Это, конечно, их работа. Мудрая работа. Кто бы ожидал от этих скользких тварей, что они сумеют такого мудреца, как Логер, поймать в ловушку? И как поймать! Примитивная техника! Деятнадцатый век! И все же двадцать первый век тут не поможет. Самое большее — распадешься на фотоны.

И я им не помогу. Не могу помочь, если бы даже хотел. Если бы мог — сделал бы все, чтобы вытащить их

из этого стеклянного гроба. Но я бессилен. Совершенно беспомощен. Во всем виноват Логер.

Если бы хоть Кален был на корабле... Он, возможно, нашел бы какой-нибудь способ. А я не могу даже простого скафандра смонтировать, не то что систему электромагнитного поля. Да разве помогут и такие приборы, которые монтировали Кален и Логер? Разве они растопят эту стеклянную массу? Ведь о механическом воздействии не может быть и речи.

Пробовал дать задание координатору, но и он беспомощен, проявляет полное безразличие. А ведь ему я обязан жизнью. Это он услышал стук и привел в действие крышку аварийного люка.

Что делать? Что делать? Не могу же я их оставить! Как только столица войдет в тень, попробую наладить световую связь. Может быть, Петерсен и Кален что-нибудь придумают».

Последняя страничка, помеченная номером 2004, была продиктована уже на обратном пути:

«Все это ерунда. Однако человек — глупая машина. Плохо записанная лента. Все кружит, кружит и помнит о том, что хотелось бы забыть.

Собственно, о чем я беспокоюсь? Ведь я жив! Свободен! Вернусь на Землю, и все будет в порядке. Пища есть. Им тоже хватит таблеток. Хватит ли? Ведь это только для меня время течет быстрее. Одиннадцать и три десятых года! Это в лучшем случае дважды по 12 лет... Хватит ли им энергии? Может быть, хватит. А нервы? Не перегрызутся ли, как дикие звери? А если им не хватит энергии? Может быть, уже не хватило? У меня перед глазами стоит жуткий гриб ядерного взрыва. А потом... я уже не уверен. То мне кажется, что это амфитеатр, в котором горят слабые огни затопленной базы, то — что

там вообще нет города, а лишь ужасная воронка, кратер диаметром во много километров.

Все время вижу прозрачное вещество и их тени в окнах базы... Видят ли они еще звезды? Может быть, уже пыль, несомая ветром, толстым слоем покрыла поверхность застывшего озера? Может, там растут цветы? Их цветы. Пурпурные цветы проционидов. Цветы, к которым никогда не прикоснется рука человека.

Может быть, жители столицы вернулись в свои жилища? А если вернулись? Отдают ли они себе отчет в том, что кроется внутри их пустой пирамиды? Как мало надо, чтобы вместо города на этом месте чернел кратер. Опять не могу избавиться от ощущения, что там все уже кончилось, что спасательная экспедиция не имеет смысла...»

На этом дневник обрывался. Что же произошло с экипажем фотолета «Маттерхорн»? Почему погиб Славский? Каким образом была затоплена база на поверхности IV планеты? Почему мой друг не мог помочь товарищам? И почему не хотел принимать груз, присланный командованием экспедиции? Может быть, руководствовался только соображениями морали? Может быть, за этим кроется какая-то другая причина? Каким был на самом деле Логер?

Мне хотелось узнать правду.

Я поднял голову. Глаза мои встретились с глазами Конопатого. Он не спал, а внимательно смотрел на меня.

— Читал? — спросил он, показывая глазами на исписанные странички.

Я смутился. Отрицать было бессмысленно.

— Пытался навести здесь порядок и случайно наткнулся на них, — неуверенно начал я. — А так как они меня очень заинтересовали, то...

Он усмехнулся и зло проговорил:

— Я придумал новую поговорку: «Не пускай в дом газетчика, даже если он уверяет, что ушел на пенсию»...

— Прости; — буркнул я. — Мне, пожалуй, пора.

— Нет! Теперь не уйдешь! Садись! — приказал он безапелляционно. — Раз уж ты прочел эти странички, то должен узнать всю правду, чтобы понять...

Мне было не по себе, но одновременно я почувствовал некоторое облегчение.

— От всего этого в дрожь бросает, — осторожно начал я. — Это ты диктовал? — я показал на отпечатанные странички.

— Да. А что тебя интересуёт?

— Собственно, все. Я хотел бы разобраться в этой истории. Ты мог бы рассказать мне всё в какой-нибудь хронологической последовательности?

— У меня нет желания рассказывать. А тем более рассказывать по порядку. Если хочешь — спрашивай, не хочешь — не спрашивай...

Он вытянулся на диване, положив руки под голову.

— Насколько мне удалось понять, — начал я сразу, — после прибытия в систему Проциона вы вывели «Маттерхорн» на стационарную орбиту вокруг IV планеты Проциона А и пытались наладить связь с ее жителями. Эти попытки практически что-либо дали?

— Не понимаю, что ты имеешь в виду. Мы пытались найти общий язык визуальными методами. Ракета чертила светящиеся фигуры в пространстве. Проциониды очень разумные существа. Уже на второй день они начали реагировать весьма логичным образом на наши сигналы, а через четыре дня, как следовало из ответов, уже понимали их смысл, так что через неделю встал вопрос о непосредственных контактах.

— И всю эту неделю вы не высаживались?

— Нет. Космическое право запрещает высадку на обитаемых планетах, заселенных разумными существами, без их согласия. Кроме того, всегда необходимы предварительные наблюдения. Надо было хоть немного познакомиться.

— Как выглядели эти проциониды?

— Как перевернутые запятые, липкие, осклизлые создания. Тело округлое, как шар или яйцо. Шесть конечностей — все хватательные.

— А голова?

— Головы вообще нет. Во всяком случае, в нашем понимании. Органы зрения — на подвижных усиках, а отверстия для приема пищи и выделения отходов — в окончаниях щупалец.

— У тебя нет снимка?

— Есть. Позже покажу.

— А полный комплект дневника сохранился?

Он подозрительно взглянул на меня.

— Нет. Все уничтожил. И микромагнитную запись тоже... Все уничтожил! — повторил он.

— Зачем?

— Так лучше, — уклончиво ответил он.

— Чего-нибудь боишься?

— Хвалиться нечем. Они... — начал он и вдруг переменял тему. — Ты спрашивал о высадке? С этого все и началось! Когда нам удалось вдолбить проционидам, что мы хотели бы нанести им визит, они сразу согласились. С делегацией должны были лететь Славский в качестве командира, Кален — как навигатор и механик, Гордон и Холи — знатоки искусства и внеземной архитектуры, а также Гартер — лингвист и кибернетик. Мы были очень довольны, что все идет так гладко, только один Петерсен был неспокоен. Он твердил, что сначала надо послать автомат. Такое быстрое согласие может означать ловушку.

Дело в том, что мы обнаружили в окружающем пространстве большое количество античастиц. Не подлежало сомнению, что это явление имеет какую-то связь с исследуемой планетой. Петерсен считал, что у нас нет еще достаточных данных для оценки технического уровня, достигнутого проционадами. Возможно, говорил он, что основная промышленность размещается в глубине, что они уже располагают ядерной техникой и античастицы — продукт экспериментов. Петерсен даже высказал мнение, что при оценке ситуации всегда необходимо учитывать вероятность нападения. Однако Логер высмеял его, говоря, что наличие большого количества античастиц — следствие определенного рода селекции космического излучения, которое, по-видимому, возникает в довольно сильном магнитном поле IV планеты. Уже во время полета, особенно последние полгода, мы замечали, что в некоторых районах увеличено количество античастиц со значительным зарядом, как мы думали, внегалактического происхождения. Поток этих частиц был, по мнению Логера, захвачен и удержан в системе Проциона. Вообще-то спор был сугубо теоретическим — каждый подтверждал свои доводы формулами, но дискуссию пресек Гольден, авторитетно заявивший, что разведчика высылать нельзя без согласия жителей планеты. А просить сейчас разрешения нецелесообразно, так как они могут подумать, что мы им не доверяем. Правда, в последнем он был, конечно, не прав, потому что высылку автомата можно было легко оправдать необходимостью определения условий, а особенно наличия микроорганизмов, чтобы не вызвать взаимного заражения. Но тогда нам всем так не терпелось с посадкой, что мы переспорили Петерсена. В конце концов он согласился с тем, что мы должны сделать одно зондирование в свободном пространстве, то есть выше тысячи километров над поверхностью планеты. Автомат выявил

тогда наличие сферы радиации, состоявшей из античастиц, что, казалось, подтверждало теорию Логера.

— И все-таки это была ловушка? Славский погиб?

— Погиб. Как и было решено, они полетели внятером. Сначала все шло хорошо. Пилот-автомат вел машину по заданной орбите. Славский, Гордон, Холи, Гартер и Кален сидели в пассажирской кабине, наблюдая за экранами магнитно-гидродинамической системы, защищающей поверхность ракеты от нагревания, которое вызывают соударения с ионизированными частицами атмосферы. Самовозбуждающееся поле служило надежной защитой одновременно и от ионизированных частиц, и от античастиц, пути которых искривлялись так, что не достигали стенок корабля. Конечно, определенное количество частиц с большим зарядом проникает сквозь такое поле, по мы считали, что это не могло создавать большой опасности. И когда вдруг раздался аварийный сигнал, оповещающий о резком скачке величины излучения, никто не обратил на это внимания. Подумали, что это попросту кольцо радиации, теоретически предвычисленное Логером и подтвержденное роботом-разведчиком. Подобное кольцо имеется и у Земли, однако у IV планеты оно состояло почти исключительно из античастиц. Сила излучения возрастала. Ракета потеряла радиосвязь с кораблем. Славский приказал спутникам сидеть на местах, а сам пошел в кабину пилота, так как робот сигнализировал все настойчивей и мог в любой момент самостоятельно изменить направление полета. Повидимому, Славский решил, как можно скорее пройти сферу радиации, и приказал роботу направить машину прямо вниз, к планете. Он считал, что ниже, как это предсказывал Логер, окажется сфера, состоящая из протонов. Это-то и было самоубийством. Дозиметры ошалели! Сила гамма-излучения была так велика, что через несколько минут счетчики перестали работать. Одновременно

воспламенилась поверхность ракеты. Приборы показали, что вместо ожидаемых протонов ракета наталкивается только на антипротоны и что напряжение поля возрастает. Славский приказал роботу повернуть, но тот вышел из повиновения. По-видимому, возросшее гамма-излучение вызывало какие-то возмущения в электронных системах автомата. Славский был вынужден перейти на ручной пилотаж. Машина повернула, но еще некоторое время продолжала углубляться в атмосферу. И горела... Горела! — повторил мой друг дрожащим голосом. — Защитное поле «село». Ты знаешь, что происходит, когда сталкиваются частицы с античастицами? Мы видели с корабля, как поверхность снаряда стала красной, потом желтой, наконец белой. Мы были убеждены, что подтвердились предположения Петерсена и проциониды атаковали ракету потоком антипротонов. Логер даже потребовал включения двигателей, с тем чтобы перевести «Маттерхорн» на более удаленную орбиту, но мы не позволили. Ведь это означало оставить наших людей на произвол судьбы. Ракета горела, но направление ее полета изменилось, она уже отдалялась от проклятой планеты! К счастью, двигатели выдержали. Правда, Славский был уже мертв. Исследования показали, что температура в кабине пилота дошла до восьмисот градусов, но после выхода ракеты из атмосферы и ослабления гамма-излучения робот снова принял управление на себя. Однако он не мог довести снаряд до «Маттерхорна», так как совершенно ослеп.

— Кто ослеп?

— Я же говорю — робот! Все наружные приборы ракеты оплавилась. Когда мы добрались до нее, она была еще ярко-красной. К счастью, люк открылся легко. Гартер, Кален, Гордон и Холи были живы, но без сознания. Пассажирская кабина находилась в центре корпуса и не

имела иллюминаторов. Температура не превышала тут ста градусов. Славского, увы, не удалось вернуть к жизни.

— Значит, Петерсен оказался прав?

— Все зависит от того, как это понимать. Он был прав, считая, что необходима разведка. Нам никто не устраивал ловушки. Прочиониды не хотели нас убивать! Они вообще не имели ни малейшего понятия о ядерной физике.

Я был совершенно обескуражен.

— Тогда что же произошло?

— Это был *антимир*! — тихо, но с ударением сказал мой друг.

Наступило молчание.

— Ты имеешь в виду мир, созданный из античастиц? — спросил я спустя минуту, желая еще раз увериться в том, что не ослышался.

— Да, — кивнул он. — Ты, наверное, представляешь себе, что это значит? У нас вокруг положительных ядер вращаются отрицательные электроны. Там вокруг отрицательных ядер вращаются положительные электроны — позитроны. Вместо протона — антипротон, вместо нейтрона — антинейтрон. Столкновение частицы с античастицей дает в результате...

— ...аннигиляцию, — dokonчил я, чувствуя, что холодею.

— Да. Аннигиляцию, — повторил он глухо. — Уничтожение существовавшей до этого формы материи, превращение вещества в излучение. Ничего странного, что жароупорная поверхность ракеты горела, как солома на ветру.

— Неужели возможно, чтобы Прочион... Так близко от Солнца! Едва одиннадцать световых лет!

— Что значат все теории против фактов? — неестественно рассмеялся мой товарищ. — Придется пересмотреть космогонические теории. Придется создать новые,

а старые выкинуть на свалку. Да, Зеленый Глаз, на свалку!

— Я все еще не могу поверить!

— И мы тоже не могли. Даже Петерсен не верил! Ведь до сих пор считалось, что если в галактике приходилось в среднем больше одной античастицы на 10 миллионов частиц, то это уже должно было вызывать нарушение термодинамического равновесия! Концентрация антиматерии в межзвездной среде настолько мала, что все единодушно исключали возможность возникновения в Млечном Пути звезд, состоящих из антиматерии.

— Может быть, этот антимир попал к нам из другой галактики?

— Маловероятно. Уж слишком невелика скорость Пропиона относительно Солнца. По-видимому, мы еще мало знаем о Вселенной. Это открытие совершенно выбило нас из колеи.

— Но ведь уже во время вхождения в систему вы должны были сообразить...

— Внутри системы мы входили в период торможения. А действие фотонного двигателя, вернее, продукты протекающих в нем реакций совершенно меняют качество измерений, проводимых в непосредственной близости от корабля.

— Стало быть, кроме следов антиматерии в космическом пространстве и вблизи IV планеты, вы ничего не заметили? Невероятно!

Конопатый некоторое время смотрел на меня, словно обдумывая вопрос.

— Не забывай, — сказал он наконец, — что антиматерия физически и химически внешне ничем не отличается от материи. Собственно, это та же материя, только повернутая наизнанку. Для пропионидов наши физические и химические справочники пригодны так же, как и для

нас. Они описывают те же самые закономерности, те же самые реакции с теми же самыми элементами. Только для них наша материя является антиматерией. Вопрос, с какой стороны смотреть. Однако на расстоянии различий обнаружить невозможно. Все фотоны одинаковы. Только при непосредственном столкновении...

— И тогда, после катастрофы, вы поняли, что это антимир?..

— Если бы так... — тяжело вздохнул мой друг. — К сожалению, это нам даже в голову не пришло. Мы были заморожены подозрениями Петерсена. Да и кто бы мог поверить, что планета построена из антиматерии? Логер, который тотчас по смерти Славского взял руководство в свои руки, сказал, что на разбойничье нападение мы должны ответить демонстрацией нашей высокой техники. Мы должны показать, что наши ракеты, если мы того захотим, достигнут поверхности планеты. Я сопротивлялся этому, считая, что нет смысла обострять и без того сложную ситуацию. Логер, может быть, и не посчитался бы со мной, но меня поддержали Гольден, Кален, а позже и другие. Однако Логер требовал, чтобы из ускорителя выслали в направлении планеты поток античастиц. Он хотел доказать, что и мы тоже можем это сделать. Конечно, результата это не дало никакого. Но еще и тогда мы вели себя как слепцы. Петерсен считал, что они могли отвести поток каким-нибудь полем. Гольден предложил послать в качестве парламентаря робота, снабженного мощным защитным полем. Целью полета Логер выбрал остров диаметром около полутора километров, на котором возвышалось какое-то строение, по форме напоминавшее священную пирамиду ацтеков.

— Вы не пробовали договориться с помощью световых сигналов?

— Пробовали, но ничего не вышло. Гольден пытался передать своего рода ноту, в которой мы говорили о нарушении проционидами договора, повреждении нашей ракеты и вызванной этим смерти человека, а также требовали дипломатического удовлетворения. По-видимому, это было слишком сложно для убогого общего языка. Проциониды не поняли, но, очевидно обеспокоенные, систематически повторяли серии сигналов, которые мы раньше приняли за согласие на посадку. Логер требовал выслать ракету-робот. Пока робот двигался среди ионизированной антиматерии, защитное поле неплохо его предохраняло. Однако, когда он вошел в плотные слои и потерял скорость, процесс аннигиляции усилился. На высоте пятидесяти километров снаряд уже ослепительно сверкал. Мы были убеждены, что проциониды хотят его уничтожить, и пытались изменить направление полета, но рулевой механизм уже отказал. Наконец произошел взрыв. Робот не содержал взрывного заряда, а тем более ядерного. И все-таки взрыв поразительно напоминал взрыв водородной бомбы. Только тут Петерсен и Логер поняли, что перед нами антимир. В ракете было около ста килограммов массы. Часть материи аннигилировала в атмосфере, однако с поверхностью воды столкнулась по меньшей мере половина этой массы. Снаряд упал рядом с островом в море. Много часов радиоактивная туча висела над океаном, достигая даже побережья, удаленного от острова на сто девяносто километров.

— А проциониды?

— Очевидно, на острове их было немного. Слабое, конечно, утешение — ведь снаряд буквально стер остров с поверхности моря. Как только мы поняли, что имеем дело с антиматерией, мы послали проционидам предостережение, чтобы они покинули район, которому угрожала радиоактивная туча. Однако, я думаю, было немало смер-

тельных случаев и за пределами острова. Все мы были подавлены происшедшим. Воспоминания о недавней смерти Славского словно поблекли. Даже Логер казался надломленным, ведь ответственность падала на него.

— Что за глупая, бессмысленная и ужасная история! — воскликнул я, глубоко потрясенный рассказом друга.

— Да. Это было страшно... Мы совершенно не знали, как выпутаться из создавшегося положения. Логер даже хотел вернуться в солнечную систему, но Гольден убедил его в бессмысленности такого решения. Гольден говорил, что надо все как-то загладить. А кроме того, экспедиция должна выполнить задание. Тем временем проциониды совершенно превратно поняли случившееся — они расценили его как объявление войны. И не удивительно!..

— Вы, конечно, пытались выяснить недоразумение?

— К сожалению, проциониды не имели представления об атомном ядре, не говоря уже об антиматерии, и не понимали, о чем мы пытаемся им сообщить. А может быть, просто перестали нам верить! С той минуты они уже ни разу не ответили на наши сигналы. Через неделю бесплодных усилий наладить контакт Логер решил, что мы попробуем еще раз установить непосредственную связь. Правда, о высадке человека на поверхность планеты, созданной из антиматерии, не могло быть и речи...

Я обратил внимание на расхождения между рассказом и дневником.

— Ты же писал... — начал я, но он не дал мне закончить.

— Подожди! Это было только начало! Видно, немного ты понял из тех отрывков, — он показал на листки, — если не знал ни об антиматерии, ни о скафандрах с электромагнитной защитой.

Я потянулся к страницам.

— О скафандрах там что-то было. Но я не догадался, какие они. Неужели?..

— Эх! На все найдется средство! Даже на антиматерию! Сначала разговор шел только о роботах. О людях еще никто не думал. Протиониды не отвечали на сигналы, а в остальном вели себя, как прежде. Мы наблюдали за ними в телескоп, делали снимки и измерения, время от времени — неглубокое зондирование. Наконец, спустя пять недель, Логер, Петерсен и Кален закончили сборку двух роботов, которые могли опускаться в этот антимир, передавать телевизионные изображения и производить наблюдения вблизи.

— Но вы ведь имели дело с неионизированной антиматерией, не поддающейся влиянию полей. Каждая частица воздуха, столкнувшаяся с аппаратом...

— Вот именно! — перебил меня приятель. — Нельзя было допустить такого столкновения! Логер и Петерсен напали на мысль окружить робот слоем ионизированной антиматерии, удерживаемой на расстоянии при помощи мощного поля. Ионизацию вызывала аннигиляция частиц, которые проникали сквозь поле. Увеличение количества частиц, проникающих сквозь защитный слой, вызывало усиление ионизации и тем самым усиливало защитный покров, уменьшая аннигиляцию. Умело регулируя поле, можно было поддерживать своего рода равновесие, с тем чтобы защитное поле не устраняло аннигиляцию, а только чрезвычайно замедляло ее. Робот был снабжен двумя ионными двигателями: одним — ракетным, на плазме, создаваемой из собственных запасов материи, работавшим в космической пустоте, где не надо было включать охранного поля; другим — внешнего типа, поступательным, работавшим только при включенном поле в антиматериальной атмосфере.

— Каким образом?

— Поле не только отталкивало ионизированные частицы антиматерии и охраняло робот от столкновения материи с антиматерией, но могло отбрасывать эти частицы в определенном направлении, создавая реактивную тягу. Изменяя направление отталкивания, можно было свободно маневрировать машиной. Это, несомненно, было удачное изобретение. Аппарат имел только два существенных недостатка: немилосердно нагревался, и поэтому приходилось применять весьма интенсивное охлаждение, а кроме того, антиматерия в твердом состоянии могла проникнуть сквозь защитный слой и вызвать взрыв. Но тогда это казалось нам несущественным. Кален, кроме того, задумал сумасшедший план создания магнитного подъемника, позволяющего переносить на орбиту корабля антиматериальные предметы из железа. Это было бы неплохим началом и открывало перспективы создания робота с твердой антиматериальной защитой.

— И такой снабженный полем робот мог садиться на планету?

— В точном значении этого слова — нет. Он только висел над поверхностью в антиматериальном воздухе. Первый робот такого типа вел сам Логер. Одновременно мы выслали предупреждение, чтобы жители планеты не пытались атаковать машину. И в этом, пожалуй, была ошибка.

— Не понимаю.

— Для проционидов это явилось подтверждением их опасений, что мы собираемся овладеть планетой. Они встретили робот чем-то вроде заградительного огня. Технический уровень — где-то между концом XIX — началом XX века на Земле. Примитивные снаряды с реактивными двигателями взрывались, словно шрапнель, над местом, которое Логер выбрал в качестве цели первого полета. Только случай да быстрая реакция Логера помогли

избежать катастрофы. Он поднял машину на высоту двадцати километров, и мы принялись решать, как поступать дальше. Тут-то Логер впервые показал свое настоящее лицо. Большинство экипажа считало, что надо отступить и возобновить попытки оптической связи. Логер выслушал всех, а потом высказал собственное совершенно противоположное мнение, не допустив дальнейшей дискуссии. Ты знаешь, какие права предоставляются командиру космического корабля, какую власть он имеет за пределами сферы трех населенных людьми планет. Так должно быть. Но тогда это было просто авантюризмом. И даже хуже. Логер приказал Калену установить на втором роботе скорострельный автомат, который должен был защищать первый. Второй робот должен был пилотировать я. — Он умолк и нервно смял в руке исписанную страницу.

— Но ведь не намеревались же вы атаковать проционидов? — начал я, но вопрос, по-видимому, не дошел до сознания моего друга, так как он продолжал, словно не слыша.

— Приказ был коварным! Логер хотел отыграться на мне: я был самым ярым противником вооружения робота.

— А уполномоченный? Ведь космический закон гласит, что высаживаться можно только с разрешения жителей планеты. Неужели...

— Как же ты наивен, Зеленый Глаз! — перебил он с иронией. — Одного закона мало, надо иметь совесть. Я говорил, что Гольден легко поддавался чужому влиянию. Правда, я отчасти понимаю Логера: тут был принципиальный вопрос о выходе из тупика. Мы все тогда единодушно решили, что о возвращении не может быть и речи, что надо как можно скорее добиться взаимопонимания и начать исследовательские работы. Разница была только в выборе средств. И именно тут проблема приобретала принципиальный характер. Гольден поддержал Логера, пояс-

нив, что посылка робота не высадка, а лишь способ установить контакт с жителями планеты. К тому же проциониды не подавали сигналов, которые можно было бы рассматривать как нежелание разрешить посадку. Конечно, все это было чистойшей софистикой: обстрел робота, несомненно, следовало понимать как сопротивление. Однако Логер не допустил, как я говорил, дискуссии.

— И ты пилотировал этот робот?

— А что я мог еще сделать? Согласно инструкции, я вел машину на расстоянии тридцати километров от робота Логера. И в случае опасности должен был применить оружие.

— В мире антиматерии!

— Скорострельный автомат — это что-то вроде пистолета-пулемета, выбрасывающего снаряды весом в несколько граммов. Снаряды могут быть любые, вплоть до ядерных. Там же было достаточно обычной материи. Разумеется, снаряды были снабжены небольшими генераторами поля. Я тебе уже говорил, что более массивный снаряд такого рода с большой кинетической энергией может проникать сквозь защитное поле. Ясное дело, он тотчас соударяется с частицами газа атмосферы, и начинается аннигиляция; замедленная самоиндуцирующимся полем. При столкновении с твердым телом или жидкостью наступает взрыв, сравнимый с взрывом маленькой аннигиляционной бомбы. Это было довольно грозное оружие, несмотря на небольшую массу снарядов. Выдумка Логера, на это у него ума хватило!

— Ну и?..

— Именно тогда все и началось, — сказал Конопатый, угрюмо глядя в пол. — Логер направил свой робот к районам, покрытым растительностью, где построек было немного и, как казалось, не могли скрываться военные машины. Робот беспрепятственно добрался почти до

самой поверхности планеты и летел на небольшой высоте в направлении ближайшего города. Мой робот висел на высоте двадцати пяти километров, откуда я наблюдал за нужным районом. Логер как раз находился над городом, когда я заметил на экране радара на расстоянии восьмидесяти километров два больших летательных аппарата, направлявшихся к городу.

— У проционидов были самолеты?

— По форме они скорее напоминали дирижабли. Длинные «сигары» с отверстием посередине. Какая-то смесь колеонтера с дирижаблем. «Сигары» двигались в направлении города со скоростью свыше ста километров в час, и следовало предполагать, что это примитивные боевые машины. Я предостерег Логера, но он как раз заметил на крыше самого высокого здания города длинный стержень, показавшийся ему изготовленным из железа. Логеру во что бы то ни стало захотелось проверить, не удастся ли ухватить стержень электромагнитом. Он приказал мне по возможности дольше задержать те две «сигары», конечно избегая столкновения. Тем временем ситуация приняла непредвиденный и очень опасный оборот. Замеченный Логером стержень был намертво прикреплен к крыше. В нем действительно содержалось железо, так что его удалось ухватить кольцевым магнитом, но, конечно, не могло быть и речи о том, чтобы поднять его вверх. Логер выключил электромагнит, но ракета оставалась неподвижной.

— Авария?

— Нет. Стержень, торчавший из крыши, сам был чем-то вроде электромагнита, а приплыв ионов в защитном поле робота вызывал путем индукции возникновение притяжения. Ведь для того чтобы снять со стержня магнитное поле и подняться в воздух, надо было как раз отбросить ионы вниз, вдоль оси стержня.

— Поразительная история...

— Случайность, но виноват был Кален, не предусмотревший такой возможности. Ситуация стала трагической: робот не мог стартовать, а тем временем «сигары» шли на помощь городу. О том, чтобы их задержать, нечего было и думать. При виде моего робота «сигары» стали расходиться, причем одна из них попыталась окружным путем добраться до города, а другая шла прямо навстречу мне. С расстояния около трех километров они открыли огонь. Однако, прежде чем их ракетные снаряды пролетели необходимое расстояние и взорвались, я успел поднять робот вверх на десять километров. Я сказал себе, что не буду уничтожать эти машины, но оказался перепертым к стенке. Робот Логера был не в состоянии стартовать и его в любой момент могли атаковать. Аннигиляция означала бы гибель города. А ведь экипаж «сигар» не мог знать об этом и направлялся к городу именно для уничтожения космического пришельца. Было совершенно исключено, чтобы мы успели объяснить жителям, в чем состоит опасность, прежде чем дело дойдет до катастрофической атаки. Мне казалось, что я схожу с ума. Я проклинал Логера и Калена, а одновременно убеждал себя, что в данный момент единственным спасением для города является уничтожение обоих боевых кораблей. Тем временем машины все ближе подходили к городу, обстреливая мой робот при каждой попытке задержать их.

Нервная судорога пробежала по лицу Конопатого. Я почувствовал, что и мне что-то сжимает горло.

— И ты уничтожил эти дирижабли? — с усилием спросил я.

Он кивнул, не глядя мне в глаза.

— Я знаю, тогда не было другого выхода, — сказал он тихо. — Я не мягкосердечный человек, многое повидал,

но не могу убивать. Не могу не думать. Еще сегодня не могу отделаться от ощущения, что тогда все могло быть иначе.

— Вы не боялись, что застрявший робот может быть атакован жителями города? — попытался я возобновить разговор.

Он долго глядел на меня, словно не понимая, о чем я говорю, наконец ответил уже немного спокойнее:

— Было одно счастливое обстоятельство, исключавшее нападение снизу. Крыша строения представляла собой широкую вогнутую террасу, так что ни с соседних домов, ни снизу робот видеть не был. Они могли напасть только с воздуха или пройти каким-нибудь ходом через крышу. Однако никто, по-видимому, не релпался на такого рода встречу. Проциониды всегда избегали наших машин. Да и нечему удивляться.

— Они не возобновили атак с воздуха?

Он горько усмехнулся.

— Это было только начало. Мы уничтожили еще тридцать два летательных аппарата, прежде чем проциониды поняли, что атаки не имеют смысла. Это, увы, уже была война. Ненужная, лишенная даже крупиц логики. Самое худшее, что мы не могли прекратить военных действий, пока не были смонтированы приспособления для освобождения робота. Петерсен и Кален делали, что могли. Но лишь спустя четыре недели им удалось закончить монтаж третьего робота. Это было необходимо, так как второй должен был оборонять первого. Третий робот снабдили ускорителем, излучающим узкий пучок протонов большой энергии. Вызывая этим потоком аннигиляцию, удалось наконец отделить злосчастный стержень. Этот месяц окончательно меня вымотал. Я был совершенно надломлен психически. Когда наконец все три робота вернулись на «Маттерхорн», я уже буквально ни на что

не годился. Лишь через два месяца Гибсон, корабельный врач, поставил меня на ноги. Но было уже поздно. Хотя, как знать? Может, это была только моя глупость? Может, не надо было потакать Логеру, а просто пальнуть ему в лоб или...

— О чем ты говоришь? — спросил я, чувствуя, что Конопатый опять начинает перескакивать через события и путаться в них.

— Видишь ли, — начал он с явной неохотой, — за эти месяцы, вместо того чтобы улучшить положение, Логер и его клика окончательно все обострили. Клика маньяков и авантюристов!.. А было так: уже снимки «Бумеранга XII», которые давали только весьма общие представления об архитектуре и градостроительстве проциони-дов, произвели сильное впечатление на людей. Но то, что показали камеры роботов, было настоящим чудом! У этих существ скульптура и архитектура играют какую-то особую, доминирующую роль. Даже те несчастные «сигары» были необычайными произведениями искусства. С ними нельзя равнять даже наши гелеоны периода Возрождения и барокко. Это были сооружения с какими-то странно легко входящими в душу человека пластическими формами. Наши искусствоведы просто потеряли головы. Рассматривая города проционидов вблизи, они словно ошалели. Это передалось Гольдену и Логеру. Да что там говорить! Даже Кален и Петерсен не остались безразличными, хотя искусство их и не интересовало. И тогда, наперекор не только Космическому праву, но и вообще здравому смыслу и логике, несмотря на то, что и дальше не было никакого взаимопонимания с проционидами, стали посылать роботов на поверхность планеты, в города и большие селения. Начались съемки, измерения, систематизация, классификация. Начались вздохи и сожаления, что это антиматерия, что невозможно увидеть

все поближе, собственными глазами. Хотя бы сквозь стекла скафандров.

— А проциониды?

— Что проциониды! Разве могли они рассматривать нас иначе как врагов? Иногда доходило до стычек. Правда, они уже не пытались атаковать роботов, но огнем преграждали им путь к некоторым объектам, городам и островам.

— А вы?

— Сначала Логер отдал ясный приказ, запрещавший нападать на проционидов, и велел отступать в случае атаки с их стороны. Но позже бывало всякое.

— И вы не могли им объяснить, что это только недо-разумение, трагическое стечение обстоятельств! Ведь легче добиться взаимопонимания при непосредственном контакте, чем на расстоянии, рисуя картинки в про-странстве.

— Ошибаешься. Решают не средства связи, а смысл информации. Это может показаться парадоксом, но общий язык в области отвлеченных понятий гораздо важнее, чем в дословных значениях. Проциониды наверняка точно понимали смысл переданных им изображений. Об этом свидетельствует то, что некоторые указания они выполняли правильно и вообще прислушивались к предостережениям. Однако проциониды считали нас врагами, агрессорами и по меньшей мере наглецами, которых, если бы только было возможно, они выгнали бы со своей планеты. И ни разу с момента возникновения конфликта они не ответили на наши попытки наладить связь.

— А ты не думаешь, что это был своего рода бойкот?

— Вероятнее всего. А может быть, это связано с какими-то правилами поведения, обязательными в их мире.

— Но вы сделали все возможное, чтобы исправить положение?

— В том-то и дело! — подхватил он. — Если бы я мог сказать, что все. Если бы так... Но кто должен был это сделать? Сумасшедшие историки искусства, которых не интересовало ничто, кроме скульптуры и архитектуры проционидов? Или Петерсен, для которого факт открытия антимира означал пересмотр стройной теории, над которой он работал всю жизнь? Может быть, Кален, исступленно конструировавший все новые, все более необыкновенные приспособления, позволявшие вести работы в мире антиматерии? Может быть, Гольден или Логер, которые прежде всего думали о выполнении задания экспедиции?!

— Но разве связь — не первостепенная задача?

— Да. Но не забывай, что нас разделяли тридцать четыре уничтоженных воздушных корабля и полуторакнолометровый остров, сметенный с поверхности моря! Пришлось бы ограничить, а может быть, и приостановить непосредственные исследования. Разве проциониды, зная правду, согласились бы на их продолжение? Даже проявляя максимум доброй воли, разве могли они подвергать себя, свои города, свои произведения искусства беспрепятственному риску аннигиляции?

— Ты хочешь сказать, что никто не был заинтересован в прекращении войны? Ведь это же подлость, преступление!

— Никто никого за руки не хватал. Никто ничьих мыслей не читал. Гольден смог бы тебе все обосновать согласно канонам Космического права. Однако было бы неверно утверждать, что все думали так же. Гибсон открыто добивался прекращения исследований, Гартер часто вступал в конфликты с Логером, пытаясь втолковать проционидам ситуацию слишком открыто.

— Это лингвист-кибернетик?

— Да. Гартер прежде всего занимался связью с проционидами. Он был полной противоположностью Гольдену и Логеру. Иногда казалось, что он держит сторону не людей, а тех уродцев, что они ему ближе. Я на это не был способен. Для меня они всегда были чуждыми существами. Но, возвращаясь к теме, скажу: Кален тоже, особенно позже, был против методов, применявшихся Логером. Не мог простить себе, что созданные им приспособления служили... грабежу! Ведь это был грабеж! В наше время! Кто уполномочивал их забирать что-нибудь с поверхности планеты? Тут вопрос не только в железе для создания изоляционных систем. Одно дело — взятие проб антиматерии или просто сырья, и совсем другое — произведения искусства тех существ.

Я начинал понимать.

— Значит, в том ящике?.. — я показал глазами на дверь, ведущую в соседнюю комнату.

Конопатый замаялся, секунду смотрел мне в глаза, словно раздумывая над ответом.

— В некотором смысле... да. Это как раз из того периода, — ответил он тихо. — Позднее Логер с Каленом и еще двое механиков начали строить снаряд для высадки на планете и даже что-то вроде скафандров. Антиматерию, в основном железо, обрабатывали на расстоянии, в пространстве, с помощью полей. Удалось изготовить не очень толстые оболочки, отделенные полями от поверхности самих скафандров и ракет. Такие аппараты могли садиться на твердую поверхность, и притом без охлаждения, а индивидуальные скафандры, напоминавшие своим видом колокола, позволяли передвигаться в некоторых границах в мире антиматерии. Я считал эту затею безрассудством, ненужным риском. Без нужды подвергали опасности себя и проционидов. Достаточно было секундной неполадки в работе аппаратуры. Стоило только полю

где-либо «протечь», и человек или корабль превратился бы в аннигиляционную бомбу. Но они уже не обращали внимания на опасность. — Он на минуту задумался. — Может, я зря все это рассказываю? Наверное, ты прочел в тех записках?

— Нет, нет, продолжай. Там есть еще упоминание о каком-то сокровище в храме и бегстве жителей города. Но о чем идет речь — непонятно.

— О! Это было уже месяцами тремя позднее! Сначала Логер вообразил, что ему предстоит «историческая миссия», что на IV планете следует создать зародыш человеческой цивилизации, который выполнял бы роль центра, руководящего переменами в обществе проционидов. Однако разве можно было говорить о положительном влиянии людей, если проциониды, как правило, убегали при виде наших машин и прятались в домах? Внутри строений вообще невозможно было попасть, так как проциониды значительно меньше нас. Собственно, это были во все не культурные контакты, а односторонние наблюдения и исследования.

— И часто доходило до столкновений?

— В основном исследования ограничивались небольшим районом площадью в несколько сот квадратных километров, и прежде всего городом, расположенным в центре. Тут можно было двигаться довольно свободно, но в некоторых пунктах планеты жители не допускали посадки наших машин. Растущее беспокойство и даже агрессивность проциониды стали проявлять, когда наши деятели начали добывать для подробных исследований и замеров некоторые предметы непосредственно из строений или из других труднодоступных для автоматов и людей в скафандрах мест. В частности, дело дошло до открытой стычки во время исследования структуры длинного скульптурного элемента, украшавшего узкий проход между двумя

строениями. Гордон пытался отделить этот элемент от стены и был закидан камнями, что, впрочем, не причинило ему большого вреда, так как небольшие куски антиматерии отскакивали от панциря. Будь у них большая масса или скорость, положение могло бы стать небезопасным. А другой раз толпа пыталась сжечь Логера внутри большого низкого строения. Логер снес его выстрелом из пистолета. Позже он объяснял свой поступок тем, что, мол, не выдержали нервы, но факт остается фактом. Гартеру же, собственно, нечего было объяснять проционидам. Где уж тут говорить о взаимном доверии? Наконец дошло до истории со светящимся шаром. Знаешь, в том храме в городе, который мы называли Столицей Желтого Континента... Логер настаивал на том, что этот странный шар надо забрать в солнечную систему. Я в споре участия не принимал, так как ни разу не летал на планету.

— Почему?

— Видишь ли... — он замялся, — все не так просто. Не думай, что я не доверял скафандрам. Такая смерть — лучшая из смертей. Конечно, при условии, что поле исчезнет сразу, а не будет слабеть постепенно, пропуская все больше частиц. Но предприятие наше становилось все более бессмысленным. Я был против подобных исследований. Потом, когда базу перенесли к столице... — Он резко переменял разговор: — А с тем шаром действительно произошла странная история. Почти все предметы, которые создают проциониды, почему-то вызывают у людей приятные ощущения. Может быть, тут проявляется коллективное внушение. Не знаю. Во всяком случае, светящийся шар содержал в себе что-то такое, что действовало на людей чрезвычайно сильно. И притом на всех. Ланг и Гибсон считали, что дело в электромагнитном излучении особого рода, вызывающем путем индукции такие изме-

нения в ритмах биотоков человеческого организма, которые мы воспринимаем как особенно приятные.

— И поэтому они разместили базу там, в храме?

— Нет, нет, — поспешно возразил мой друг. — Действие шара не было настолько уж сильным, чтобы мы потеряли рассудок. С базой было иначе. Сначала Логер пробовал убедить проционидов перенести шар к транспортной ракете. Но они покинули город. За одну ночь! Весь город с многомиллионным населением!

— Прекрасная организованность!

— Да! Это они сумели! Обладая проциониды нашей техникой, положение могло бы быть чрезвычайно неприятным. Логер выбрал для базы место, окруженное особым поклонением проционидов, по форме оно немного напоминало крепость. Сначала казалось невероятным, чтобы они навсегда покинули такой большой богатый город. Однако прошло две недели, а никто не возвращался. Попытки контактов, как ты знаешь, закончились провалом. Проциониды явно оказывали пассивное сопротивление. За это время на дне амфитеатра Логер и Петерсен оборудовали павильон и оттуда совершали вылазки в глубь города. Там было огромное количество произведений искусства. Некоторые, более легкие и в первую очередь те, что не были прикреплены к основаниям, удавалось перенести на базу при помощи транспортной ракеты. Производить исследования в опустевшем городе в одиночку опасались. Была вероятность нападения, а тем временем... Если предмет был слишком тяжел или соединялся с почвой, дело усложнялось. Поля скафандров были слишком слабы, а о создании без помощи проционидов роботов из антиматерии, управляемых на расстоянии, как это планировал Логер, нечего было и думать. Наконец Гольдену пришлось в голову перевести вверх, на орбиту «Маттерхорна» некоторые небольшие, но особенно интересные предметы. Это

было уже слишком для моих нервов. Я сказал, что не приму ни одного килограмма груза, и, когда, несмотря на мое предупреждение, они прислали несколько таких предметов, я уничтожил их, вызвав аннигиляцию.

— Об этом я читал. Потом Логер закрыл тебя в аварийной камере?

— Еще немного — и я сдох бы там от голода и жажды. Меня спас робот-координатор, открывший аварийный люк.

— Как это случилось?

— Сам не знаю... Думаю, ему просто что-то «не понравилось» внутри корабля. Между прочим, он имел задание следить за исправностью систем корабля. Конструкторы не исключали возможности каких-нибудь неожиданностей, аварии. В этом случае координатор вмешивался, чтобы восстановить нормальное положение. По-видимому, мое многодневное пребывание в аварийной камере и стуки в дверь были ненормальным положением с точки зрения автомата.

— Ты уверен, что Логер, закрывая тебя в аварийной камере, хотел таким образом...

Он отрицательно покачал головой.

— Сначала и я так думал. Но, пожалуй, он не имел намерения меня «прикончить». Хотел только изолировать, арестовать, чтобы я не вступил в контакт с Каленом, Гибсоном и Гартером. Логер боялся бунта. Если бы за нами шло две трети экипажа, Логер был бы вынужден уступить. Поэтому всех остальных он держал при себе на базе. Меня боялся больше всего. Он не мог предвидеть, что не вернется на корабль.

— И они все остались на планете?

— Эх, глупейшая история! Ужасно глупая! Дали себя живьем похоронить! Сами влезли в ловушку. Когда я в первый раз взглянул в телескоп, меня пробрала дрожь.

База стояла на дне амфитеатра, тут же, рядом с шаром. И все было как будто на месте, но весь храм, до самого края усеченной пирамиды, заполняла какая-то стеклянная прозрачная масса. В первый момент я подумал, что это вода. Но это была не вода. Застывшее стекло! А они были там, внутри амфитеатра, словно мошки в янтаре. Все роботы, даже простые приборы, сконструированные в последние дни Петерсеном, были там, на дне, собранные вокруг шара, который сквозь эту кристаллическую глыбу продолжал сверкать своими многоцветными огнями.

— Но что же, собственно, произошло?

— Логер решил оторвать шар от цоколя. Подтянули всех роботов. Но, когда удалось сдвинуть его с места, из отверстия под ним хлынул поток какой-то жидкости, которая в несколько секунд заполнила дно амфитеатра, быстро застывая. Люди едва успели укрыться внутри павильона и соединенной с ним ракеты. Но взлететь ракета уже не могла. Клеевидная субстанция выливалась не только снизу. Она лилась также из нескольких боковых отверстий, о существовании которых никто и не догадывался. В несколько секунд храм был затоплен.

— И ты все это видел?!

— Нет. Позже мы установили связь при помощи световых сигналов, так как радио не работало. Тут-то я все и узнал. Ведь они там, в затопленной базе, жили. А я не мог им помочь, — добавил Конопатый, словно оправдываясь. — Не мог. Не располагал никакими приспособлениями, никакими транспортными средствами, имеющими защитное поле. Все ракеты Логер стянул туда, на планету. Прочиониды выбрали подходящий момент! Они все время наблюдали за нами и знали, насколько мы беспомощны, когда нас окружает твердая антиматерия.

— А изнутри павильона нельзя было что-то предпринять?..

— Я же говорю: все приспособления оказались затопленными, погребенными в стеклянной массе! Как можно пробиться при помощи полей сквозь антиматерию? Только с помощью аннигиляции. А именно это и было невозможно, так как означало бы смерть! Прежде всего от гамма-излучения. Люди внутри пытались растопить стекловидное вещество, усиливая напряжение поля, но из этого ничего не получалось. Нужна очень высокая температура, а значит — и охлаждение. А они не могли разбрасываться энергией, хотя имели возможность использовать охлаждающую аппаратуру ракеты. Ведь если бы не хватило энергии, если бы даже на мгновение наступил перерыв в ее подаче из реактора, вся база превратилась бы в колоссальную аннигиляционную супербомбу!

Он умолк, а я был так потрясен, что не мог произнести ни звука.

— Не известно, живы ли они еще, — помолчав, угрюмо произнес Конопатый. — Не помню, на какое время могло хватить энергии их роботам. Ведь достаточно, чтобы только у одного сдало поле. Только у одного! Последние недели роботы потребляли много энергии. Если говорить о базе и ракете, то думаю, что Петерсен нашел бы выход из положения. Он мог даже создать какой-нибудь аннигиляционный реактор, соединяющий нашу материю с антиматерией планеты. Но я им помочь не мог. Не мог помочь. Не мог убивать! — выдавил он голосом, дрожавшим от возбуждения. — Логер хотел, чтобы я принудил проционидов освободить базу. А как я мог их принудить? Только убивая. — Он поднял голову и долго в упор смотрел на меня. — Скажи! Разве я мог?!

Я не знал, что ему ответить. Рассказ, хотя и убедительный, был тем не менее односторонним, а события — столь необыкновенными, что любые попытки оценить их, пользуясь аналогиями, были невозможны.

— Ну, скажи, — настаивал мой друг, — а ты, ты поступил бы иначе?

— Не знаю. Наверное, нет, — неуверенно ответил я.

Он резко перегнулся через диван и схватил меня за руку.

— Так, значит... Так, значит, ты думаешь, что надо было... что можно было иначе?

— Ничего я не думаю! — возразил я довольно резко, вырывая руку. — Мне трудно сказать что-нибудь определенное. Я не знаю всех обстоятельств, не знаю технических возможностей, которыми ты располагал.

— У меня не было никаких возможностей. Я мог только убивать! Уничтожать! Значит, ты думаешь, что надо было принудить проционидов силой?

— Я этого не говорил. Но ты хоть пытался им объяснить световыми знаками, что если они не освободят твоих товарищей, то рано или поздно доведут дело до взрыва, а значит — до полного уничтожения их столицы?

— Я знал, что ты об этом спросишь, — ответил он с горечью. — Все вы спрашиваете одно и то же. Словно это изменило бы положение. А если бы они их освободили, то какие у тебя гарантии, что Логер не стал бы мстить?! Не сомневайся — я старался объяснить проционидам, как обстоит дело. Может быть, они освободили наших. Кто знает?.. — Конопатый как-то странно взглянул на меня. — Да, наверняка освободили. Наверняка.

Я был обескуражен.

— Что ты говоришь?! Ведь только что ты утверждал...

— Допустим, что они никогда не были заключены, — сказал Конопатый, меняя тон. — Что вообще не было никакой ловушки.

Бредит? Нет, это не было бредом. Он говорил совершенно нормальным голосом. Мне показалось, что на губах

у моего друга промелькнула усмешка. Неожиданная мысль пришла мне в голову.

— Значит, неправда, что база была затоплена?

— Допустим, — он снова как будто улыбнулся.

— Но почему... почему ты не принимаешь участия в новой экспедиции?

Конопатый вдруг побледнел. Глаза удивленно расширились. Но сквозь удивление нетрудно было заметить еще одно чувство: страх.

— Что ты знаешь об экспедиции? — глухо спросил он.

— Знаю, что через пять дней фотолет SF-37 «Молния» должен стартовать со специальной базы на Эросе. И знаю, что цель экспедиции — система Проциона. А теперь знаю еще, что эта экспедиция — спасательная.

Конопатый поднялся с дивана и, казалось, готов был броситься на меня.

— Ты... ты... — прохрипел он, — притворялся! Все время притворялся, будто ничего не знаешь. Обманывал меня! Значит, даже ты! Даже ты!

— Не волнуйся, — пытался я успокоить его. — Я не собираюсь использовать то, что услышал от тебя. Думаю, что...

— Я знаю: встреча со мной была подстроена! — резко оборвал меня Конопатый. — Это была игра, рассчитанная на то, чтобы вытянуть из меня как можно больше! Значит, вся история с пенсией была обманом? А я, глупец, думал, что ты честный парень, каким был тогда, много лет назад...

Я чувствовал, что должен объяснить.

— Я не обманывал тебя, говоря, что ушел на пенсию. Полгода назад я оставил редакцию и не собираюсь туда возвращаться. Хочу заняться исключительно литературным трудом.

— И все-таки?.. — он подозрительно взглянул на меня,

— Три дня назад ко мне обратился старый товарищ. Я не мог отказать. Он знал, что мы были друзьями. Да я и не хотел отказываться. Хотел увидеться с тобой. Вспомнить старое.

— Ты наивен, если думаешь, что после всего этого я тебе поверю! Ты...

— Я еще не закончил! — спокойно перебил я его. — Не отрицаю, что моему товарищу, главному редактору одной телевизионной газеты, хотелось получить более подробную информацию об экспедиции «Молния» в систему Прочиона. До сих пор по этому вопросу не опубликовано никакого сообщения. Все упорнее повторялись слухи о возвращении фотолета «Маттерхорн». Мой товарищ сказал, что с этим загадочным делом связано твое имя.

— И потому ты рылся в моей комнате? И потому тщательно переснял на микро пленку содержание всех отрывков? — иронически спросил Конопатый.

Я чувствовал себя пойманным на месте преступления.

— Значит, ты все видел? — пробормотал я.

— Видел, — натянуто засмеялся он. — Все время наблюдал за тобой. Не думай, что я настолько глуп и наивен. Я с самого начала тебя подозревал.

— Я сейчас же при тебе уничтожу пленку.

— Не трудись. Если хочешь, можешь передать своему товарищу эти снимки с приветом от меня. А может, ты записал на пленку весь наш разговор?

— Нет.

— Жаль. Надо было прихватить магнитофон. Было бы готовенькое интервью.

— Но я не собираюсь оглашать содержание нашего разговора.

— Отчего же? Можешь! Если это тебе так уж важно...

В его тоне я почувствовал иронию и не знал, как реагировать на такую странную перемену.

— Не понимаю, почему ты так просто соглашаешься. Ведь если до сих пор не было никаких сообщений о «Маттерхорне», то, по-видимому, это секретные сведения? Если бы ты захотел их огласить, удобных случаев было много...

Мой друг, все еще стоявший передо мной, сел. Снова долго и внимательно он смотрел мне в глаза, словно хотел прочесть мои мысли.

— Спрашиваешь, почему я не запрещаю тебе опубликовать то, о чем ты тут узнал? — медленно процедил он. — Может быть, ты и прав: это кажется странным, что-то тут не вяжется! Можно поверить, что я единственный член команды «Маттерхорна», вернувшийся на Землю, что эта экспедиция вписала не самую прекрасную страницу в историю развития астронавтики. Можно поверить, хотя с точки зрения нашей науки кажется маловероятным, что система Прокциона состоит из антивещества. Можно даже как-то объяснить, почему эта история содержится в тайне. Ведь такого рода, мягко выражаясь, скандальный случай не только чрезвычайно неприятен с точки зрения морали для нас самих, но может повлечь за собой неисчислимые осложнения. Что скажут жители системы Сириуса, с которыми так удачно складывается сотрудничество? Не станет ли это препятствием в развитии межзвездных отношений? Надо выслать другую экспедицию, которая подробно исследует все на месте. Много может вызвать сомнения, например правильно ли поступил один из участников экспедиции, оставив своих товарищей в том мире на верную смерть, независимо от того, какими соображениями он руководствовался. Все это можно понять и всему поверить. Но ты не можешь понять, почему я так легко соглашаюсь на опубликование этих материалов. А может быть, понять нетрудно? — невесело рассмеялся Конопатый.

— То есть?

— А если все это выдумка?..

Я беспокойно пошевелился. Что могли означать его слова? Я ждал дальнйших объяснений, но он молчал.

— Что... выдумка?

— Скажем, все!

— Но ведь экспедиция «Маттерхорна» действительно достигла системы Проциона. А теперь «Молния»...

— Я не об этом. Ну хотя бы такой небольшой вопрос, будто я принимал участие в экспедиции «Маттерхорна»? — издевался Конопатый.

— Всегда можно проверить по документам.

— А все то, что я рассказывал? У тебя есть хоть какие-нибудь доказательства?..

— Но ты же говорил, что у тебя есть снимки проционидов!

— Верно, говорил. А ты их видел?

— Ну а эти странички? — я указал на исписанные листочки.

— Думаешь, только ты один способен писать повести? — снова рассмеялся он.

— Не верю! Теперь ты врешь! Да и в той комнате...

— А! Если в этом дело... — он встал с дивана и открыл дверь.

Я почувствовал неприятное беспокойство. «А вдруг он сумасшедший?»

— Иди сюда! Смотри! — Он подошел к стоявшему посреди комнаты аппарату и открыл крышку.

Внутри камеры, так же как и прежде, неподвижно в пространстве висел таинственный предмет.

Мой друг взялся за один из нескольких выключателей, расположенных на щитке управления.

— Нет! — я судорожно схватил его за руку.

Он покачал головой.

— Не бойся. Я не самоубийца и тем более не бандит.

Он повернул выключатель. Контрольное окошко осветилось ярким светом. Там, где до этого висела «скульптура», виднелось облачко голубоватого дыма, быстро расплывавшегося по стенкам камеры.

— Что это было? — пораженный, спросил я.

— Копия. Узкоспециализированный автомат воспроизводит записи.

— Копия чего? —

Ответа я не дождался. Мой друг взглянул в окно и сказал:

— Светает. Пора браться за работу.

Я понял, что он хочет остаться один. Я сделал несколько шагов к двери и остановился, чувствуя, что мы не можем так расстаться.

— Когда увидимся? — неуверенно спросил я.

— Не знаю. Может быть, снова через двадцать восемь лет.

— Уезжаешь?

— Да. Вероятно, даже сегодня.

— На Эрос?

— Может быть, — уклончиво ответил он, провожая меня к выходу.

— Я не стану об этом писать, — сказал я уже в дверях. — Может быть, когда-нибудь потом.

Он положил мне руку на плечо и сильно сжал его, как раньше, в студенческие годы,

Из ста тридцати четырех человек, принимавших участие в экспедиции к шаровому скоплению М-55, на Землю вернулись только трое. Остальные навсегда остались в глубоких джунглях Клото IV в системе ДН-53. На сорок третий день пребывания на этой планете, когда, казалось, уже убедились, что местные микроорганизмы не представляют опасности для людей, за несколько часов погибли все участники исследовательской группы. Спустя двадцать два дня эпидемия охватила всех членов экипажа «Гелиоса».

Болезнь не обошла никого. Выжили три человека. Вирус клотского паралича поразил и двух уцелевших участников экспедиции, которых только возвращение на Землю могло освободить от мучений.

Как должна была измениться Земля с того времени, когда «Гелиос» отправился к границам Галактики! Свет шарового скопления М-55 идет к Солнцу девятнадцать тысячелетий. Межзвездный корабль прошел весь этот путь со скоростью, лишь немного отличающейся от световой.

Рост, Пия и Гелия провели в полете пять лет. На Земле за это время минуло свыше трехсот восьмидесяти двух веков. Об этом говорили не только вычисления, но и изменения в положении звезд.

Первые радиосигналы из солнечной системы поступили, когда до Солнца оставалось одиннадцать миллиардов километров. Они напоминали телеметрические сообщения, но электронный анализатор не смог их расшифровать.

Астрономические наблюдения показывали, что за этот срок человечество совершило громадный скачок в своем развитии. В физической структуре солнечной системы наступили перемены, которые можно было объяснить только сознательными действиями мыслящих существ. Венера и Меркурий из одиночных планет, круживших по собственным орбитам, превратились в двойную планету, вращающуюся, подобно Земле и Луне, вокруг общего центра масс. Марс получил четыре новых самосветящихся спутника. Зато в районе Земли не было заметно ни одного большого искусственного спутника из числа тех, которые в конце XX века составляли величайшую гордость человечества. По-видимому, современный уровень техники не требовал строительства обширных внеземных баз для космических полетов.

Когда в телескопе стали видны очертания земной поверхности, оказалось, что в размещении континентов также произошли большие изменения. Трудно было предположить действие природных факторов. Исчезли Балтийское, Средиземное и Черное моря. На их месте можно было разглядеть тонкую сеть каналов и искусственных озер. Напрасно космонавты искали белые полярные шапки и желтые районы пустынь.

Однако в этой картине родной планеты было что-то тревожное... На это обратила внимание Пия. Неподвижно лежа на своей койке, она часами смотрела в потолочный экран, на котором голубел серп Земли. Когда этот серп уже перестал уместаться в рамках экрана, на освещенной стороне планеты стали отчетливо видны темные точки

больших городов. Их количество возросло, наверное, в сотни раз. Однако, когда они погружались в тень, космонавты тщетно искали их ночные огни...

Непроницаемая тьма покрывала континенты.

Первую фоническую передачу приняли лишь в конце полета, когда до Земли оставалось около 100 миллионов километров. Но это были не слова ожидаемого приветствия, а сухая инструкция, касающаяся последней фазы полета — приказ переключить автопилот на дистанционное управление. И все. Фразы, произнесенные каким-то бесцветным голосом, имели странное, хотя и правильное, строение.

— Скорее всего, это автомат, — заметила Гелия.

Тогда у Роста впервые зародилось страшное подозрение...

На телевизионном экране они тоже не увидели ни одного человека. Телепередача, повторенная несколько раз, показывала ход предстоящей посадки. В последней фазе полета корабль должен был опуститься на Землю под эскортом шести машин, по форме напоминающих плоские диски. Размеры их были огромны, а отсутствие окон и наблюдательных куполов вряд ли свидетельствовало о том, что в них могут находиться люди.

В конце передачи из динамика прозвучал лаконичный вопрос:

— Почему не все?

Они не поняли. Ответа долго не было.

— Почему только трое? — слышалось наконец из динамика, а на экране появился отрывок из старого фильма, показывающий последние минуты перед стартом «Гелиоса», лица погибших друзей.

Невидимый диктор бесстрастным голосом читал перечень фамилий и обязанностей членов экипажа.

Почему их не спросили ясно и просто, что стало с остальными участниками экспедиции? Экономия слов, доведенная до абсурда, использование совершенно излишних наглядных средств, пригодных, быть может, при встрече представителей других космических цивилизаций, но не людей со своей планеты...

Каким образом сквозь стены корабля удалось определить, что их только трое, в данный момент было проблемой второстепенной по сравнению с вопросом, кого возвращающиеся встретят на Земле.

Гелия кратко поведала о трагических событиях. Когда же она сообщила о тяжелом состоянии Пии и Роста и необходимости их лечения, из динамика вылетело только одно слово:

— Да.

Связь прервалась.

В тот день они больше не приняли ни одной передачи и терялись в догадках. Напрашивалось сравнительно простое объяснение, но они с ужасом отбрасывали его, упорно ища другое, пусть даже опирающееся на самые абсурдные, нереальные гипотезы.

Только бы не это!

Ночью Рост долго не мог уснуть. Перед глазами вставали мучительные, кошмарные картины Земли, на которой уже нет человека... Земли чужой, далекой и страшной.

Под утро нервы у него не выдержали. Волоча парализованные ноги, он добрался до радиоцентрали и вызвал Землю.

Ни Пие, ни Гелии он не сказал, куда идет. Боялся, что они станут убеждать его повременить, будут стараться как можно дольше оттянуть момент, который может принести объяснение и... похоронить последние надежды. Он боялся, что ответ уничтожит все, о чем они мечтали во

время обратного пути. Однако он хотел знать, хотел определенности.

После долгого ожидания послышался контрольный сигнал.

— Вас слушают.

Два слова. Холодные, равнодушные.

Рост сдержал нервную дрожь губ и спросил без обиняков:

— С кем я разговариваю? С человеком или машинной?

Минута тишины. Потом опять только два слова, произнесенные тем же голосом:

— Не понимаю.

— Ты — человек? Такой же, как и я?

— Нет!

Рост знал, что ответ будет таким, и все же...

Он тяжело опустился в кресло, чувствуя тупую боль в висках.

— Как вы выглядите? Покажитесь! — услышал он за спиной голос Гелии.

Она стояла в дверях, глядя расширенными от ужаса глазами на матовый экран.

— Не понимаю, — последовал ответ.

— Вас можно увидеть? Передайте изображение!

Опять тишина. Очевидно, собеседник находился на расстоянии нескольких миллионов километров, где-нибудь на Земле или Луне.

— Кого? — донесся странный вопрос.

— Ну, хотя бы тебя! Мы хотим увидеть тебя!

— Нельзя, — пришел спустя несколько секунд ответ.

— Почему ты не хочешь показать нам, как ты выглядишь? — зло бросил Рост. — Кто тебе не позволяет? Или ты боишься нас? Ты не хочешь огорчать нас своим видом? Но мы закалены и не боимся правды!

Они напряженно ожидали реакции.

— Покажи мысль...

Что крылось за этими словами? Или это метафора? Однако Гелия не отступала.

— Но ведь где-то ты есть? Ты — структура, в которой циркулируют импульсы... Покажи нам эту структуру или хотя бы внешнюю, физическую форму того, в чем она помещается.

Долгая, наполненная ожиданием пауза.

— В отрывках! — упало из динамика. Одновременно на экране появилась мозаика из желтых и черных пятен.

Изображение начало как бы отдаляться. Размеры пятен и расстояния между ними быстро уменьшались, наконец желтые и черные точки слились в однотонную голубоватую гладкую поверхность. Поверхность как бы разбухала, принимая шарообразную форму. Появился грушевидный предмет, второй, третий. Некоторые из этих предметов словно висели в воздухе, другие опирались на длинные, завитые в спирали стержни.

— Есть ли на Земле люди? — вырвался у Роста отчаянный вопрос.

— Да.

— Мы хотим их увидеть.

— Увидите. На Земле.

— Нет! Покажи их сейчас! На экране!

Изображение замигало и исчезло. Потом экран заполнила зелень пальмовой рощи. Среди пальм, залитых солнечными лучами, под прозрачным колпаком на искусственном круглом возвышении лежали два человека. Это были мужчина и женщина. Сложенные очень гармонично, они поражали подобием анатомических пропорций, а их густые волосы, одинаково уложенные в виде двух уплощенных полушарий по обеим сторонам головы, еще больше сглаживали различия. Небольшие лица со смуглой кожей, выдающиеся вперед губы и резко очерченные

скулы говорили о слиянии в единое целое всех существовавших до этого рас.

В первый момент они показались Росту совершенно нагими. Однако Гелия утверждала, что отчетливо видит облегающие, серебристые одежды. Всматриваясь в экран, он действительно начал различать что-то вроде одежд, которые были больше похожи на тонкую пелену молочного тумана. Впрочем, вначале они не обратили особого внимания на эту разницу восприятий, занятые тем, что происходило на экране.

Глаза у людей были прикрыты. Казалось, они беззаботно дремлют в жаркий день на лоне природы, созданной словно затем, чтобы они могли вот так лежать, полусонные, забыв об окружающем мире.

— А эти люди... живые? — испуганно спросила Гелия.

Рост проглотил комок.

— Ты думаешь, они... — прошептал он и осекся.

Мужчина пошевелился. Рост увидел, как он коснулся рукой плеча женщины, потом провел пальцами по внутренней поверхности купола и поднял голову. Однако глаза у него по-прежнему были закрыты, а лицо совершенно неподвижно.

Гелия сделала несколько шагов к экрану, потом отступила и села рядом с Ростом на ручку кресла.

— Мы можем с ними поговорить? — спросила она, с трудом скрывая беспокойство.

Опять в ответ одно лишь слово:

— Говорите!

Рост нервно сжал руку Гелии.

— Зачем он лжет? Зачем он противоречит сам себе? — процедил он сквозь зубы. — Ведь он только что говорил совершенно другое!

— Покажи города! — нетерпеливо бросила Гелия.

Картина помутнела и исчезла. Вместо пальмовой рощи появились широкие, геометрически правильные улицы. Но были ли это улицы?.. Трудно сказать. Ни тротуаров, ни прохожих...

Здесь безраздельно властвовали машины. Среди высоких, похожих на иглы или обелиски зданий прямой, строгой архитектуры во всех направлениях проносились сотни машин, то и дело расходящихся в воздухе, словно перескакивавших друг через друга. Некоторые из них сворачивали и исчезали в глубине темных тоннелей, ведущих куда-то внутрь Земли.

У машин и домов не было ни дверей, ни окон; сквозь молочно-белые стены невозможно было что-либо разглядеть.

Рост, пряча лицо в ладонях, все ниже склонял голову.

— Нет! Нет! Довольно!!!

Вдруг он почувствовал прикосновение рук Гелии.

— Успокойся. Еще не известно...

— Что не известно?! Разве этого тебе мало? — показал он на уже погасший экран. — Что они сделали с людьми? Вернее, что люди сделали с человечеством?!

— Ты предполагаешь...

— Ничего я не предполагаю! Это вполне очевидно! Разве могут быть какие-то сомнения?

— Но ведь те двое были людьми?

— Людьми?! Неужели можно называть людьми существ, живущих под колпаками в каких-то музеях или зоологических садах?

— Ты делаешь слишком поспешные выводы. Помнишь, как тот человек поднял руку? Я уверена, что его пальцы прошли сквозь прозрачный колпак.

— Тебе это показалось, как и те серебристые одежды. Я этого не видел. Все это фикция! Эти люди... Эта природа... Я уже не сомневаюсь, что хозяевами Земли, а возможно, и всей солнечной системы стали искусственные

существа, что эти существа обогнали людей в своем развитии и подчинили их себе. Разве не понимаешь, что эти города создал не человек, это не его цивилизация, его культура, а цивилизация и культура роботов?!

— Но...

— Ты еще можешь сомневаться? — не дал он ей говорить и слова. — Разве ты не помнишь: «Чрезмерная организация жизни общества в условиях полной автоматизации должна привести к подчинению человека машине»? Это были пророческие слова! Автоматы не только работали за человека! Автоматы начали мыслить за человека! Они служили не человеку, а безликой государственной структуре, в которой люди и автоматы срослись в единый общественный организм...

— Это невозможно!

— Отчего же? Зависимость отдельных личностей и целых коллективов от машин все больше увеличивалась, ну и машины преобразжали мир так, чтобы он стал миром, в котором они лучше всего могли бы исполнять свои функции. Они творили мир для себя и поэтому стали его владыками! Наследниками человечества! И вот результат...

— Ты сошел с ума! Ведь мы еще ничего не знаем!

— Я сошел с ума? Это те, кто толкал человечество к гибели, были сумасшедшими!

Он на секунду замолчал, потом сказал уже спокойнее, с какой-то угрюмой решительностью:

— Не знаю, может, это было неизбежно и иного пути не было? Может, так должно быть и именно эти искусственные существа, созданные человеком, являются нашими законными наследниками?

Рост сжал пальцами подлокотники. Он чувствовал, как кровь пульсирует у него в висках, а череп разламывается от путающей мысли боли. Перед глазами начали кружиться какие-то искрящиеся огоньки.

Он закрыл глаза. Боль усиливалась. Откуда-то издаle-
ка донесся голос Гелии — ее холодную руку он ощущал
на своем лбу:

— У тебя температура...

— Ничего со мной не случится! Ничего... — он попы-
тался встать, но снова упал в кресло.

Черная, непроницаемая ночь без света звезд и далеких
туманностей... Огромные угрюмые строения громоздятся
одно на другое, все выше и выше, а среди них — похожие
на мошкарку тысячи быстро спующих экипажей. Они
устремляются неведомо куда, то поодиночке, то группа-
ми — в одну, другую сторону. Их пути перекрещиваются
в пространстве, вычерчивая удивительные зигзаги, спи-
рали, синусоиды... И все это происходит в темноте, без
искорки света, в полной тишине...

Видение не отступало. Казалось, оно проникает прямо
в мозг, упорно, против воли. Только иногда, словно сквозь
толстый слой ваты или космический шлем, до слуха Роста
доносились какие-то голоса. Он знал, что это голоса Пии
и Гелии, но не мог понять ни слова. Боли он не чувство-
вал, только ужасная слабость и безвольное ожидание
чего-то наполняли все его существо.

И все же были минуты, когда апатия и безразличие от-
ступали. Тогда ему казалось, что мозг начинает работать
необычайно четко. В такие моменты он понимал, что обя-
зан мыслить, принимать какие-то решения, значение ко-
торых было огромно не только для него, Гелии и Пии, но
и для всего человечества, единственным и законным на-
следником которого он себя чувствовал.

Он вел нескончаемые беседы с самим собой. Временами
ему казалось, что какое-то громоздкое бесформенное су-
щество присаживалось к нему на койку и своими заме-

чаниями, словно снарядами, разбивало искусные конструкции, рождавшиеся в его мозгу.

Чаще всего этот удивительный диалог касался перспектив будущего.

— Означает ли то, что случилось на Земле, конец человечества? Когда-то, миллионы лет назад, хозяевами мира были пресмыкающиеся, и тогда могло показаться, что никто и ничто не поколеблет их могущества. Но эпоха гигантских ящеров прошла. Их место заняли млекопитающие, а потом человек! Не наивна ли вера в то, что никогда не придет конец человечеству?

— Ничто не вечно, — отвечал он сам себе. — Разве можно говорить о пределе развития и совершенствования? И то, и другое бесконечно, а человек — лишь одна из ветвей этого развития. Владычеству человека пришел конец. По-видимому, за эти 38 тысячелетий он достиг вершины своего развития и теперь путь ведет только вниз...

— Нет, это невозможно! Для этого нужны, вероятно, миллионы лет! Это только одна из ошибочных тропинок развития, тупик, из которого можно выбраться, прежде чем человек станет живой окаменелостью. Может быть, именно на нашу долю, долю людей, полностью сознающих размеры поражения, выпала задача возрождения человечества? Без сомнения, еще не все потеряно. Надо думать, эти человеческие существа, вегетирующие в тепличных условиях, не стали реликтами. Слишком мало прошло времени, чтобы они окаменели в беззаботном существовании! Им надо показать дорогу! Если здесь, на нашей Земле, невозможно будет построить новую жизнь, мы сделаем это в другом месте, хотя бы за пределами солнечной системы! Перед человечеством еще длинная дорога, а страшный опыт прошлого поможет ему избежать новых ошибок. Надо только показать дорогу! Они поймут, что не все еще

потеряно, и будут вместе с нами строить новый, человеческий мир!

Над головой Роста прозвучал скрипучий, как у попугая, голос искусственного существа:

— А почему они должны захотеть?

Роста охватывает панический страх. Его мысли путаются, рвутся...

И снова темная пропасть... И опять слепые, необычные стены города роботов...

Раскрылась прозрачная чаша входного купола. После многих тысяч лет в корабль снова ворвался полный запах леса ветер Земли. Вместе с ним, словно воздушные шарики, всплыли восемь блестящих сферических тел. Как бы несомые легким ветром, они направились к жилым кабинам.

Гелия проводила их до коек Роста и Пии. Потом стала у входа, опершись спиной о стену, и застыла, рассматривая необыкновенных пришельцев.

Разделившись на две группы, шары повисли над телами бессильно лежавших людей.

Пия не спала, расширенными от изумления глазами она смотрела на шары. Вдруг она стала медленно подниматься в воздух.

— Значит, конец, Гелия?! — отчаянно крикнула она. — Где ты, Гелия? Мне страшно! Останься со мной! Не уходи!

От ее крика, а может быть, от того, что его тело тоже повисло в воздухе, очнулся и Рост. Его лицо исказилось от страха.

— Нет... Не хочу... — с испугом прошептал он. — Лучше вернуться назад! В космос!

— Нам некуда возвращаться, — мягко проговорила Гелия. — Здесь наш дом...

— Неправда! У нас нет дома!

- Успокойся... Все будет хорошо. Вы поправитесь...
- А мы сможем покинуть Землю?
- Если захотим.

— Если захотим... — повторил он. — Но ты захочешь!? Ты мне поможешь? Ты не забудешь, о чем мы говорили?! Начнем новую жизнь... Построим новый мир...

— Да, да. Не бойся. Там люди... — говорила она, следуя за товарищами, которых поддерживало в воздухе невидимое силовое поле.

Казалось, Рост ее не слышал. Он напряженно смотрел вперед, словно чего-то ожидая.

Тем временем шары уже несли его через входной шлюз купола в открытое пространство. В наступающих сумерках он увидел сверху широкую, овальную площадь, окруженную кольцом леса.

— Где они? Где люди? — хрипло повторял он.

Никто не ответил. Его тело медленно опустилось. Вокруг него из-под земли начали вырастать черные, странные творения с длинными, тонкими щупальцами. Он почувствовал, как опускается на мягкое, пушистое ложе.

«Как темно, — отметил он почти без удивления. — Тьма. Только тьма...»

Это была последняя мысль, оставшаяся в памяти от той минуты.

Очнулся Рост неожиданно. Он чувствовал себя бодрым и отдохнувшим, а по мере того как исчезала сонливость, его охватывало приятное возбуждение и непреодолимое стремление к действию.

Он увидел над собой голубое небо и белые, лохматые облака, медленно перемещавшиеся за край освещенной солнцем стены.

Он находился в просторном, круглом зале, точнее, атриуме с высокими стенами. На поверхности стен в

удивительно гармоничных сочетаниях появлялись и исчезали цветные пятна. Зал был совершенно пуст, если не считать дивана, на котором он лежал. Нигде не было двери. «Золотая клетка», — мелькнуло в голове. Однако эта мысль не вызвала в нем беспокойства, а просто несколько насторожила. Он попробовал сесть и с удивлением отметил, что оцепенение и боль, еще недавно сопровождавшие каждое движение, исчезли без следа. Он осторожно встал, опираясь руками о свое ложе. Никаких признаков того, что ноги были парализованы. Что произошло? Ведь за время многолетнего полета некоторые мускулы почти полностью атрофировались. На восстановление их необходимы многие недели, а может быть, даже месяцы тренировок. Ничего подобного он не помнил. Может быть, пробелы в памяти были связаны с процессом лечения? Не похоже, чтобы у владык этого мира, несмотря на всю их чуждость, были по отношению к нему какие-то злые намерения. Ведь, по существу, трое космонавтов отданы на их милость.

Но тут он подумал о том, не могут ли они управлять его мыслями?.. И способен ли он это почувствовать? Это немного обеспокоило его.

Медленно, еще неуверенно он несколько раз прошелся по залу. Удивительно быстро возвращалась сноровка. Внимание его переключилось на непрекращающуюся игру цвета и форм на стенах атриума. Его интересовало, просто ли это подвижная декоративная композиция или, быть может, нечто большее, чем пластическое изображение. Интуитивно он улавливал определенные закономерности в смене изображений. Одновременно он отметил, что только наблюдать за этими изменениями доставляет ему удовольствие, успокаивает, а мысли бегут быстрее и свободней, приобретают большую отточенность.

Но не иллюзия ли это?

Правда, уже сам факт, что он способен думать об этом, свидетельствовал против влияния какого-либо внушения. Но разве то, о чем он думает, в свою очередь не может быть внушением? Способен ли он объективно оценивать явления? Может ли вообще вырваться за пределы «замкнутого круга» собственной психики?

Было очень тихо. Он ударил ботинком по полу, но не услышал ни звука. Это казалось противоестественным, нарушало покой, навешанный зрительными восприятиями. Он интуитивно старался заполнить эту неожиданно возникшую пустоту какими-то старыми, забытыми воспоминаниями, представив себе зал филармонии, оркестр, пианиста у рояля. Но восстановить в памяти мелодию он не смог. Только ритм, резкий, почти механический...

Рост ощущал какое-то смутное беспокойство. Если бы Гелия и Пия были рядом... Сопоставление наблюдений — тоже проверка. Теперь он знал: беспокойство вызвано одиночеством. Его охватило непреодолимое желание увидеть последних близких ему людей. Жажда разговора, обычной человеческой речи...

Он обязан их найти. Обязан!

Рост растерянно осмотрелся, ища способ выбраться за пределы окружающих его стен, и вдруг оцепенел от неожиданности — на фоне противоположной стены, словно переступив туманную завесу, появились Гелия и еще неувереннодвигающаяся Пия. Они улыбались ему. Не переставая сомневаться, он почувствовал явное облегчение.

— Я боюсь, что все это обман, — словно оправдываясь, сказал он. — Эти стены, это небо, вы, и даже мое собственное тело, и то, что я могу ходить...

Гелия взяла его за руку. Неужели таким примитивным способом она хотела доказать реальность своего

существования? Но ведь и это могло быть лишь игрой сигналов в его мозгу. Игрой навязанной, управляемой извне.

— Пусть тебя это не угнетает, — старалась она успокоить его. — Скажи лучше, что с тобой было?

Он пожал плечами.

— Не знаю. Я проснулся несколько минут назад. Последнее, что я помню, это ночное небо. Какие-то контуры леса и шары, выносящие нас из корабля. Дальше — абсолютный провал! Сколько прошло? Месяц, год или день?.. Не знаю.

— Два дня, — сказала Гелия.

— Ты в этом уверена?

— Я все время была в сознании. А Пия, как и ты, очнулась полчасика назад. Меня не подвергали никаким процедурам.

— Откуда ты знаешь? А если во время сна...

Гелия улыбнулась.

— Вначале я тоже была недоверчива... Помнишь вечер, когда нас выносили? Светила Луна. Я заметила ее положение среди звезд. За это время она переместилась примерно на тридцать градусов. Значит, прошло двое суток. Сейчас утро.

— Что ты делала все это время? Ты видела ИХ?

Она утвердительно кивнула головой, а по ее лицу пробежала улыбка, но это только усилило его беспокойство.

— С ними можно... говорить?

— Нет, но, пожалуй, это понятно. Триста восемьдесят веков! Однако, думается, когда мы узнаем их лучше...

Замечание Гелии только усугубило нервозность Роста.

— Не слишком ли много оптимизма? — иронически усмехнулся он. — А что думаешь обо всем этом ты? — пытаясь сохранить спокойствие, обратился он к Пии.

— Я? — переспросила та. — Я смотрю и слушаю... Еще рано делать выводы. В данный момент для меня важнее всего то, что я хожу, могу двигаться.

— Ты думаешь, отсюда можно будет выбраться? Эти стены... Где мы? Это город? Над нами небо...

— Над нами сотни этажей и только изображение неба. Я брожу по этому зданию уже два дня. Везде, почти в каждом помещении, на каждом горизонте, если посмотреть вверх — увидишь небо.

— Так, значит, — начал он и осекся.

— Я думаю, ты неправ. Это не клетка. Никто не собирается тут нас держать. Эти стены...

— О чем вы, — вдруг прервала Пия, глядевшая расширенными от удивления глазами то на Гелию, то на Роста.

Только теперь он сообразил, как странно протекает их беседа.

— Ты знала, о чем я думаю... — с беспокойством прошептал он.

Гелия казалась удивленной.

— Действительно... Сначала ты спрашивал, как можно отсюда выбраться, где мы...

— Да! Но я не спрашивал. Я только подумал... Я же помню. Впрочем, Пия — свидетель. Как это может быть?

— Сама не знаю. Это приходит как бы извне. Временами. Просто... словно я слышу слова, произнесенные тобой. Так же, как тогда, когда ты нас звал...

— Я не звал.

— Но ты хотел нас увидеть, ведь так?

— Да. Неужели телепатия?

— Не знаю. Слишком большая четкость... Пожалуй, скорее какое-нибудь техническое устройство.

— А ты? — обратился Рост к Пии. — Ты тоже слышала, как я звал вас?

— Нет. В тот момент я просто подумала, что может происходить сейчас с тобой.

— Откуда же в таком случае вы знали, где меня искать?

— Нам незачем было тебя искать. Я увидела тебя, а еще раньше — Пию...

Она замолчала. Рост задумался.

— Не очень-то все это мне нравится, — сказал он наконец. — Ты говорила, что отсюда можно выбраться? — неожиданно спросил он. — Каким образом?

— Можно идти в любом направлении.

— Сквозь стену? — заметил он насмешливо.

— Это не стены в нашем понимании. Сквозь них можно проходить без труда. Идемте!

Гелия направилась к стене, где цветные пятна то и дело собирались в длинные полосы и концентрические окружности. Когда до нее оставалось не более полутора метров, изображение помутнело, как бы подернулось молочным туманом, образовавшим что-то вроде тоннеля или коридора. В глубине этого коридора, вероятно у выхода, был виден дневной свет.

— Куда мы идем? — шепотом спросила Пия.

— Наружу. Сейчас увидите.

Сотканный из тумана коридор расступился, и они оказались на террасе, подвешенной к стене огромного здания. Позади них теперь была только светлая гладкая поверхность без дверей и окон. Строение имело форму огромного обелиска. Верхняя часть его была подернута вуалью облаков.

Рост не мог оторвать взгляда от этой необычной картины, но вдруг, пораженный неожиданной мыслью, схватил Гелию за руку и, указывая на вздымающееся над ними здание, полным нервного напряжения голосом спросил:

— Откуда ты знаешь, что это не иллюзия? Если то небо было только спроецированным на потолок изображением, то ведь у нас нет доказательств, что и это...

— Нет, — отрицательно покачала она головой. — Но, по-моему, это вовсе не так важно, как тебе кажется...

— А что же в таком случае важно? — вызывающе спросил он. — По-твоему, мы некритически должны принимать все, что они пожелают нам навязать?

— Откуда ты знаешь, что они хотят нам что-то навязать? — сказала Пия. — Что вообще мы знаем об этом мире? Слишком многое из того, что мы видим, нам чуждо и непонятно, чтобы можно было отыскать связь между наблюдаемыми явлениями.

Он, казалось, не слышал ее слов, жадно вглядываясь в раскинувшийся внизу ландшафт. Там простирались широкие прямоугольные площади, пересеченные полосами зелени. Вдали вырисовывались многочисленные башни, скорее обелиски, похожие на тот, где они сейчас находились. Откуда-то сверху доносились звуки музыки. Странная, стонущая мелодия... Однако, вслушиваясь в нее, он не мог отделаться от ощущения, что это только ветер играет в невидимых изломах строения.

Опять воскресло старое, затерявшееся в памяти воспоминание. Пианист, склонившийся над фортепьяно, и характерный, моторный ритм токкаты... Чье это было произведение, он не мог вспомнить. Неужели тысячелетия стерли прошлое даже в его памяти?.. Может быть, это просто иллюзия? Нет! Он не имеет права поддаваться!

— Пока нам не остается ничего иного, как наблюдать, сопоставлять факты, — после долгого молчания уже совершенно спокойно сказал он. — Пусть Гелия расскажет обо всем, что она помнит за последние двое суток. Мы должны знать, что с нею происходило с того момента,

когда наши пути разошлись. Это во многом поможет нам. Позже мы попытаемся набросать план действий.

— Стоит ли рассказывать подробно... Вы и так все скоро узнаете, — ответила Гелия, словно смутившись. — Но если хотите, пожалуйста. Я спустилась из корабля за вами... Но вас уже не было. Я не знала, возвращаться ли назад или искать вас. А если искать, то где? В тот момент мне сделалось жутко от сознания, что я осталась одна. И тут, не дальше чем в метре от себя, я заметила слабый огонек. Пошла за ним. Только Луна светила... В соединении с Альфой Девы. Впрочем, скоро Луна исчезла. И звезды тоже... Осталась только тьма и этот огонек... Так я шла, наверное, с четверть часа, может быть, дольше. Сначала, кажется, вверх, потом вниз и опять вверх...

— Ты не посмотрела на часы?

— Об этом я не подумала. Впрочем, это многого бы и не дало. Там какие-то подвижные дорожки...

— Следовательно, ты не знаешь ни направления, ни расстояния. Скверно. А впрочем... Его там уже наверняка нет, — сказал Рост.

— Ты о корабле? О нем нечего заботиться. Он стоит на своем месте. Я его вижу...

Он посмотрел в ту сторону, куда было обращено ее лицо, но там вздымались гигантские строения, у их оснований по необычайно широкой «улице» двигался бесконечный поток блестящих на солнце «насекомых».

— Где ты видишь корабль? — спросил Рост, перенося взгляд на Гелию. У нее были закрыты глаза. Он почувствовал, как к горлу подступает комок.

— Но ты же... — он осекся на полуслове.

Пия до боли сжала ему руку. Он вопросительно взглянул на нее. Она молча покачала головой. Он понял.

— Далеко до корабля? — спросила Пия, с трудом скрывая волнение.

— Пожалуй... нет.

Гелия продолжала стоять неподвижно.

— А ты можешь указать нам направление? — спросил Рост.

Она показала прямо перед собой.

— За самым высоким обелиском?

— В нем.

— Но мы же сели на какой-то просторной площадке, окруженной лесом?

— Да. Я помню. И вижу. Корабль стоит в самом центре плиты... Пожалуй, это плита... Так что все осталось по-прежнему.

Гелия открыла глаза. Минуту полусознательно смотрела на Роста и Пию.

— Что это было? — прошептала она.

— Галлюцинация... — угрюмо бросил Рост. — Опасаюсь...

— Нет! — резко прервала Гелия. — Это не галлюцинация! Я видела наш корабль!..

— В той игле? На широкой площади, окруженной лесом? — спросил он иронически.

— Да, — неуверенно подтвердила она. — Это невероятно... Но я знаю... Знаю, что все именно так... в действительности!

— Успокойся, — мягко сказала Пия. — Ты утомлена.

— Нет. Я чувствую себя прекрасно. Только... Это началось еще вчера... В каком-то небольшом зале, когда я смотрела на свои мысли...

— Что она плетет? — Рост наклонился к Пии.

Однако, несмотря на то что он сказал это очень тихо, Гелия слышала.

— Я не плету, Рост. Ты видел стены в атриуме? Это отражение твоих мыслей. Сознательных, а может, и подсознательных процессов в мозге.

— Глупости!

— Присмотрись как следует. Ты же можешь проверить и убедишься, что я права.

— Пошли туда! — загорелась Пия.

— Нет! — Рост схватил ее за руку. — Если в словах Гелии есть хоть доля правды, значит, то помещение — нечто вроде камеры для чтения мыслей. Я не хочу, чтобы эти чудовища проникали в глубь моей психики и сделали со мной то же, что и с Гелией.

Гелия, казалось, не слышала последних слов.

— Не говори так о них. Это не чудовища, а люди. Иные, чем мы, правда. Отличные от нас физически и психически, но более совершенные, более могущественные, лучше видящие мир...

— Неужели так далеко зашло? — прошептал он с нескрываемым ужасом. — Может быть, ты скажешь: более прекрасные и счастливые?..

— Не скажу, Рост. Я глубоко убеждена, что каждая эпоха имеет свой исторически несравнимый идеал красоты и счастья.

Он внимательно посмотрел на Гелию. Что с нею происходит? То она такая же, как и всегда, — трезвая, ясно и логично рассуждающая. То опять начинает нести околесицу. Самое худшее — она теряет всякую способность критически мыслить. Если то же ждет и его... Если и его разум окажется во власти этих существ?..

— Что было потом? Продолжай, — услышал он странно спокойный голос Пии. — Итак, ты шла за светлячком?..

— Потом огонек погас. Я оказалась в каком-то помещении. Передо мной был освещенный коридор. Низкий потолок... Как только я вошла в него, он стал просторным. Я шла медленно, а стены, казалось, быстро бежали мне навстречу. И в то же время я была уверена, что поднимаюсь вверх. Потом... туман. Тогда я не знала, что это

силовые поля. Я даже подозревала, что это сон. Потом — зал. Без потолка. Я видела звезды и Луну высоко на небе. Те же звезды и Луну, что и там, на поляне... На стенах горели цветные огоньки...

Рост слушал и чувствовал, как в нем поднимается гнев на Гелию за ее бесстрастный и безразличный тон. Рассказ ее уже не добавлял ничего нового к тому, что он узнал на собственном, длящемся лишь несколько десятков минут опыте. Гелия плутала в лабиринте залов и коридоров, которые, впрочем, могли быть совсем не залами и не коридорами. Она видела каких-то существ, какие-то машины, но не могла описать ни их назначения, ни формы; какие-то жидкости или газы, пульсирующие в прозрачных баллонах и трубках, какие-то неподвижные, казалось, застывшие в неожиданно прерванном процессе случайных изменений то ли существа, то ли машины, разница между которыми стерлась за сотни веков развития.

В течение этих двух дней Гелия спала и отдыхала не больше трех часов. Она не ощущала ни жажды, ни голода, а другие естественные физиологические отправления у нее как бы атрофировались.

Почти никаких конкретных научно подтвержденных выводов или хотя бы предположений относительно наблюдавшихся явлений она не делала. Исключение составляло лишь открытие взаимосвязи между ходом мыслей и изменением форм и цвета декоративных элементов на стенах. Но давало ли это основания утверждать, что эти динамические абстракции действительно являются отражением процессов, происходивших в ее мозгу?

Гелия была убеждена, что все обстоит именно так, как она говорит, но не могла указать источник этой убежденности. Несомненно, ее разум все это время находился под воздействием сил, управляющих планетой.

Кем были существа, владеющие Землей? Как они выглядели? Этого невозможно было понять из рассказов Гелии. Правда, она говорила о людях. О странных человеческих существах, совершенно не похожих на Роста, Гелию и Пию. Она несколько раз встречала их во время своих странствий. Как правило, они казались погруженными в транс, а порою в сон, однажды даже были заняты чем-то, что, по словам Гелии, напоминало танец.

Гелия утверждала, что это хозяева Земли. Но Рост был уверен, что такую мысль ей внушили и ее когда-то трезвый разум уже не может взбунтоваться против этого. Ведь она не могла привести ни одного серьезного аргумента. Разве можно оперировать субъективными ощущениями, вроде тех, что в присутствии этих существ она быстрее и легче отыскивает связь между явлениями, глубже, полней и прозорливее видит окружающий мир, теряющий при этом свою беспокоящую отчужденность?

Если в том, что она говорила, была хоть крупица истины, картина Земли, по ее словам, напоминала странно перепутавшиеся лихорадочные ночные видения, в которых тщетно было искать конкретной, реальной действительности. Хотя Рост пытался сохранить не только объективность и серьезность, но и осторожность в критике, он не мог отделаться от впечатления, что слышимое им — плод больного или, еще хуже, управляемого на расстоянии мозга.

Чувствует ли Пия то же? Почему она так внимательно смотрит на Гелию, неужели ее так увлек рассказ и она верит во все, что та рассказывает?

— Ты говоришь... говоришь, — раздраженно перебил он Гелию. — А время идет!

— Ты же сам просил рассказать, — удивленно ответила она,

— Не в этом дело. Скажи лучше, можешь ли ты провести нас к кораблю?

— Попробую.

Они опять оказались в зале, похожем на атриум, но — хотя в первый момент Рост мог бы поклясться, что они вернулись тем же путем, — это было не то помещение, в котором он проснулся. Дивана не было, а из пола в нескольких местах как бы росли странные предметы, похожие на цветы с большими, раскрытыми бутонами. Стены зала были ниже и делились на несколько колец-сегментов с быстро изменяющимися цветными пятнами и геометрическими линиями.

— Хотите проверить? — неожиданно спросила Гелия, останавливаясь в центре зала. — Достаточно произвести простейшее арифметическое действие. Скажем, разделить или умножить. Вы тотчас заметите изменения.

— Нет! — возразил он. — Пошли отсюда. Быстрее! И советую — как можно меньше размышлять, особенно о том, как отсюда выбраться.

Гелия слабо улыбнулась.

— Пожалуй, Рост прав, — кивнула Пия. — Пошли!

Они опять пересекли стену. Новый коридор был словно бы длиннее и шел вверх. За ним — зал, немного похожий на предыдущий, и опять коридор, который тоже вел вверх.

— Ты уверена, что мы идем правильно? — Рост уже не мог скрыть беспокойства. — Мы все время поднимаемся? А если корабль действительно находится в «обелиске», который ты показывала, то сначала следует выбраться из этого здания, то есть спуститься вниз.

— Другой дороги я не знаю.

— А откуда ты знаешь, что идешь правильно?

Она опять улыбнулась.

— Мы уже недалеко, — сказала она, не отвечая на вопрос. — Не нервничай. Сейчас мы будем на месте.

Он взглянул на часы.

— Это невозможно. Оттуда, сверху, я сам видел — до «обелиска» было не менее двух километров. Мы идем только восемь минут. Мы даже не вышли из здания.

— Я уже говорила, что расстояние здесь нельзя измерять шагами!

Однако Пия тоже начала сомневаться.

— Откуда ты все-таки знаешь, что мы идем нужным путем?

— Вижу.

— Как видишь?

— Не знаю, — ответила Гелия честно.

Этого для Роста было более чем достаточно. Он подскочил к Гелии и схватил ее за плечи.

— Слушай! Проснись! Возьми себя в руки! Неужели ты действительно не понимаешь, что с тобой творится? Ты словно загипнотизирована! Очнись!

Она мягко, но решительно отвела его руку.

— Ты ведешь себя, как... дикарь. Именно дикарь. Точнее не скажешь.

— Дикарь? — опешил он. — Возможно, я вел себя чересчур резко... Прости.

Она рассмеялась.

— Но ты... Ты не понимаешь, о чем я говорю. Не в том дело, обидел ты меня или нет: Ты очутился в ином мире, совершенно отличном от того, к которому ты привык. Тебя злит, что ты не понимаешь явлений, в нем происходящих. Злость, смешанная со страхом — и ты начинаешь фабриковать злых духов...

— Я просто хочу знать...

— Думаешь, я не хочу? Или Пия? Она молчит и смотрит. А что нам остается еще?

— Но все, что здесь происходит, противоречит логике! Это не может быть реальностью! Ведь мир — явление объективное. Пространство и время...

— Не спеши, — спокойно прервала Гелия. — Представь себе пещерного человека, неожиданно увидевшего телефон, радио и телевизор или пусть даже скоростной лифт... Мы — такие же пещерные люди...

— Но...

— И ты хочешь, чтобы я объяснила, каким образом я вижу отдаленные предметы? Даже не открывая глаз? Да, я вижу их близко, лучше, чем собственными глазами. Тебя удивляет, что корабль, который, по твоим расчетам, должен быть где-то в двух или даже трех километрах от здания, в действительности находится здесь, рядом, за этой вот стеной?

— За этой стеной? — перебила Пия. — Значит, мы пришли?

— Да.

Гелия взяла их за руки, словно детей, и подвела к стене в том месте, где большие желтые и красные треугольники медленно таяли во вращающихся ветвях спиралей. Их на мгновение окутал туман, и неожиданно они оказались в лесу.

Высоко над головами вздымались кроны сосен. Под ногами были трава и редкий вереск.

Пия подошла к ближайшему стволу и дотронулась пальцами до толстой, шершавой коры.

— Идите, — торопила Гелия.

Метрах в тридцати между деревьями виднелась большая овальная площадь. В центре ее, на вогнутой стартовой плите, стоял их корабль.

Рост остановился на опушке. С немым удивлением смотрел он на горевший в лучах солнца корпус ракеты, словно видел ее впервые. Неожиданно он сорвался с ме-

ста и бросился к кораблю. Запыхавшись, он подбежал к огромной плоской «ступне» одного из трех амортизаторов «Гелиоса» и всем телом прижался к холодной поверхности металла.

Значит, они действительно нашли корабль! Он старался поверить, что это не сон, не галлюцинация... еще не все потеряно!

Рост поднял голову и взглянул вверх на вздымающийся, словно многоэтажное здание из металла и пластика, межзвездный корабль. Люк входного купола был открыт. Вытянутая рука подъемника транспортной платформой касалась поверхности земли.

Ему захотелось как можно скорее очутиться внутри корабля. На мгновение, когда разбуженные нажатием кнопки механизмы подъемника дрогнули и начали поднимать его вверх, он почувствовал некоторое беспокойство. Но машина работала исправно.

Вокруг было очень тихо. Он осознал это только сейчас, когда ферма подъемника совершила уже пол-оборота и поднималась дальше, к входному полушарию. В памяти всплыло воспоминание: полный запах и звуков лес, тихий шум деревьев и гомон птиц. Было ли это ощущение, оставшееся от только что прошедшей минуты, или воспоминание из прошлой жизни, затерявшейся в тысячелетиях? Он чувствовал на лице мягкое дуновение ветра, но кроны далеких сосен, казалось, не шевелились.

Чем выше поднималась платформа, тем большее пространство открывалось его взору. Однако напрасно он пытался разглядеть стены строения, в котором должен был размещаться этот космодром. Казалось, они находятся на вершине обширного холма, поросшего сосновым лесом, и лишь где-то далеко, среди долин и других холмов, вздымаются все те же странные, похожие на иглы беззаконные небоскребы.

Платформа замерла у купола. Рост еще раз взглянул вниз, туда, где на залитой солнцем огромной стартовой плите темнели две маленьких фигурки.

Гелия и Пия медленно шли к кораблю.

Он должен был подождать их внизу. Почему же он поступил иначе? Впрочем... Разве это так уж важно?

Рост передвинул рычаг в положение «Планета» и переступил порог шлюза. Он уже собрался направиться в глубь корабля, когда его внимание привлекли следы на полу камеры. На тонком слое пыли виднелись четкие следы его ботинок, а рядом с ними... словно бы очертания босых человеческих ступней. Ступни, видимо, были небольшие, широкие, с очень короткими пальцами.

Кто он — этот таинственный гость? Может быть, одно из тех существ, о которых говорила Гелия? Вряд ли прозябающие в теплицах, умственно регрессировавшие существа могли привести в движение подъемник... Посетитель, вероятнее всего, был здесь несколько часов назад, так как следы уже успел покрыть тонкий налет пыли.

Следы вели из шлюза к платформе подъемника... Следовательно, войти внутрь корабля незванный гость должен был раньше, возможно, сразу после того, как Гелия последовала за Пией и Ростом. Он представил себе дикаря, хозяйничавшего в кабинах. Не повреждена ли аппаратура управления?

Рост с волнением переступил порог переходной камеры. В коридоре и кабинах — никаких следов посещения. Ничто не изменилось с тех пор, как они покинули корабль. Не доверившись первому впечатлению, Рост шел от кабины к кабине, скрупулезно проверяя все горизонты от штурманской до мастерских и складов. Впустую. Таинственное существо не оставило никаких следов, кроме отпистков босых ступней на запыленной поверхности переходной камеры...

Наконец он вернулся в штурманскую. Чтобы план удался, необходимо как можно скорее приступить к его выполнению. Рост включил центральный вычислительный пост и взялся за подготовку задания. В расчет входил только какой-либо из спутников Юпитера или Сатурна. Если же все они уже освоены землянами, придется пополнить запасы материи где-нибудь дальше. Уран, Нептун — сомнительно, чтобы и там нераздельно властвовала цивилизация Земли. А без пополнения не могло быть и речи о дальнейшем полете. Материи осталось едва на несколько больших маневров в районе солнечной системы.

Он подошел к штурманско-контрольной аппаратуре пятого рабочего комплекса и взглянул на указатель запаса материи в главном контейнере. В первый момент он подумал, что его обманывает зрение. Тогда он проверил указатели резервных емкостей — то же самое!

Корабль имел полный запас топлива! Неужели за два дня ОНИ смогли загрузить емкости, не трогая корабля? В лучших условиях, при полной энергетической нагрузке это отнимало восемь дней. «Атомные прессы» не могли работать быстрее. Впрочем, каким образом были пополнены запасы, не так уж и важно. Гораздо важнее другое: зачем они это сделали? Хотят, чтобы космонавты покинули солнечную систему? Неужели они боятся людей из затерявшегося в веках прошлого?

Эта мысль показалась Росту абсурдной. Однако он не отбрасывал ее. Она полностью подтверждала его предположения и опасения. Прежде всего он искал в ней ответ на вопрос: каковы границы власти управляющих Землей существ? Неужели возможно пробудить тех, которые «перестали хотеть»?..

Он вздрогнул, почувствовав прикосновение чьей-то руки, и резко повернулся, готовый к борьбе с неожиданным противником. Это была Пия.

— Я тебя испугала? — спросила она, словно извиняясь.

— Я думал, это... ОНИ.

Она сочувственно смотрела на него.

— Ты действительно хочешь улететь?

— Да, — решительно сказал он. — Откуда ты знаешь?

— Мне сказала... Гелия. Ты же знаешь. Она...

— Знаю. Но это пройдет. Пройдет, как дурной сон. Она будет нормальной. Такой, как мы. Где... — начал он и осекся.

— Она осталась внизу.

— Зачем? Чего она ждет? У нас нет времени!

Он заметил в глазах Пии странное выражение.

— Она не ждет! — с трудом сказала Пия. — Она ушла... к ним.

Рост стоял выпрямившись, наклонив голову вперед, и глазами, полными удивления и страха, смотрел на Пию.

— Почему... ты позволила... ей уйти? — выдавил он глухо.

— Ты не имешь права требовать от нее...

— О чем ты?! — возмущенно перебил он. — Было бы преступлением оставить ее в таком состоянии! Пошли! — он схватил Пию за руку. — Ее необходимо догнать, прежде чем она пересечет границу леса! Идем! Или нет! — вдруг передумал он. — Останься здесь. Подожди нас. Так будет лучше. Стереги корабль!

Он кинулся к двери и выбежал из штурманской. Когда он добежал до шлюза, Гелия уже подходила к опушке леса.

— Гелия! Стой! — как можно громче закричал он. Хотя она и услышала его крик, но, по-видимому, не разобрала слов, потому что только несколько раз махнула на прощание рукой и скрылась в зарослях.

Он понял, что пока спустится с корабля и пересечет космодром, пройдет слишком много времени. Он не догонит ее, прежде чем она пересечет линию тумана.

* * *

Пия ожидала в штурманской у наблюдательного экрана.

— Ты была права. Она уже принадлежит им!.. — тихо сказал Рост.

Он сел за пульт управления и задумчиво взглянул на ряды кнопок и контрольных лампочек.

— Ну что ж... — сказал он минуту погодя. — Полетим одни.

— Видишь ли, Рост... — неуверенно начала Пия. — Я тоже... не хочу покидать Землю.

— А думаешь, я хочу?! — вздохнув сказал он. — Но мы вынуждены. У нас нет иного выхода. Ты же прекрасно понимаешь, что, если мы останемся здесь хотя бы на два дня, с нами может произойти то же, что стало с Гелией. Если она...

— Я действительно не намерена никуда лететь, — решительно прервала Пия. — Гелия права.

Он с отчаянием смотрел на нее.

— Не пытайся убедить меня, что я поддаюсь их влиянию. Никаких навязанных мыслей или управления волей тут нет, — предупредила она.

— Ты говоришь глупости! Ведь Гелия... Думаешь, она сама, по собственной воле?..

— Ты путаешь разные вещи. У нас нет никаких доказательств, что кто-то пытается управлять мозгом Гелии. Во всяком случае, в большей степени, чем им управляют условия. То, что нам кажется какой-то телепатией или ясновидением, может быть просто-напросто чем-то

вроде «внутримозгового телевидения». Подумай хорошенько и ты согласишься со мной. Я не вижу необходимости покидать Землю. Наоборот, я хочу познать этот мир. Только тогда я смогу убедиться, нравится он мне или нет.

— Тогда уже будет поздно! — хмуро сказал он.

— Ты все свое. У тебя есть доказательства?

— Может, и есть... — он взглянул на щит пятого комплекса. — Знаешь ли ты, что они хотят, чтобы мы улетели?

— Они хотят? Не понимаю.

— Пока нас не было, они заполнили сборники рабочей материей. Мы можем стартовать. Хоть сейчас! Они хотят избавиться от нас! Говорю тебе: надо воспользоваться их доброй волей.

Пия подошла к щиту. Минуту смотрела на указатели, проверяя работу контрольных приборов.

— Интересно... Однако твои слова полны противоречий. Раньше ты утверждал, что люди, населяющие сейчас Землю, хотят овладеть нашими мозгами, переделать нас по собственному образу и подобию... А теперь твердишь, что они охотнее всего избавились бы от нас и что этим они оказывают нам услугу.

— Все это только на первый взгляд кажется противоречивым. Кстати, я не верю, что это люди, но не в том дело. Прежде всего я думаю, они могут подчинить себе наши мысли, но только до определенных пределов. Впрочем, возможно, они в состоянии сделать это полностью, как могли бы и уничтожить нас, но считают такой поступок аморальным. Может быть, это рудимент человеческой этики?.. Оставить же нас в покое они не могут. Боятся. Мы вызываем слишком много нарушений в их мире. Мы — пещерные люди... — угрюмо рассмеялся он. — Здесь речь идет уже о возможности нашего влияния на

те человеческие существа, которые еще кое-где бродят по планете...

— Почему же ты не хочешь остаться и начать борьбу? Ты же говорил...

— Это борьба безнадежна. Они слишком могущественны. Если мы попробуем действовать против них, то встретимся с катастрофической для нас реакцией. Они предлагают нам улететь, так как не желают, чтобы мы принудили их поступать неэтично. Понимаешь?

— Очень смелая гипотеза... А если все не так, как говоришь ты? Если они просто говорят этим, что нам предоставлена полная свобода выбора? Я считаю, что предположение, будто они хотят, чтобы мы покинули Землю, безосновательно. Они оставляют нам свободу выбора, потому что знают наши мысли, сомнения и опасения. Останемся ли мы или улетим — в масштабах планеты факт чрезвычайно мелкий. Это исключительно наше личное дело! Поверь... Для них мы представляем собою самое большее курьезный реликт.

Рост пожал плечами.

— Словом, ты приписываешь мне наивную мегаломанию? А я вовсе не считаю нас «пупом Вселенной». Я только думаю, что они рассматривают нас как потенциальных смутьянов, которых следует припугнуть или упрятать в клетку. Как раз второе они считают худшим или, может быть, даже аморальным решением. Наконец, говоря твоими же словами, что знаем мы о их морали? Если бы это были люди...

— Ты упрям, как осел! Гелия утверждает, что это люди, и у нас нет никаких оснований не верить ей.

— Почему же тогда они избегают непосредственных контактов с нами? Почему голос, который мы слышали здесь, в корабле, еще до посадки на Землю, был голосом

машины, а не человека? Почему человеческие существа, которых нам показали, вели себя так, словно они находятся в состоянии умственной депрессии? Неужели это тебе ни о чем не говорит?

— Ты думаешь, голос, который мы слышали, можно считать доказательством того, что эпоха человека окончилась? Думаешь, все, что мы видим, — это цивилизация роботов? Весьма шаткий довод... Прежде всего довольно сомнительно, чтобы столь высоко технически развитая цивилизация не могла абсолютно верно воспроизвести наш голос. Это не было проблемой даже в наше время. Голос звучал искусственно и чуждо не потому, что с нами разговаривал робот. Я думаю, машины трехсотсосьмидесятого столетия сумели бы говорить, как Демосфен и любимая мать в одном лице.

— Следовательно, тогда наши собеседники не придавали значения способу и форме высказывания мысли? С этим можно согласиться, но это ничего не объясняет. Либо они недооценивают проблему, либо не представляют себе, как на нас действует такого рода встреча...

— Может быть, они предпочитают поставить вопрос открыто, прямо, честно...

— Опять пытаешься идеализировать!

— Предположим на минуту, что за эти триста восемьдесят веков в человеческом обществе развился какой-то новый, искусственно созданный метод общения. Если этот метод совершеннее звуковой связи, она могла атрофироваться. Как же тогда должны эти люди общаться с нами? Очевидно, в этом им могут помочь автоматы! Но разве машина, говорящая человеческим голосом и к тому же языком, которым человечество пользовалось триста восемьдесят веков назад, не ввела бы нас в заблуждение? Разве не скрыло бы это истинного характера изменений, происшед-

ших на Земле за время нашего отсутствия? Этого наши собеседники не хотят...

— Предпосылки, быть может, правильные, но вывод неверный. Гипотеза слишком искусственна, чтобы быть справедливой. Почему они не скажут нам всего просто, по-человечески? Почему избегают контакта? Скорее всего, именно здесь надо искать ключ к загадке.

— Избегают ли? Просто мы не в состоянии заметить...

— Ты противоречишь себе. То ты говоришь, что это люди, то — что какие-то неосязаемые существа. В конце концов остановись на чем-нибудь определенном.

Она не обратила внимания на колкость.

— Тебя не удивляет, что их так.. мало? — сказала она задумчиво.

— Вот именно! — торжествующе подхватил он. — Если хозяева Земли — люди, то их должны быть миллиарды. Пусть даже прирост идет очень медленно! Или даже стабильзация... но уменьшение — это уже регресс... А эти пустые залы и коридоры...

— Знаешь, что сказала Гелия, когда я спросила ее об этом? Она предположила, что именно это может быть проявлением их права на... одиночество.

— Что за бред!

— Не скажи. Если на Земле действительно обитают десятки, а может быть, и сотни миллиардов человек, если средства связи обеспечивают непосредственный контакт между ними, то проблемой становится уже не четкость общественных контактов, а такое их строение и форма, которые обеспечивают индивидуумам свободу личной жизни. Представь себе, что бы творилось, если бы эти миллиарды были обречены на постоянное общение!

— Это чересчур надуманно. Я не очень-то верю ни в эти миллиарды, ни в эти контакты, которых что-то не видно...

— А разве контакт обязательно должен иметь заметные для каждого формы? — ответила Пия вопросом на вопрос. — Я думаю, Гелия уже установила с ними...

— Гелия? — резко прервал Рост. — Благодарю за такой контакт. Именно поэтому мы и не можем здесь оставаться.

— Уж не думаешь ли ты, что мир, который ты собираешься построить, будет миром нашего прошлого? — тихо спросила Пия. — Прошлое не вернется. И ты не имеешь права утверждать, будто мир, который мы застали на Земле, хуже того, который существовал триста восемьдесят веков назад.

— Я не говорю, что он хуже. Он — иной, чуждый нам.

— Он только кажется нам чуждым и непонятным. Его необходимо познать, понять...

— Какой ценой?! Я хочу остаться самим собой!

Она сочувственно смотрела на него.

— Кажется, — сказала она немного погодя, — в этом вся суть. А ведь не мир к нам должен приспосабливаться, а мы к нему. Таков путь познания и... понимания. И поэтому я с тобой не полечу.

— Зачем же ты пришла? — раздраженно проговорил он.

— Хотела убедить тебя.

— Потеря времени. Если они не повредили механизмы ракеты или не мешают мне каким-либо иным способом, я стартую через десять минут.

— Подожди, я только заберу научные материалы. Они принадлежат Земле.

— Поступай, как хочешь...

Он остался в штурманской один. Сел около пульта и подпер голову руками.

Значит, и она... Быть может, он обязан спасти ее? Даже против ее воли? Имеет ли он право оставить ее здесь? Не будет ли это похоже на то, что он бросил пси-

хически. больного товарища? Разве уход Гелии — не предостережение?

Он понял, что спустя минуту будет уже поздно. Стоит Пие покинуть корабль — и он навсегда потеряет последнее близкое ему существо. Вот пульт управления. В левом углу опломбированный рычаг. Нарисованный на пульте красный кружок подчеркивает его особое назначение. Рост протянул руку. Осторожно, словно сомневаясь, он дотронулся до рычага пальцами. Потом резко рванул металлическую рукоятку.

Приглушенный гул прошел по кораблю.

Аварийные переборки перекрыли проходы.

Он пробежал пальцами по клавишам. Загорелась желтая лампочка. Реакторы перешли с холостого хода на рабочий. Через шесть минут он может стартовать. Если успеет разработать программу...

Подойдя к пульту центральной вычислительной системы, Рост поспешно, дрожащей от волнения рукой отстукал на клавишах ограничительное задание. Вообще-то у него не было никаких данных. Он не знал, где находится космодром, каково точное взаиморасположение планет. Но сейчас самое главное. — взлететь, пробить атмосферу и перевести корабль на круговую орбиту. Потом будет достаточно времени на измерения и вычисления.

Автомат уже печатал контрольные цифры, когда раздался звонок телефона.

Первым желанием Роста было включить динамик. Переключатель находился на пульте управления. Достаточно протянуть руку. Но тогда пришлось бы вступить в разговор... Неужели он боится аргументов Пии? А может, просто вопроса: «Что ты собираешься делать? Ты подумал?»...

Звонок не умолкал. Не давал сосредоточиться. Настоячиво, упорно требовал ответа.

Стартовать! Как можно скорее покинуть Землю!

Он смотрел на цифры, медленно перемещающиеся в оконцах контрольной аппаратуры. Старался сконцентрировать внимание на работе автоматов, готовивших межзвездный корабль к старту. Но звонок не умолкал и не давал забыть то, что происходило там, в одной из кабин, разделенных аварийными переборками на герметически закрытые клетки.

Он прекрасно знал Пию. Ее спокойствие, решительность и выдержку, которые она проявляла в самых сложных положениях. Он представил себе, как она стоит у внутреннего телефона и ждет.

Даже если он стартует, даже если улетит, что он ей скажет? Сумеет ли убедить? Ведь даже если это болезнь, существует ли какое-нибудь лекарство?..

В глубине души он не был уверен до конца в своей правоте.

На пульте зажглась зеленая лампочка. В трех контрольных окошках под ней появились цифры «0».

Рост смотрел на зеленый огонек, и на лбу у него выступили капли холодного пота. Прошло еще несколько секунд.

Он положил руку на стартовую кнопку, потом быстро отдернул ее и пробежал пальцами по клавишам — погасла зеленая лампочка, вслед за ней желтая, реакторы перешли на холостой ход.

Быстро, не колеблясь, он передвинул рычаг аварийной системы в прежнее положение. Опять шум прошел по стенам корабля: переборки уже не закрывали проходов...

Телефон неожиданно умолк. Кабину заполнила звенящая тишина.

Рост неподвижно сидел у пульта и смотрел на дверь, ведущую в глубь корабля. Он ждал. Чего? Неужели все еще надеялся?

Медленно уходили минуты...

Вдруг на боковом контрольном щите загорелся и начал ритмично помигивать маленький белый светлячок. Рост тут же заметил сигнал и почувствовал, пожалуй впервые за много лет, как слезы побежали по щекам.

Надаться было не на что. Он знал — Пия не придет. Это работал подъемник, соединяющий выходную камеру с поверхностью планеты.

Он нервно сжал веки. Все пережитое показалось ему дурным, кошмарным сном. Проснуться, если бы можно было проснуться, пусть даже ценой возвращения к физическим мучениям, которые он переносил еще так недавно, разбитый параличом.

Когда он открыл глаза, сигнальный огонек уже погас. Он остался один в опустевшем межзвездном корабле. Нажав клавиш, включил телеиллюминаторы.

На фоне белого, залитого солнцем стартового круга двигалась темная фигурка. Рост смотрел, как она удаляется, с каждой секундой уменьшаясь на экране.

На подпути между кораблем и лесом Пия остановилась. Несколько секунд смотрела в сторону корабля, потом решительно повернулась и через несколько минут скрылась среди деревьев.

Только теперь Роста охватил настоящий страх перед одиночеством, страх, до сих пор таившийся где-то за гранью сознания. Хватит ли ему сил, решимости? Этого он сказать не мог. Вместе с уходом Пии потеряло смысл все, что он намечал. Зачем ему теперь было лететь к чужим мирам? Все сделалось безразличным и бессмысленным.

Он неподвижно сидел перед экраном, ожидая чего-то. Но разве можно было еще на что-то надеяться?..

Только тени облаков медленно плыли по земле, то и дело покрывая белую стартовую плиту космодрома.

Рост еще раз оглянулся. Над кустами можжевельника теперь виднелась только носовая часть межзвездного корабля. Первые лучи восходящего солнца уже посеребрили купол обсерватории, издалика похожий на стеклянный шар, прикрепленный к верхушке новогодней елки.

Рост не чувствовал ни сожаления, ни беспокойства. Он уже смирился с мыслью о поражении. Он знал, что не сможет отгородиться от этого странного, чуждого ему мира, но не в силах и бежать от него. И все-таки его взгляд то и дело непроизвольно возвращался к опустевшей ракете, словно ища в ней поддержки, прежде чем придется пересечь границу, отделяющую космос от остального мира.

Молочный туман сгущался, превращаясь в сотканную из облаков стену. Он знал, что стоит ему вступить в эти облака, как пространство, а может быть, и время потеряют прежние размеры. То, что он чувствовал в этот момент, не было ни страхом перед новой жизнью, ни сожалением о прежней. Он просто хотел, чтобы то, чего он ожидал, было уже позади, чтобы его поглотил без остатка и преобразил тот мир, который отнял у него последних, самых близких ему людей.

Туман расступился, и Рост снова оказался в длинном, узком коридоре, который привел его в зал без дверей и окон, с потолком, казалось, раскрытым в простор утреннего неба. Стоило ему войти, как на стенах появились цветные пятна и линии. Он следил за их движением и изменением вначале довольно безразлично, потом со все возрастающим интересом и даже удовольствием. Его удивило, как, блуждая с Гелией и Пией, он не ощутил всей прелести и гармонии этих пластических форм.

Гелия была права — цветными линиями и пятнами управляло течение его мыслей. Это подтверждалось опытами, результаты которых все больше захватывали его. Постепенно он научился управлять ходом пластических

изображений, а следовательно, и течением собственных мыслей. Неужели этот гигантский электроэнцефалограф был создан именно ради этого? Вероятно, наблюдая за изображениями, можно не только видеть ход своих мыслей, но и контролировать их правильность? Только ли формальную правильность? Может быть, правильность и по существу?

Он чувствовал, что вот-вот откроет еще одно необычное свойство этих устройств. Он опять начал экспериментировать. Задавал себе вопросы и пытался ответить на них, наблюдая за изменением форм и цветов. Это было не легко, но постепенно он приобретал сноровку. Правда, информация была выражена незнакомым Росту кодом, но он чувствовал, что начинает улавливать закономерности, которые позволяют ему расшифровать этот код.

Неужели таким образом можно узнавать что-то новое? Он мог ошибаться...

А если использовать необычные свойства этих стен и попытаться найти... Успех был бы лучшим подтверждением его открытия. Следя за изменениями на стенах, он мысленно выбирал направление, пытаясь решить, которое из них правильно.

Но на этот раз уверенности не было. Пятна и линии казались одинаковыми, интуиция подводила, попытки анализа не давали результата — не за что было ухватиться. Ему пришло в голову, что Гелия и Пия не хотят встречи. Он пытался отбросить эту мысль, но она упорно возвращалась. Это вызвало у него беспокойство и раздражение. Не пытаясь больше экспериментировать, он пересек стену, в первом же отмеченном проходе.

Следующий зал был точной копией предыдущего. Третий зал выглядел совершенно иначе. Белые стены, матовые и мертвые, низкий потолок, лишенный отражения неба. С пола неправильными рядами вырастали стержни различной высоты и толщины. Каково их назначение?

Он протянул руку и осторожно прикоснулся к одному из стержней. Стержень показался ему удивительно теплым, мягким, словно живым.

По телу Роста пробежала дрожь. Что это? Сказалось ли действие окружающих его сил или это следствие нервного напряжения? Этого он определить не мог. Он отнял руку от стержня, но в этом движении не было страха. Пульсирующие жизнью механизмы не вызывали у него отвращения, наоборот, он чувствовал удовольствие, когда рука ощущала их теплую поверхность.

Но именно это заставило его забеспокоиться. Он снова подумал о Гелии. Если бы отыскать ее в этом лабиринте...

— Закрой глаза, — услышал он приглушенный шепот.

Это был голос Гелии. Он оглянулся. В зале — никого. По-видимому, где-то были скрыты динамики.

— Закрой глаза! — опять услышал он.

Нет. Голос шел не от стен. Он был в нем самом. Только теперь до Роста дошел смысл произнесенных слов, и он закрыл глаза. Перед ним возникли туманные контуры какого-то изображения. Он прикрыл глаза рукой, и изображение стало четче.

Какой-то сад. В тени деревьев на возвышении лежало несколько человек. Это были жители Земли, похожие на тех, которых он видел неделю назад на экране. Однако среди них были двое отличающихся по виду и одежде людей. Он узнал их! Это были Пия и Гелия!

Где находился этот сад? Далеко ли? Этого он сказать не мог. Самым удивительным было то, что изображение окружало его со всех сторон и любое движение головы или глаз изменяло поле зрения так, словно бы сам он, Рост, находился в этом саду.

Он открыл глаза, и сад исчез. Вокруг были только белые стены зала. Он снова сжал веки, вызывая изображение.

— Туда, к вам... можно? — неуверенно спросил он.

— Если хочешь... — услышал он голос Гелии. Однако сама она не повернула головы и ни одним движением не показала, что слышит его.

— Хочу! Но как к вам пройти?

— Иди постоянно на меня.

— С закрытыми глазами?

— Нет. Закрывай только иногда, чтобы сохранить направление. Понимаешь?

— Понимаю. А это ОНИ?

— Как видишь.

— Вы с ними беседуете?

— Это трудно так назвать... Слишком велика пропасть времени... Но пусть тебя это не смущает. ОНИ, несомненно, помогут нам. ОНИ нас понимают. И тебя поймут тоже... Если только захочешь...

— Какие ОНИ? — спросил он.

— Что тебе сказать... ОНИ мудры и прекрасны. Конечно, не так, как привыкли расценивать мы... Я могла бы сказать, что ОНИ добры к нам, но не знаю, имеет ли такое определение смысл. Это слишком напоминает отношение первобытного человека к богам, созданным им самим...

— Я тебя не понимаю.

— Боюсь, что мы бессознательно можем творить мифы. Необходимо отказаться от всяких эмоциональных оценок. ОНИ тоже не хотят этого... Мы должны их познать. Познать такими, какие ОНИ есть. Ведь это люди! Только внешне другие, а по существу — такие же. Сформировавшиеся в течение многих веков прогресса...

— Ты в этом уверена? Ведь не исключено, что все видимое нами — иллюзия. Если бы я мог увидеть этот мир таким, каков он есть в действительности! Пусть ОНИ покажут мне свой мир в обычных, знакомых мне трех

измерениях и времени, темп которого я мог бы понять. Разве это невозможно?

— Думаю, возможно. Не полностью, конечно. Но я не знаю, есть ли в этом смысл. Это все равно, как если бы ты хотел сразу видеть все, что происходит в каком-либо огромном доме, в каждой комнате, знать, что делает каждый жилец этого дома.

— Ты же знаешь, что я просто хочу увидеть объективную действительность. Увидеть хотя бы только то, что происходит здесь, на том месте, на котором сейчас нахожусь я, мой мозг. Ведь то, что меня окружает, — иллюзия! Искусственно созданная галлюцинация! Может, я нахожусь в пространстве, может, этой комнаты, этого здания вообще нет?! Может, все это мне только снится? Может, вообще существует не мое тело, а лишь игра сигналов в моем мозгу? Или даже просто в какой-то машине — запись моей индивидуальности, встроенная в какую-то кристаллическую сеть...

— Ты плетешь ерунду! Ты человек из плоти и крови.

— Это уже немало. Но мне этого недостаточно. Разве я не могу увидеть действительность?

— Ты ее уже видел. Не помнишь? На той площади...

— Это разные вещи.

А чего ты ожидаешь? Впрочем, если ты так уж хочешь... Только води себя разумно!

— Постараюсь.

— Ну так смотри!

То, что увидел Рост, было поразительно. Он находился на небольшой платформе, представляющей собой прозрачный пол зала, в котором был мину́ту назад. Вокруг — над головой, под ногами — сотни, даже тысячи человеческих фигур создавали какой-то огромный муравейник. Ближе к Росту несколько человек лежали неподвижно; словно подвешенные внутри прозрачных коконов, и только

движения их рук и сосредоточенные лица указывали на то, что они заняты какими-то сложными, требующими большого внимания работами. Рядом, выше и ниже, во всех направлениях с головокружительной быстротой, словно на скоростных лентах тротуаров, текли человеческие потоки. Глубже внизу, как бы в этажах этой прозрачной Вавилонской башни, толпы людей спешили во всех направлениях. Люди не задевали друг друга, в их движениях не было ни малейшего признака колебания. Каждый стремился к какой-то неизвестной цели, казалось, не видя проходящих мимо людей, занятый только собой или самым большим ближайшими к нему людьми. Там, где толпа редела, можно было заметить более крупные группы людей. Преимущественно они держались за руки, выполняя странные движения или, может быть, гимнастические упражнения, смысл которых Рост и не пытался понять.

Неожиданно он увидел перед собой женщину. Высокая, стройная, с длинными, уложенными по обеим сторонам головы волосами. Её тело было покрыто слоем какого-то вещества, которое подчеркивало классические формы её фигуры. Она шла к нему легким, танцующим шагом, глядя куда-то поверх его головы. Неожиданно она остановилась. Её взгляд скользнул по Росту и задержался на его лице. Она, казалось, была удивлена и мягко коснулась кончиками пальцев его руки. Он почувствовал, как заколотилось сердце...

Они неподвижно стояли несколько секунд, потом женщина улыбнулась ему и пошла дальше в сторону коконов. Он хотел уже бежать за ней, но почти в тот же момент их разделила белая матовая стена...

Рост опять оказался в маленьком низком зале, заполненном только рядами прутьев, вырастающих из пола.

— Пожалуй, довольно, — услышал он голос Гелии.

Он прикрыл глаза и опять увидел сад:

— Что это было? — спросил он, еще ошеломленный избытком впечатлений.

— Те, чего ты хотел. Действительность.

— Я иду к вам, — с неожиданной решительностью сказал Рост.

Он открыл глаза и быстро пересек стену там, где секунду назад видел Гелию и Пию. Какой-то длинный зал, но теперь он уже ни на что не обращал внимания. Опять прикрыл глаза, проверил направление и пошел быстрее.

Скорее добраться до сада, увидеть Гелию, Пию и этих неизвестных хозяев Земли.

А вдруг все это лишь самообман? А Пия, Гелия — лишь изображения, спроецированные в его мозг? Правда, он разговаривал с Гелией. Он был убежден, что это она! Однако почему она вела себя так странно? Неужели психические преобразования зашли столь далеко?

Что их ждет? Если даже все, что он видит и слышит, — правда, если Гелия и Пия не ошибаются, утверждая, что эти удивительные существа — действительно люди, владеющие Землей, то можно ли создать мост, соединяющий две столь отдаленные цивилизации? А если можно, то какой ценой? Ценой потери всего, что он любил в своей прежней жизни?

Он непроизвольно замедлил шаг. Борьба, которую он вел с самим собой, становилась все отчаянней. Он твердил, что должен верить Гелии, должен оставить позади прошлую жизнь и начать новую. Быть может, лучшую... но тут же возражал себе: чего стоит самая прекрасная, самая разумная жизнь, если она должна без остатка заслонить прошлое, если условием этой жизни будет потеря всех переживаний, которые творили суть его, Роста, личности?

Он остановился. Прикрыл глаза и вновь увидел сад, Пию, Гелию...

Резко повернувшись, он открыл глаза. Зал, похожий на тот, в котором вчера очнулся. Он опять сжал веки, стараясь сосредоточиться на мысли о корабле. И тут же вместо сада увидел просторное, окруженное лесом поле с высоким, горящим на солнце межзвездным гигантом посередине. словно лунатик, он пошел туда вслепую, проходя сквозь стены. Наконец оказался в многоугольном зале. Таких он здесь еще не видел. Потолок и стены были покрыты большими дисками из серебристого металла.

Но не это заставило его остановиться. Музыка. Тихая, но отчетливая. Он чувствовал, как тревожно забилося сердце. Он хорошо знал эту вещь. Это был тот фортепьянный концерт, токката которого преследовала его вчера в течение многих часов.

Музыка отличалась от слышанной им до сих пор. Он не мог, не умел почувствовать ее прелести. Она казалась странной и искусственной, порой граничащей с непереносимой для уха какофонией, и все-таки, измененная в результате тысячелетних преобразований, это была она.

Поток звуков лился отовсюду. То ли какие-то гигантские органы, то ли объединенные хоры и симфонические оркестры. Кто мог исполнять это произведение? Кто мог его слушать? Неужели все это только ради него? Рост судорожно сжал веки и увидел перед собой исполнителя. Он стоял выпрямившись, слегка подняв голову и прикрыв глаза. Во всей фигуре, в плавных, но быстрых движениях рук, в игре чувств, отражавшихся на лице этого человека, было столько прелести и творческого возбуждения, что Рост не мог оторвать от него взгляда. Ему захотелось как можно скорее, сейчас же оказаться ТАМ, рядом с НИМ!

Вот он уже слышит начало токкаты, «его» токкаты — созданной сотни веков назад человеком, имени которого он, пришелец из того времени, не помнит...

Рост, не открывая глаз, быстро пошел вперед. Человек не приближался и не отдалялся, однако музыка с каждым шагом словно бы разрасталась, усиливалась, поглощала Роста без остатка. Сейчас ему было безразлично, слышит ли он ее собственными ушами или же, как и голос Гелии, она звучит где-то в нем самом...

Неожиданно изображение исчезло. Рост испуганно открыл глаза. Он стоял на какой-то огромной залитой солнцем эстакаде. Вокруг — десятки людей: женщины, мужчины, дети. Поодиночке или группами они не спеша шли в различных направлениях, стройные и прекрасные...

Он без труда нашел того, которого искал. Исполнитель стоял внизу, на небольшом возвышении, окруженный людьми. Из странного инструмента лились последние аккорды финала... пятого концерта Прокофьева.

Кто-то коснулся руки Роста. Он обернулся — за ним стояла Гелия...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

«...Из странного инструмента лились аккорды финала... пятого концерта Прокофьева.

Кто-то коснулся руки Роста. Он обернулся — за ним стояла Гелия...»

Прочитана последняя строка последней страницы. Несколько часов вы жили образами, наваянными автором, его глазами смотрели на Землю и космос, наш мир и антимир, людей без памяти и память без тела, двадцатый век и четыреста второй. И вот странствия мысли в пространстве и времени завершены. Вы снова на Земле, в своей комнате, в руках у вас книга — сочинение Кшиштофа Боруны, фантастические рассказы. Вы их прочли, выяснили судьбу героев, теперь волнения позади, вы можете спокойно подумать и об авторе. Почему он дал героям такую судьбу, почему фантазировал так, а не иначе, что вложил своего и согласны ли вы с этим «боруновским»?

Итак, Кшиштоф Боруна, год рождения 1923, польский писатель, активный антифашист, автор научно-популярных и научно-фантастических статей и книг, энтузиаст науки, астронавтики и кибернетики, журналист, публицист, секретарь редакции, общественный деятель...

И друг Советского Союза. И наш единомышленник в оптимистическом видении будущего, верящий в разум, в прогресс, в человека. Верой этой проникнуты все произведения Боруна, в одном из них он прямо говорит:

«Хуже всего в кошмарных снах сознание бессилия... Какого-то фатализма в событиях... Катастрофы, которой человек не может избежать. К счастью, в жизни, в действительности, мы сами можем ковать свою судьбу. И во время предотвращать всякие опасности...»

Позиции автора находят свое выражение в научно-фантастической форме. Попробуем разобраться, как Боруна это делает. Правда, мы сразу же сталкиваемся с определенными трудностями — ведь критерии оценки, методы разбора, требования к фантастике весьма многообразны, а порою противоречивы.

Критики пишут, что научная фантастика — это литература крылатой мечты, научного предвидения, занимательная форма популяризации, прием изображения будущего, просто раздел человековедения, изображение научного творчества, форма распространения новейших идей.

Как ни странно, все эти формулировки и правильны, и неправильны. Каждая из них правильна для одной группы авторов или произведений и неправильна для других. А фантастика в целом, подобно человеческой фантазии, как и любой вид искусства, обширна и разнообразна. В каждом отдельном случае надо разбирать, что и кому хотел сказать автор — ведь от литературной задачи зависят и тип сюжета, и система характеров, и степень занимательности, научности, психологичности произведения.

Так, если автор лишь информирует читателя о своей мечте, описывает цель, призывает стремиться к ней, стараясь изобразить мечту как можно увлекательнее, то и

сюжет в таком случае обычно строится на столкновении могучих обладателей мечты с сегодняшними людьми. Происходит это при первом испытании, первом применении открытия, изобретения — плавание первой подводной лодки, первый воздушный корабль, первый полет на Луну, планеты, звезды. Фабула получается героико-приключенческая: владельцы воплощенной мечты берут барьеры, для сегодняшней техники непреодолимые. И герои здесь героические: гениальные изобретатели и бесстрашные испытатели.

Однако если цель поставлена, мечта общеизвестна, в науке и литературе обсуждаются способы ее осуществления, то и сюжет получается совсем иным. Теперь главная задача автора — изложить фантастическую научно-техническую идею. И построение получается лекционное, а главные герои — лектор и слушатели.

Иногда автора интересует не сама по себе идея, а ход ее выполнения, история воплощения мечты. Тогда опять новый тип сюжета: неторопливый, лабораторный или производственный, с обилием научных и технических подробностей.

Возможен и такой вариант, что автор изображает итоги, последствия всеобщего распространения воплощенной мечты. В этом случае сюжет сопряжен с максимальным для фантастики углублением в психологию. Ведь надо показать, что даст открытие людям, и следует изобразить этих людей как можно правдивее и убедительнее, со всей сложностью их характеров.

О многообразии фантастики необходимо было напомнить, иначе трудно понять и оценить творчество Боруня.

Он начал с космических приключений. Совместно с Анджеем Трепкой написал трилогию о полете к звезде Проксима Центавра — «Загубленное будущее», «Проксима» «Космические братья». Полет совершался на асте-

ронде, в пути герои сталкивались с различными космическими опасностями и героически их преодолевали.

В дальнейшем Кшиштоф Борунь решительно переходит от космических приключений к изображению научных идей и последствий мечты.

Фантастика научных идей одновременно и легка и трудна для литератора. Легка потому, что характеры, в сущности, играют тут роль подсобную. Основное — идея. Одни герои ее излагают, другие слушают. Кто слушает, безразлично. Слушателю необходимы уши, а не характер. Например, Ирена из рассказа «Письмо». Мы так до конца рассказа и не знаем, что она за человек, чем живет, к чему стремится, как поступит с доверенной ей тайной, куда и зачем плыла на пароходе. Не знаем и знать это нет необходимости, потому что Ирена — слушатель. Роль ее пассивна, она живой магнитофон, записавший в своей памяти тайну пребывания космических пришельцев.

Столь же неясен характер корреспондента из рассказа «Антимир», и, пожалуй, даже не нужно обрисовывать его яснее, потому что он тоже только слушатель, он как бы «делегат» читателей, введенный в рассказ.

Трудности в фантастике идей заключены в том, что голая лекция читателю скучна и в нее необходимо привносить занимательность, не вытекающую из задачи рассказа, из его сути, из взаимоотношений лектора и слушателя. И Борунь, надо отдать ему должное, проявляет немало изобретательности в построении увлекательного обрамления идеи.

Рассказ «Письмо» начинается с кораблекрушения. Двое на плоту — мужчина и женщина. Умирающий сообщает спутнице тайну своей жизни. Читатель заинтригован: в такой обстановке стоит рассказывать лишь что-то очень значительное. Лекция о прибытии космических гостей подана в форме завещания. Повествование то и дело обры-

вается по мере того, как вспыхивает и гаснет надежда на спасение. Жадный собственник открытия то дарит его, то отбирает, то умоляет выслушать, то отрекается от своих слов. И если у слушательницы нет характера, то у лектора он явлен отлично — это честолюбец, собственник и скряга.

«Антимир» тоже рассказ-лекция со слушателем, но построен он еще сложнее — на постепенном прояснении тайны. Сначала намеки героя, потом разрозненные страницы его дневника и в заключение — связный, проливающий па все свет отчет.

И «Грань бессмертия» — самое большое произведение сборника — по своей форме тоже принадлежит фантастике научных идей, способов выполнения мечты. В данном случае идея заключается в том, что смерть можно победить, записав содержание мозга на некий материал, более прочный, чем серое вещество больших полушарий. Но узнаем мы это не сразу; тайна раскрывается постепенно, в сложном детективе, где автор ведет нас к истине через заготовки ошибочных догадок: подложное завещание — институт присвоил посмертные издания — Браго жив, но прячется от жены и ребенка — в могиле похоронен другой — Браго был объектом бесчеловечных опытов и убит — под его именем пишут другие люди или машины... И когда, наконец, дана разгадка, мы уже вовлечены в конфликты последствий: дальнейшей судьбы мозга и открытия.

Судьба Хозе Браго трагична. Запись его мозга гибнет в пламени пожара — он умирает во второй раз. Герой «Письма» уносит в могилу тайну о том, где находится пещера космических пришельцев. Самоотрицанием копчается «Антимир»: рассказчик отрекается от своего рассказа. Открытия нет, открытие сомнительно, оно померещилось! Не надо думать, что фантастика тут отрицает сама себя. Такой литературный прием, найденный еще

в прошлых веках для успокоения придирчивых читателей, присущ не одному Боруню.

Дело в том, что художественная литература постоянно сталкивается с противоречием: читатель охотно читает выдуманные истории, но требует от писателя, чтобы при всей своей невероятности они казались правдоподобными. Особенно трудно разрешить это противоречие в фантастике.

Тогда-то автор и «губит» открытие.

Открытие утеряно! Извержение разрушает таинственный остров, хоронит подводную лодку капитана Немо, гибнут невидимка, Кэвор, доктор Моро. И гибнет безымянный герой «Письма». Автор снимает с себя ответственность за продолжение. Возможно, все рассказанное — горячечный бред умирающего. «Вот только ключ...» Фанатики сжигают мозг Хозе Браго — поэтому нельзя сообщить о последствиях великого открытия. Они и не показаны в «Грани бессмертия», об их возможности только говорится устами героев. «Грань бессмертия» в основном принадлежит к произведениям, где господствует фантастика научной идеи. Но у Боруня есть рассказы, целиком посвященные последствиям.

Этот вид фантастики обычно называется у нас фантастикой предостережения. Название это одностороннее — ведь последствия не обязательно должны быть опасными. Но так уж сложилось.

Борунь тоже писал предостережения. Характерна его повесть «Кошмар», показывающая опасные последствия атомной радиации: нарушается генетический аппарат человека, видоизменяется наследственность, рождается все меньше полноценных и все больше психически больных мужчин, человечество постепенно вымирает. Предостережение настойчиво звучит и в рассказе «Антимир». Автор как бы призывает быть осторожными в надеждах на кос-

мические контакты с чужими цивилизациями, он предупреждает, что понять иные миры не так просто, а научная любознательность не везде уместна — она может быть опасна для исследователей и губительна для исследуемых.

Но одно предостережение не удовлетворяет Боруна. Он верит в будущее, в прогресс, в науку. Интерес к научным подробностям проявляется во всех его рассказах. Ему хочется в деталях рассмотреть научную проблему с различных точек зрения, поэтому он часто вовлекает своих героев в научные споры, где они высказывают гипотезы и контргипотезы, приводят веские аргументы и опровергают их. У открытий могут быть опасные последствия, но это только изнанка полезного исследования. И от однобокого предостережения Боруна переходит к всестороннему, «философскому», как он выразится, изображению будущих последствий научного прогресса.

Фантастика последствий наиболее психологична, я уже упоминал об этом. Герои фантастики заманчивой мечты или фантастики идей бывают схематичными отчасти потому, что их функция в сюжете проста, линейна: принести в мир открытие или испытать его и восхититься, изложить идею или выслушать ее. Рельефная психологичность желательна и тут, но в общем читатель поймет суть и без нее. В фантастике последствий нужно показать последствия новшеств для людей, и без реалистического изображения психологии тут не обойтись.

Пример — «Фабрика счастья». Сделано открытие — можно отредактировать память, стереть воспоминания о горьком прошлом. А даст ли это счастье? Да и нет, — отвечает Боруна. Да, поскольку исчезает душевная рана. Нет, потому что появляется червь сомнения. И любопытство терзает: кем я была в прошлой жизни, не обманута ли я врачами, не повторится ли моя беда? И перед цели-

телем дилемма: надо ли говорить правду больному, разрушая результаты лечения? Истина или покой?

Перед вами психологический этюд, правдивый и непростой.

Обращает внимание Борунь, и надо отметить это как его особую заслугу, на антирелигиозные последствия открытий. Ведь любая религия всегда активно или пассивно враждует с прогрессом. Это вытекает из самой логики веры и поклонения: если мир создали боги, стало быть, все в нем разумно и не человеку исправлять дело рук божьих. Если боги диктовали священные книги, а пророки писали их, то там уже сказано все или хотя бы все, что следует знать человеку. Узнавать что-либо сверх того противно воле бога. И продвигаясь за пределы прежних знаний — в прошлое, в недра, в космос, в микромир, — наука с боем отвоевывала каждый шаг, преодолевая ожесточенное сопротивление религии, ибо каждое зернышко истины расшатывает авторитет церкви. И конечно, неизбежно сталкивается с религией научная фантастика.

В повести «Восьмой круг ада» — она опубликована у нас в выпущенной издательством «Молодая гвардия» (1966 г.) пятой книге «Библиотеки современной фантастики» — Борунь рассказывает о средневековом инквизиторе Модесте Мюнхе, увезенном пришельцами в космос и возвращенном оттуда в будущее — в эпоху осуществленного коммунизма. Мюнх побывал в космосе и в будущем, но не понял и не принял ничего. В упрямом стремлении отстоять религиозные догмы он отрицает очевидное. Пришельцы для него — дьяволы, все новое и непонятное — их козни, космос — наваждение, люди будущего — дьяволы, притворившиеся людьми. Во имя мертвой догмы Мюнх убивал людей в прошлом — в XVI веке и, оказавшись в будущем, во имя догмы хочет уничтожить людей,

прежде всего девушку Каму — кстати, свою спасительницу.

Модест Мюнх — представитель церкви былых веков — могучей, всесильной. Но его время кануло в прошлое. Наука наступала непрерывно в течение четырех веков, вытеснила религию с Земли, из космоса и человеческого сознания. Единственное, за что еще можно уцепиться церковникам, это смерть. Из гроба еще никто не возвращался, и священнослужители утверждают, что именно там, за гранью смерти, начинаются владения религии — там бессмертные души, там божество.

И вот наука, пока фантастическая, в повести Боруня переступает грань бессмертия, точнее бы сказать — «грань смерти». И с этим новым успехом сталкивается среди прочих священник Альберди.

Альберди — полная противоположность невежественному фанатику Мюнху. Это добрый, достаточно образованный человек и терпимый служитель церкви. Он представляет не всесильную церковь, а отступающую, но мягко и гибко отстаивающую свои позиции. Однако последняя позиция — смерть. И добрый Альберди противится продлению человеческой жизни. Пусть на словах, в спорах, но он старается доказать невозможность победы над смертью. Столкнувшись с новым успехом науки, он не отрицает очевидное, не упрямится, отступает на шаг, признает успех, но тут же ищет лазейку: дескать, душа Хозе задержалась тут временно, а потом все равно уйдет в загробный мир. Да, Альберди проявляет гибкость и терпимость. Но ведь это его паства толпой идет разрушать институт, восстанавливает права смерти, уничтожает окончательно Хозе Браго. И темные силы, науськивающие толпу, играют на предрассудках, внушенных церковью и вольно или невольно поддерживаемых этим самым Альберди.

Мечта о бессмертии одна из самых древних и непреходящих у человека. Недаром и религия приспособилась к этой мечте, обещая бессмертие загробное. О победе над смертью мечтала сказка, о победе над смертью самыми разнообразными способами мечтает и фантастика. И Боруль записывает память человека на некое силикаторганическое вещество, аналогичное белкам и способное к самосовершенствованию, подобно живой материи.

Правда, герой Боруля тоже не беспрельдно счастлив, он оживлен наполовину, сохранил память без тела, мышление без активного действия — полусуществование. Однако это препятствие преодолимо. Мы читаем о первом опыте, самой первой попытке, а ведь всякий метод поддается улучшению, это вопрос времени.

Боруль не первооткрыватель темы. Да и как можно быть первооткрывателем в извечных для человека проблемах. С тех пор, как существуют люди, их волнуют любовь, труд, свобода, власть, благополучие, истина, смерть, бессмертие. С тех пор, как существует литература, она обсуждает эти проблемы. И каждый новый автор только вступает в вековой спор: приносит новые наблюдения, соображения, предложения, а иногда и возражения. Идет многовековая всемирная дискуссия о жизни. И тема произведения нередко отыскивается в работах другого писателя. Хочется возразить ему — вот и тема.

Мне представляется, что некоторые вещи Боруля родились в литературной дискуссии с С. Лемом. Я имею в виду «Токкату» и не вошедший в настоящий сборник рассказ «Третья возможность».

Облик братьев по разуму — сознательных обитателей других миров — одна из любимых тем научной фантастики. Одни писатели считают, что жизнь везде развивается почти одинаково и разумные существа повсюду должны быть похожи на человека, можно даже влюбиться в де-

вупку с чужой планеты. У других писателей наши космические «братья» мохнаты, чешуйчатые, пятиноги, шестиноги, хвостаты... Но почти всегда они живут на суше, на планетах, похожих на Землю, с прозрачной атмосферой, обогреваемых своим солнцем. И всегда эти разумные братья образуют общество, напоминающее наше.

А нельзя ли предположить что-нибудь принципиально несходное? — такой вопрос поставил Лем. И изобразил в романе «Солярис» разумный океан — общество-существо размером с планету. Так помимо земного варианта — разумное общество, состоящее из разумных самостоятельных особей, — появился еще (на бумаге) и солярисовский: общество-существо, состоящее из неразумных слитных деталей — атомных, клеточных или каких-то иных.

— Нет ли еще и третьей возможности? — спросил себя Борунь. Придумал и описал возможность третью: разумное общество, состоящее из неразумных самостоятельных особей — некое подобие муравейника, который научился мыслить. Как можно оправдать существование такой удивительной комбинации? Может быть, муравейники все совершенствовались и приобрели коллективный разум, а может быть, как и предположил Борунь, на той планете деградировало нормальное общество, угнетатели подавили разум своих рабов, а потом и сами лишились разума.

Но в «Третьей возможности» спор с Лемом идет по второстепенному мотиву, а в «Токкате» по существу — о будущем.

Советскому читателю известен роман Лема «Возвращение со звезд». Пока герой странствовал в космосе, на Земле прошло 127 лет. Но космонавтов никто не встречает как героев. Жизнь на Земле идеально благоустроена, комфортабельна, безопасна. У людей есть все, но у них нет желаний, они пассивны, инертны, робки, утратили всякий интерес к науке, даже к космическим исследова-

ниям. «Безопасна ли техника без опасности? — спрашивает Лем. — Не обезличат ли людей будущего жажда комфорта, культ удобств и стремление к безопасности, не превратят ли их в серых обывателей?»

— Никогда! — отвечает Боруль.

Отвечает рассказом «Токката».

Триста восемьдесят два века прошло на Земле, пока странствовали в космосе его герои. Все изменилось. И космонавту Росту кажется, что человечество выродилось, люди обленились, активны только машины. К счастью, опасения оказались напрасными.

Изо всех тем Боруля тема «Токкаты» самая важная и самая масштабная. Я думаю, что автор еще вернется к ней, развивая и расширяя изображение далекого будущего, потому что в рассказе есть много неясностей, некоторое несоответствие деталей масштабам сюжета.

Ведь экспедиция, рассчитанная на возвращение в четырехсотом веке, должна была преследовать какую-то грандиозную цель, иначе она теряет смысл. И если экспедиция не оправдала возложенных на нее надежд, то эта трагедия страшнее гибели ста человек, а если задание выполнено, тогда в руках космонавтов ценности, которые имеют значение для всего человечества. Но люди будущего относятся к ним равнодушно, даже не интересуются ими. Да и сами космонавты ведут себя по меньшей мере беспечно: судьба материалов экспедиции решается случайно, как небольшая деталь судьбы Пии. В сущности, герои «Токкаты» — это послы двадцатого века, отправленные в космос, чтобы добыть там и передать нашим далеким потомкам некий бесценный подарок. И думать они должны прежде всего о нем, должны понимать, что Земля изменилась, а поэтому присматриваться осторожно и внимательно, решать неторопливо, меньше думать о личной своей судьбе. На мой взгляд, все это следовало бы

прояснить. Но у читателей сложилось собственное мнение. Может быть, эскизный набросок вполне вас удовлетворяет, а ваше воображение дорисует все недосказанное автором.

В заключение мне хочется сказать, что я умышленно избегал оценок — похвал или замечаний. Собственно, стоит ли расхваливать или поучать автора? Ведь он не пророк и не ученик. Он участник всемирного спора о жизни, в данном случае наш современник, единомышленник, товарищ — соратник на строительной площадке коммунизма.

Г. Гуревич

СОДЕРЖАНИЕ

К советскому читателю	5
ГРАНЬ БЕССМЕРТИЯ. Авторизованный перевод Е. Вайсброта	9
ФАБРИКА СЧАСТЬЯ. Перевод В. Л. Шibaева	183
ПИСЬМО. Сокращенный перевод В. Л. Шibaева	218
АНТИМИР. Перевод Е. Вайсброта	254
ТОККАТА. Авторизованный перевод Е. Вайсброта	303
Послесловие	353

К. Борунъ

**ГРАНЬ
БЕССМЕРТИЯ**

Редактор *А. Г. Беловцева*

Художник *Е. В. Бачурин*

Художественный редактор

Ю. Л. Максимов

Технический редактор *А. В. Грушин*

Сдано в производство 25/X 1966 г.

Подписано к печати 15/XII 1966 г.

Бумага $70 \times 108 \frac{1}{32} = 5,75$ бум. л.

16,1 печ л.,

16,02 уч.-изд. л. Изд. № 12/4024

Цена 95 к. Зак. 398.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР»
Москва, 1-й Рижский пер., 2

Ленинградская типография № 2
имени Евгении Соколовой
Главполиграфпрома Комитета по печати
при Совете Министров СССР
Измайловский пр., 29

**В 1967 году в серии
„ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА“
выйдут следующие книги:**

Р. Бредбери.
ВИНО ИЗ ОДУВАНЧИКОВ. Перевод с английского.

С. Лем.
КИБЕРИАДА. Перевод с польского.

М. Кэйдин.
В ПЛЕНУ У ОРБИТЫ. Перевод с английского.

К. Саймак.
ПРЕЛЕСТЬ. Перевод с английского.

Времена Хокуса.
Сборник научно-фантастических рассказов. Перевод с японского.

ЛУНА ДВАДЦАТИ РУК.
Сборник научно-фантастических рассказов. Перевод с итальянского.

ПРИШЕЛЬЦЫ НИОТКУДА.
Сборник научно-фантастических рассказов. Перевод с французского.

ЧЕШСКАЯ НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА.
Сборник научно-фантастических рассказов. Перевод с чешского.

Издательство «МИР»

95K

